

*Российское историческое общество
Российский университет дружбы народов
Центр исторической экспертизы
и государственного прогнозирования*

С.А. Воронин

**ГЛАВНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ:
ОТ РЕФОРМАЦИИ
ДО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА**

Москва
Издательство «Школа великих книг»
2015

УДК 94(5)
ББК 63.4
В75

Воронин С.А.

В75 Главные заблуждения нашего времени: от Реформации до неолиберализма. — М.: Изд-во Школа великих книг, 2015. — 232 с.

ISBN 978-5-7396-0360-9

Исследование посвящено комплексному изучению феномену либерализма, его генезису и эволюции от Реформации до современного проекта глобализации. В монографии выявлена и показана тенденция духовной инверсии, возникшей в XVI веке и определившей контуры англосаксонского аксиологического проекта до наших дней. В научной, не политизированной форме, автор доказывает эффективность либеральной модели исключительно в рамках западной цивилизации, акцентирует внимание на невозможность, ненужность и неприменимость либерального проекта для России, Азии, Африки и Латинской Америки, т.е. незападных цивилизаций. Гуманизм и Просвещение рассматриваются как причина и следствие резкого поворота западного человека на путь индивидуализма и секуляризации, как этапы на пути «расколдовывания» и рационализации мира. В рамках исследования генезиса и эволюции либерализма уделено внимание и таким стыдливым и неудобным, неполицорректным для современного западного человека темам, как расизм и расовые теории, которые также являются неотъемлемыми составными частями либеральной идеологии. В сознании наших современников резко разведены в противоположно полярные стороны Свет Гуманизма и Просвещения, их вклад в мировую культуру и науку, и тьма расизма, нацизма и апартеида. Расизм воспринимается как досадное недоразумение, некая перверсия на прогрессивной столбовой дорожке либеральной западной цивилизации. Автор постарался аргументировано, опираясь на солидную источниковую базу, доказать, что и Просвещение, и расистские теория и практика являются неразрывными звеньями одной цепи, единого англосаксонского постреформационного мышления, несколько не противоречащими, а скорее взаимодополняющими друг друга.

На конкретных исторических примерах в исследовании показаны пагубные последствия внедрения либеральной политической, экономической и культурной составляющей в российскую действительность со времен Лжедмитрия I до М.С.Горбачева и либеральных 90-х.

В современных условиях, когда на РФ в целом, и на российское образование, в частности, усиливается давление агрессивного либерализма, такие издания, как контридеологический ответ либеральным оппонентам, чрезвычайно важны и нужны и могут вызвать интерес не только у специалистов, но и широкого круга читателей, не безразличных к судьбе Отечества.

**УДК 94(5)
ББК 63.4**

© Воронин С.А., 2015
© Центр исторической экспертизы
и государственного прогнозирования

ISBN 978-5-7396-0360-9

*Светлой памяти моего деда
Николая Никитовича Воронина,
настоящего советского человека и гражданина.*

Предисловие

Карл Маркс как-то заметил, что сознание, как правило, отстает от реальности. Иными словами, понимание сущности социальных, экономических и политических изменений наступает после того, как они случились, произошли, а не предшествует им и даже их не сопровождает. Именно этим неизбежным, историческим отставанием и была продиктована необходимость написания этой книги. Работа над ней была начата весной 2011 года — тревожного, противоречивого, насыщенного резким обострением либерального вируса в России в ожидании выборной компании на пост президента, дестабилизацией на Ближнем Востоке и Северной Африке, получившей наименование «Арабской весны» и, в целом, новым витком напряженности в международных отношениях. Значительная часть российской элиты и российского общества разделяли либеральные настроения, жили в устремлениях на Запад, верили в ценности западного образа жизни. Пишу об этом в прошедшем времени, поскольку события на Украине в 2014 г. внесли значительные коррективы в мировоззрение российского либерального сообщества. Однако глубоко ушедшие в подсознание нашей интеллигенции либеральные корни весьма живучи. Путь избавления от иллюзий и заблуждений тернист и долог, поэтому испытываю надежду, что сей труд не утратил своей актуальности за годы написания и может быть полезен в деле преодоления химер и заблуждений российского сознания и сегодня.

Французский философ и математик XVIII века Блез Паскаль иронически отмечал, «что истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Римский понтифик Пий IX был ещё более радикален и категоричен. Он не только

разделял подходы Паскаля, но и опубликовал в 1864 году «Перечень главных заблуждений нашего времени», среди которых значились: либерализм, рационализм, протестантизм, взгляд на государство как на источник права, отделение церкви от государства и многое другое. На протяжении почти двух столетий вера в либеральную демократию воспринималась креативным меньшинством как панацея от всех болезней, нередко затягивая в свой водоворот целые народы и государства. В XX веке западный либерализм существовал в форме конкуренции двух идеологических проектов, отражающих ценности западной аксиологии: марксизма и либерализма, олицетворяя гегелевский подход борьбы и единства противоположностей.

Под понятием «ценности» в современном политическом лексиконе, как известно, понимаются основные принципы устройства семьи, общества и государства, разделяемые большинством граждан. Вводя нравственные критерии в оценки отношений между людьми и государством, свод ценностей служит системой координат, вне которой происходит утрата идентичности. У каждой цивилизации, претендующей на свое место под Солнцем, следовательно, должен быть свой ценностный код, свой уникальный Проектный язык. В конце 80-х гг. прошлого века СССР отказался от своего проекта, переняв западный ценностный язык, пойдя по пути, подсознательно проторённому Петром I, пути замены традиционных российских ценностей западными симулякрами.

Советский Союз распался не в декабре 1991 года, а в декабре 1988 года, когда в выступлении Михаила Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН прозвучало: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес. Осознание этого требует, чтобы и мировая политика определялась в первую очередь общечеловеческими ценностями. Дальнейший мировой прогресс возможен теперь лишь через поиск консенсуса в движении к новому мировому порядку». В этой фразе квинтэссенция западного аксиологического проекта, англосаксонского либерализма. Отказом от советского проекта и переходом к «европейничанью» М. С. Горбачев задолго до официального распада СССР вынес ему смертный приговор. Перенос чуждого проектного язы-

ка оказал на нашу страну самое губительное и разрушающее воздействие. Ведь, как известно, Запад и Россия всегда были оппонентами в понимании фундаментальных принципов мироустройства. Россия всегда выступала как символ традиции и исторического преемства. Либеральный Запад со времен Реформации, вооружившись иудейской этикой, пошел по пути протестантского капитализма, отрицавшего традиции, формируя разрыв прошлого, настоящего и будущего. Философия Гуманизма и Просвещения, поставив человека в центр Мира, сделала ставку на концепцию линейного прогресса, на радикальное отрицание традиции и предания. Разум человека должен был быть уподоблен чистой доске, на которой бы испытанная природа оставляла свои отпечатки. Отрицание ценности предания с целью очищения разума становится исходной методологической установкой либерализма. Именно здесь заложен исток европейского либерального философствования, исключившего Бога из картины мира, ведущего от богоборчества к нигилизму, атеизму и человекобожию.

Именно здесь истоки протестантского «страха Лютера», терзающего Запад на протяжении пятисот лет, здесь истоки утраты смысла бытия и экзистенциального одиночества современного западного человека. В этой связи рождается вопрос: «Если неолиберализм не работает сегодня даже в своей ценностной среде, неужели при перенесении набора его инструментов на чуждую почву можно достичь значительных позитивных результатов?» Нас всех в очередной раз заманивают в идеологическую ловушку, предлагая сомнительную идеологию в обмен на ресурсы и национальный суверенитет. Бусы в обмен на золото — как во времена конкистадоров. Капкан открыт, нога занесена. Захлопнется он или нет, зависит от нас с вами, оттого насколько мы захотим разобраться в реальном состоянии дел. Надеюсь, сей скромный труд поможет вдумчивому читателю навести фокус на сущность генезиса и эволюции идеологии либерализма. Моя скромная задача состояла в том, чтобы опираясь на язык исторических фактов и источников, осуществить экскурс в развитие либеральной доктрины, по возможности оставаясь объективным и беспристрастным. Выводы делать Вам.

Введение в проблему

Провозглашение эры индивидуализма требует особенно пристального внимания и критического осмысления либеральных ценностей, прежде всего, апологетики прав человека, снятия табу морально-нравственного и религиозного характера. Как известно, основным вектором англосаксонской глобализации как идеологического проекта является полная десакрализация культурного пространства. Секуляризация мир-сознания – явление, родившееся не сегодня, но именно в наши дни апологеты десакрализации необычайно активны, стремясь дододать, вытравить традиционные ценности. Идет массированная атака глобальными СМИ на православие, ислам, католицизм. Общество пытаются приучить к мысли, что пляска на амвоне Храма Христа Спасителя лишь невинная шалость, попытка выразить свою индивидуальность. Иными словами, масс-медиа, контролируемые и финансируемые транснациональными корпорациями, открыто заявляют: «Ничего святого!», «Бог умер!». Вакханалия разворачивается на фоне активной пропаганды однополых браков, содомии и свального греха, бородатых женщин–победителей «Евровидения 2014» и постоянных назойливых призывов к уважению ценностей либерализма.

Попытке выяснить истоки, генезис и эволюцию современной неолиберальной идеологии и посвящена эта работа. Целью, поставленной автором, является рассмотрение развития западного аксиологического проекта от Реформации, Просвещения, Этики капитализма до неолиберальной концепции современного глобального мира.

Идеологическое противостояние Востока и Запада, берущее истоки с Великой схизмы 1054 г. Никейского собора, получившее дальнейшее развитие в эпоху Просвещения и

достигшее апогея в конкуренции проектов развития СССР и протестантской модели англосаксонского мира, казалось бы, окончилось в 1991 году. Вселенская битва «Добра» с «Империей зла» была выиграна. Окончание «холодной войны» и крах коммунизма должны были привести к «концу истории» и к универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Эти события, естественным образом, воспринимались как триумф Запада, как решающий поворотный пункт, открывающий эру «Нового мирового порядка», в которой именно англосаксонский проект будет определять контуры и стандарт цивилизации в XXI веке, то есть «кто силен, тот и прав». Ф. Фукуяма даже выдвинул тезис о том, что американский образ жизни полностью соответствует человеческой природе, и его желают все народы мира, что мир движется к единой глобальной цивилизации, основанной на западных ценностях.

Победа Запада в начале 90-х годов XX века, казалось, подтвердила превосходство и универсальность его проектной концепции. Его апологеты всегда твердили об этом. Маргарет Тэтчер в своё время давала такие рекомендации: «Не важно, начнёте вы с политической или с экономической свободы, всё равно, рано или поздно вы получите и то, и другое...». Британский премьер принадлежала к традиции англосаксонской мысли, рассматривающей свободные рынки и либеральную демократию как взаимодополняющие явления. Майкл Новак в книге «Дух демократического капитализма» еще в 1982 году писал: «Хотя, кажется, что побочные формы капитализма способны какое-то время обходиться без демократии, естественная логика капитализма приводит к либерализму».(1)

Практическое воплощение этих теоретических схем активно внедрялось в российское сознание последнее прошедшее двадцатилетие, подвергнув основательной коррозии идеалы коллективизма, общинности, заложенной в основание менталитета российского общества. Лишь в последнее время у части россиян возникли сомнения в абсолютной ценности либерализма, однако значительная часть российской политической элиты и так называемого среднего класса «креативных» и «успешных» россиян всё ещё заражена вирусом либерализма.

Последствия такого «заболевания», тем более приобретающего характер эпидемии, крайне опасны для самих основ российской государственности, ибо нарушают духовные скрепы народного сознания и невидимые, но прочные нити, соединяющие власть и народ. Попробуем разобраться, что же за ценности нам предлагают, а порой и навязывают.

Ценности подразделяются на две категории – идеальные и материальные, базирующиеся на интересах. Идеал – это язык ценностей. А материя – язык цен. Список материальных ценностей, объявляемых «общечеловеческими», исчерпывается сугубо утилитарными представлениями о жизни как физиологическом процессе, а также о благосостоянии или процветании. Большинство же ценностей, в отличие от интересов, идеальны по своей природе и, напротив, универсальными быть не могут. Они порождены определённым социально-экономическим укладом, отражают его уникальность и формируют идеал, определяющий его идентичность – религиозную, этническую, национальную, социальную, государственную. В.Б. Павленко справедливо подчеркивает: «Каждая такая общность – неповторима, у каждой – своё место на лестнице исторической эволюции». (2) Идеальные ориентиры задают «белый пакет» ценностей. Идеал выражается категорией «образ жизни», а интерес – «качеством жизни», формирующим стандарт «Новой этики» глобализации, в основе которой лежат интересы индивида.

Однако совершенно очевидно, что у индивида не может быть другого проекта, кроме индивидуального, нацеленного на личное процветание и благосостояние. Индивидуальные интересы далеко не всегда тождественны коллективным, общественным, государственным, а зачастую, им противоречат. Более того, интересы индивида можно удовлетворить только за счёт интересов общества. Попытка объявить индивида «единицей исторического измерения», «мерой всех вещей» ведет к разрушению общей идентичности и атомизации общества. Исторический выбор сводится к конкуренции духа народа и желудка «цивилизованного потребителя». И Запад этот выбор сделал. На этой основе сложился феномен технологического общества в том виде, в котором оно существует на Западе в

результате перехода в период Реформации и Просвещения формирующей роли от традиционного континентально-европейского центра – Римского святого престола – к островной талассократии англосаксонской протестантской периферии, центральным идеологическим концентром которой является линия всеобщей предопределенности, выдвинутая Святым Августином Блаженным.

Православие решительно отвергает такой подход, основанный на заданности, фатальности и безысходности бытия. Бог даровал человеку свободу выбора между добром и злом. Высшей заданности на уровне божественного замысла в предопределённости для человека в греховности и добродетели не существует. Вся жизнь православного – результат лишь его собственных усилий и усердия в трудах и вере.

В период Реформации учение о предопределении было интерпретировано в деятельностном аспекте. Жан Кальвин рассматривал жизнь и успех (прежде всего, материальный) человека как свидетельство богоизбранности. Именно это фундаментальное положение Кальвина позволило сначала Карлу Марксу, а затем Макс Веберу отстаивать тезис о том, что основанием генезиса западного капитализма стала реформационная ценностная инверсия.⁽³⁾ Обратиться к истокам этой инверсии наша задача.

«Основная причина краха либерализма – неустранимые противоречия, имманентно заложенные в самой структуре капиталистического мира-экономики».

И. Валлерстайн

«Мои сыновья? Они по всему свету».

Ж. Кальвин

Глава 1. Реформация и социально-экономические изменения в Европе.

Предыстория. Запад до Реформации.

Всемирная история до начала Нового времени не знала индивидуализма. Социальный организм включал в себя власть, то есть меньшинство, обладающее знанием и ответственное за большинство, и всех остальных. Стоящие во главе рода, племени задавали ценностные ориентиры и передавали практические навыки сородичам и соплеменникам, то есть остальным, чтобы социальный организм мог выжить, воспроизводиться и существовать далее. Тот был во главе, кто знал, как добыть пищу. Остальные были большинством, монолитной структурой, целым, а не суммой отдельных индивидов. По замечанию Л. Н. Федотовой, «человеческая личность не существовала как автономный субъект воли и поведения, она была опутана традиционными нормами поведения... Знания, навыки, опыт, формы поведения отдельного человека были знанием, навыками и опытом рода, племени».(4)

Жизненно важным для функционирования социального организма было доминирование знания (власти одного над остальными). Обратной связи с обществом не существовало. Власть носила монологический характер. Дошедшие до нас древние и средневековые тексты, как правило, представляют собой высказывания царей, жрецов, полководцев, являют собой монолог. Полифонии голосов мы не наблюдаем. До Но-

вого времени личность была плотно окутана традиционными сословными связями.

Фактом своего рождения человек оказывался на заранее определённой его происхождением ступени социальной иерархии. К примеру, поведение человека в средневековом западноевропейском городе было строго регламентировано по часам. В музее колоколов в Мехелине в Бельгии хранится коллекция колоколов Западной Европы. Один из них называется «хлебным колоколом»: в ранний час под его удары хозяйки принимались месить тесто, не раньше и не позже. Только после призыва «колокола чистоты» жители выходили из домов подметать мостовую. Был и «трудовой колокол»: он отмечал начало и конец работы. Во время досуга на помощь приходил «пивной колокол»: по его ударам открывались по вечерам двери питейных заведений.(5)

Главным жизненным предназначением человека в традиционном обществе (родовом, рабовладельческом, феодальном) было следование традиции прошлого, освященного авторитетом религиозных предписаний. Крупный ученый, медиевист А. Я. Гуревич в классическом фундаментальном труде «Категории средневековой культуры» подчеркивает: «Нововведения осмыслились как восстановление древних порядков. Обновление понималась как реставрация, прогресс — как возвращение к прошлому, ибо только от века существующее могло иметь моральную силу и непререкаемый авторитет... Идеальное состояние видели в прошлом, и стремились его возродить или к нему возвратиться. Нестандартизированное поведение, тяга к новшествам, к реформам не были свойственны этому обществу. Доблестью было неукоснительно следовать установившимся образцам, повторять общепринятый регламент, ни в чем от него не отступая».(6) Таким образом, мы видим, что не только власть, но и окружающая индивида социальная ячейка, контролировала и регламентировала его поведение, ибо только такая согласованная схема была залогом выживаемости социального организма, являлась неперенным пороговым условием существования био— и социо организма. М. Вебер отмечает: «Первобытный общинный культ... не считается с индивидуальными личными интересами. Племенной бог,

местный бог, городской бог печется лишь об интересах всего общественного целого, о дожде и солнечном свете, о добыче, о победе над врагами. К нему в общинном культе обращается вся община в целом».(7)

В рамках социального обмена индивид становится частью целого. Этот социальный кокон общинных связей имел как сакральный, так и социально-политический характер. Подвергнуть остракизму в античном мире, отлучить еретика от церкви в средние века, было равнозначно исключению его из общества. Человек становился вне религии и вне земных законов. Любые попытки заявить о некой особенности, индивидуальности, противопоставить себя остальным строго карались как преступное деяние, грех гордыни. А. Я. Гуревич констатирует: «Не оригинальность, не отличие от других, напротив, максимально деятельное включение в социальную группу, в богоустановленный порядок – такова общественная доблесть... Выдающийся человек – тот, кто в наибольшей мере соответствует установленному канону поведения... Голосование в тех случаях, когда оно применялось, не было способом установления соотношения индивидуальных волей. Подчас вообще требовалось единодушие...»(8)

В этой связи трудно не упомянуть особенности портретной живописи средневекового Запада. На протяжении Средневековья художники, изображая человеческие лица, искали в них не неповторимого, «необщего выражения», а чего-то совсем иного, не подверженному ходу времени. Особенностью мировосприятия средневекового мастера была его ориентация на вечные ценности «белого пакета», а не на сиюминутное состояние, меняющееся во времени. Ведь если портрет фиксирует сиюминутное, то он неизбежно подытоживает индивидуальность, делая выпуклой те черты человека, которые должны быть закруглены. Безличный портрет показывает не внешнее, а внутреннее духовное состояние изображённого. Это и было существенно с точки зрения средневекового мировоззрения европейца.(9)

Априорное принятие ценностей большинства приводило в традиционном обществе к отсутствию мнений и личных взглядов. Существовали лишь истина и заблуждения. Церковь имела абсолютную монополию на истину и была олицетворением

идеи абсолютного единства и вместилищем коллективной воли. В условиях господства такого менталитета идея либеральной демократии как высшего синтеза индивидуальных волей была непостижима и абсолютно неприемлема. Идея демократии в Средневековье неизбежно упиралась в идею монархического абсолютизма и традиционного корпоративного коллективизма. П. М. Бицилли характеризует такое состояние средневековой личности как «герметическую закупоренность».(10)

Однако в Позднее средневековье на пороге Раннего нового времени по мере развития производительных сил, чем больше каждый социальный круг, ячейка стремились подмять под себя рядового члена цеха, гильдии, корпорации, тем больше нарастало осознание личной обособленности. Усложнение социальных связей в этот период смягчало табуирование личности. Эти процессы нашли отражение и в шедеврах мировой культуры. Франческо Петрарка, провозвестник эпохи Возрождения, в своём творчестве показал индивидуализацию средневекового мировосприятия. Он всего лишь изменил форму писем, исключив все титулы сановников, все церемониальные обращения, устранил весь этикет, которого требовало письмо того времени. Вместо vos – «вы», ввёл tu – «ты», что было обычным делом для классической Античности. Эта, на первый взгляд, мелочь, на самом деле, была эпохальным событием, закрывшим эру средневековой эпистографии и открывшим эру гуманистическую.(11)

Немаловажными факторами, повлиявшими на трансформацию менталитета традиционного общества, явились столь противоположные явления как эсхатологические ожидания и смеховая культура карнавала, детально изученная корифеем средневековой филологии М. М. Бахтиным.

Эсхатология Запада, «культура страха» весьма необычное явление для российского менталитета. Как отмечает С.Г. Кара-Мурза: «Сейчас, когда мы интенсивно познаём Запад, нам открывается картина существования поистине несчастного – такие демоны и привидения мучают душу западного обывателя».(12) В этой связи закономерным и логичным является феноменальная популярность «фильмов ужасов» на современном Западе, а художественные фильмы А. Хичкока

отнюдь не являются новым явлением массовой культуры 50-х-60-х гг. XX века, а отражают глубинное качество культуры западного аксиологического проекта, возникшего от импульса массового религиозного страха, охватывавшего миллионы западноевропейцев. Особо хочу подчеркнуть, что ни историкоповедение отечественной истории, ни историки русской православной церкви не отмечают подобных явлений в России. Русские летописи об этом не упоминают.

Убеждение в скором Конце света, приходе Антихриста и наступления Страшного суда посетило Западную Европу, согласно первым свидетельствам, на исходе первого тысячелетия. Папа римский Сильвестр и император Священной римской империи Оттон III встретили конец 1000 года в Риме в ожидании Конца света. В этой связи, трудно не вспомнить «волну страха» Запада, пришедшую в РФ в конце 2000 г., пророчившую конец света и отключение всех компьютеров. Спустя тысячелетия «культура страха» несколько не видоизменилась. Ни в полночь 1000 г., ни в полночь 2000 г. конец света не наступил. Всеобщий ужас сменился всеобщим ликованием. Однако волна коллективного страха после 1000 г. захлестнула Западную Европу с новой силой. Карающая длань Господня, по мнению средневекового европейца, должна была покарать верующих в 1033 г., спустя 1000 лет после распятия Сына Божьего. Тема Страшного суда превалировала в мистических учениях XI – XII вв. Эсхатологические ожидания были настолько разрушительными, что богословы Священного престола пошли на ревизию догматов. Была разработана теологическая концепция о «третьем загробном мире» – чистилище, компенсирующая ужас средневекового человека. В 1254 г. Папой Иннокентием IV этот догмат был официально утвержден.⁽¹³⁾ Примечательно, что у православной церкви не было ни малейшего резона принимать подобную новацию. Ослаблению религиозного ужаса способствовала также практика введения индульгенции, то есть установления количественной меры греха и искупления путем введения баланса между проступками и числом оплаченных месс, стоимостью подношений церкви. Именно, встав на этот весьма сомнительный и скользкий путь, Римская церковь заронила семя Реформации.

В XIV в. Столетняя война, массовая пауперизация населения, эпидемия чумы 1348-1350 гг. вновь подняли волну коллективного страха. Эпидемии чумы носили периодический характер, чумные циклы продолжались вплоть до XVII в. Эдгар По в «Маске Красной смерти» мастерски описывает «чумной страх» Средневековья. С каждым новым циклом предыдущий страх усиливался и чудовищно преображался, происходила гиперболизация чумного ужаса. XV век демонстрирует кульминацию «страха Запада». В изобразительном искусстве центральное пространство отводится теме смерти и Антихриста. Й. Хейзинга в классической работе «Осень средневековья» пишет об этом особом продукте культуры, характеризуя его как «содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, леденящего страха». (14)

В европейские языки вошли неологизмы, связанные со смертью, не имеющие аналога и прямого перевода на русский язык в силу абсолютной ментальной чуждости. Впервые во французском языке в 1376 году появилось слово «*macabre*», вошедшее во все романо-германские языки. В словарях это слово переводится на русский язык как «погребальный, мрачный, жуткий». Однако смысл этого слова значительно шире, мистичнее и страшнее. Его истинный смысл раскрывают не только средневековые миниатюры и гравюры, но и выставки современного западного искусства. Его смысл передаётся в выражении «*La danse macabre*» – «Пляска смерти». Весьма примечательно, что ключевым моментом к пониманию этих произведений, является осознание европейцем, что пляшет не Смерть, не мертвец, а «мёртвое Я – мертвый двойник живого человека». (15) Пляска смерти стала жанром не только в искусстве, в историю вошло описание представления Пляски смерти в 1449 г. при дворе герцога Бургундского. (16)

Появление книгопечатания в XV в. привело к ещё более расширившейся массовизации «культуры страха». Благодаря изобретению Иоганна Гутенберга, изображение пляски смерти вошло в каждый дом европейца. Наиболее популярны у средневековых гравёров-копиистов, книгопечатников были картины Иеронима Босха, как концентрированное отраже-

ние ужаса перед смертью и мучениями в Аду. «Художественная энциклопедия зла» И. Босха была столь популярна, что первые свои гравюры П. Брейгель—старший подписывал не своим именем, а выдавал за гравюры с картин Босха.(17) Фон «коллективного страха» Европы стал одним из ключевых моментов в понимании причин грядущей Реформации.

Оборотной стороной Пляски смерти выступал средневековый карнавал. Тема страха и тема смеха являет собой поистине гегелевское воплощение категории борьбы и единства противоположностей. Карнавальная жизнь бросала вызов существующему мироустройству, переворачивала все устоявшееся представление с ног на голову. Мир народной культуры карнавала служил своего рода клапаном, выпускающим избыточный пар социального напряжения, (подобные «карнавалы» в наше время регулярно проводит оппозиция на Болотной) и выступал противостоянием официальной культуре. Как отмечает М.М.Бахтин: «Если официальный праздник утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка..., религиозных, политических и моральных ценностей..., то карнавал... был враждебен всякому увековечению, завершенности, концу. Он смотрел в незавершенное будущее».(18) Так возникла своеобразная двумирность сознания. Смех также универсален как серьезный официоз. Это вторая правда о мире. Смех выстраивал свою церковь, своё государство — против официальной церкви и официального государства. Смех проникал во все споры социального организма, медленно, но верно подтачивая официальную идеологию, он снимал страх перед сакральным, он десакрализовал средневековое культурное пространство. Похожие процессы происходили в 60-80-гг. XX века в СССР, когда начало конца советской державы, во многом, в том числе, было заложено деструктивной социальной сатирой и юмором. Советская идеология была дискредитирована и рухнула как колосс на глиняных ногах. Не секрет, что исчезновение ценностей, осмеяние самих себя неизбежно ведет к распаду, как личности, так и государства.

Двумирность, вторая правда о мире выступали как вызов официальной церкви, нарушали дуальную систему координат: «Бог — Дьявол», «Ложь — Правда», «Истина — Заблуждение»,

уводили сознание в сферу сомнений о правильности устроенного Богом мироздания. Не случайно, осознавая угрозы, заключенные в концепте множественности миров, инквизиция принимает в 1600 г. решение о сожжении её автора Джордано Бруно. Теологи Римской церкви небезосновательно опасались, что его идеи будут иметь подрывное значение.(19) Однако главного оппонента Римская католическая церковь просмотрела, недооценила. Им стал протестантизм, выросший из европейской Реформации.

В основании событий, получивших развитие в начале XVI века и вошедших в историю как Реформация, лежало длительное противоборство и трагические противоречия внутри христианства, как единой конфессии. Метастазы ложного сознания на протяжении почти пяти столетий разъедали христианское сознание на Западе, пока не вылились в проповедь Мартина Лютера. Миланский эдикт 313 г. даровал христианству право свободной проповеди в границах Священной Римской империи. В течение 12 лет христианство было отделено от государства, после чего было активно включено в систему политической власти и приобрело статус государственной религии. Первые века существования христианства ознаменовались многочисленными расколами и противоречиями.

За сим последовало поистине драматическое разделение христианства на западное (католическое) и восточное (греко-православное), приведшее к появлению двух самостоятельных церквей и религиозно-теологических учений в 1054 г., когда кардинал Гумберт – представитель Папского престола и патриарх Константинополя Михаил Керуларий взаимно предали друг друга анафеме и объявили каждый свою церковь единственной носителем Божией благодати, а своего оппонента средоточием ереси.(20) Разделение христианства не только породило взаимную многовековую вражду, но и дало импульс рождению двух принципиально различных социокультурных и политических проектов развития: византийско-московского и западно-католического, переросшего в протестантскую версию англосаксонского мира.

Трагическим событием не только в меж цивилизационных контактах, но и в отношениях православных и католи-

ков, стали крестовые походы западных христиан на Ближний Восток, начавшиеся в 1096 году и ставшие ответной реакцией на халифатистский вызов арабов. Великая схизма 1054 года, в этом смысле, во многом формальная дата. В ходе 1-го крестового похода при захвате Иерусалима пострадали не только мусульмане, но и православные. Романо Скальфи отмечает: «Жестокость и бессмысленное кровопролитие характеризует и этот крестовый поход и все остальные».(21) По мнению российских византинистов академика Г.Г. Литаврина и член-корреспондента РАН С.П.Карпова, из ненависти крестоносцев произрастала и нетерпимость инквизиторов и жестокость конкистадоров. После изгнания мусульман окончательный удар по единой христианской церкви, хрестоматийной догматике, был нанесен в начале XIII в., когда участники IV крестового похода вместо борьбы с исламским Ближним Востоком направили свои военные усилия против христианской Византии.(22) Это весьма показательный пример девиации западного социокультурного проекта. Ф.В.Шелов-Коведяев саркастически отмечает: «Крестовые походы абсолютно идеологическое предприятие, ради которого его участники, вместо использования реального шанса преодоления раскола церквей, иногда не брезговали и побиением своих ортодоксальных единоверцев».(23)

На волне успехов Реконквисты католическая церковь установила первый в Западной Европе режим широкомасштабного государственного терроризма в преследованиях всех иноверцев. Террор свирепствовал не только в Европе, но и в открытой в 1497 г. Америке. М.И.Лазарев пишет, что конкистадоры находились в плену жутких средневековых суеверий. Инки и ацтеки воспринимались ими как нелюди и слуги дьявола.(24)

Антисемитизм также был не чужд деятельности католической церкви. В 1215 г. Собор Римской католической церкви предписал иудеям носить особую одежду с отличительным желтым знаком. В 1239 г. Папа Григорий IX объявил Талмуд богохульной книгой.(25)

Очертания будущей конфронтации внутри католичества, вылившиеся в Реформацию и кровопролитные религиозные войны, стали вырисовываться уже в деятельности Яна Гуса,

который выступал против светской власти пап и требовал возврата церкви к раннехристианским общинам. Констанцкий собор (1414-1418) отправил еретика на костер.

Все эти события с неизбежностью привели к тому, что в начале XVI в. католическая церковь столкнулась с активным противодействием святому престолу — протестантизмом.

Начало: от Августина до Лютера. Трансформация менталитета средневекового европейца.

31 октября 1517 г. Мартин Лютер прибил к воротам храма в Виттенберге «95 тезисов» — знаменитое осуждение продажи индульгенций католической церковью. Тезисы Лютера, по замечанию Фридриха Энгельса, оказали воздействие, «подобное удару молнии в бочку пороха».(26) Папа направил Лютеру буллу, отлучавшую его от церкви, ставившую того вне общества, согласно средневековой традиции. Лютер ответил актом неприкрытого неповиновения, предав папский указ огню. Для Святого престола было весьма неожиданным, что в объявленной ему Лютером войне, многие католики поддержали еретика, позволившего поставить под сомнение prerogatives Римской церкви. Антипапское движение приняло массовый характер, протест вышел из-под контроля.

Прежде чем остановиться на основных положениях учения Лютера и его последователей, стоит навести фокус на серьёзные социально-экономические изменения в Европе того времени, коренным образом трансформировавшие менталитет средневекового европейца. «Революция цен», экономический и промышленный переворот стали ключевыми элементами в изменении духовной жизни в Европе. Возникновение в Европе централизованных государств, рост национального самосознания, прогресс техники, общественное разделение труда, расширение внутреннего и внешнего рынка в ходе Великих географических открытий создали предпосылки экономического переворота в XVI веке в Западной Европе.

Фундаментом этих резких качественных изменений стали также и источники энергии. После технической доработки

инновации французского изобретателя Дени Папена Джоном Уаттом и внедрения в производство паровой машины, во 2-ой половине XVIII века произойдет и промышленный переворот, промышленная революция. Фернан Бродель подчеркивал: «Придёт пар, и всё ускорится на Западе, словно по волшебству!»(27) Использование пороха, изобретённого в Китае, произвело на Западе в XVI веке подлинную революцию в военном деле. Произошли значительные изменения в культурной сфере. В XII веке Восток наделил Западную Европу секретом производства бумаги. В середине XV века И. Гуттенберг внедрил в массовое производство книгопечатный станок, основанный на разборном металлическом шрифте, изобретенный в Китае в XIV веке во времена династии Мин. Бумажные книги стали дешёвы, доступны, значительно потеснили пергамент и способствовали массовизации знаний (в наши дни такую же роль играет Интернет), внедрение которых в широкие слои произвело культурную революцию в мировоззрении и сознании современников. К 1500 г. в Европе напечатали около 20 млн. книг. Появились очки и пружинные часы. Соответственно возникали новые отрасли производства, более узкой становилась его специализация, наметился значительный рост производительности труда. Позднее Средневековье отступало, занималась заря Раннего нового времени.

Следует заметить, что Новая история началась, когда человек осознал свою социальную сущность, понял свою индивидуальность. Новый способ производства, капиталистический, сделал человека владельцем уникального товара – рабочих рук. Массовое производство товаров было невыносимо без свободного экономически работника. Капитализм сделал человека свободным политически. Личность могла участвовать в политическом сценарии общественного развития, продавать свой труд и профессиональные навыки. Новое время предоставило вчерашнему средневековому обществу невиданные доселе возможности для реализации социальной мобильности. По утверждению Л.Н.Федотовой, «каждый человек в принципе получил свободу решений в своём социальном существовании».(28) Произошла разгерметизация личности. Человек теперь мог выбирать, решать, иметь своё мнение. Го-

вора словами Маркса, «отдельный человек выступает теперь освобождённым от естественных связей, которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определённого ограниченного человеческого конгломерата».(29)

Э.Дюркгейм описывает процесс выламывания индивидуализированного сознания из коллективного. В это период возникает полифония голосов в социуме, сменяющая монологическую одномерность и монотонность средневекового порядка. По мнению Дюркгейма, чтобы индивидуальные изменения стали возможны, должно было измениться коллективное сознание. Изменение этого коллективного сознания стало происходить одновременно с процессом разделения труда.(30) Замена ручного труда на машинное производство, мануфактуризация и последовавший за ней промышленный переворот, привели к расшатыванию патриархальных традиционных связей внутри семьи, которая до этого выполняла роль, в том числе, и производственной единицы. Выполнение трудовой деятельности за стенами дома разрывало внутрисемейные прочные узы, что на уровне компенсаторики включало человека в иные социальные коллективы.(31)

Усложнение социально-политической стратификации привело к тому, что определённая личность могла изменить образование, профессию, социальный статус, уровень доходов, т.е. внук мясника больше совсем не обязательно становился мясником. Реформация открыла горизонты даже в выборе между различными конфессиями. Неподвижная заданная картина мироздания Средневековья резко изменилась. Возникла мобильность масс и индивида. Такая мобильность в свою очередь стала основой мобильности вкусов, потребностей, интересов, ценностей на протяжении жизни одного и того же индивида.(32) В этих условиях общество ожидало Лютера.

Известный французский историк Жак Бросс охарактеризовал М.Лютера как первого и величайшего из реформаторов, который бурно пережил драму греха и искушения. Именно в силу этого и проистекала способность Лютера убеждать и вести за собой людей.(33) В юности Лютер испытал духовное прозрение и довольно резко сменил профессию юриста на служение церкви. В 1507 г. он был направлен священнослужителем в мо-

настырь в Виттенберге. В 1510 г. Лютер побывал в Риме, где был до глубины души потрясен светскостью Священного престола и прагматическим подходом Папы к искуплению грехов за деньги в виде продажи индульгенций.(34) В 1525 г. Лютер в трактате «О рабстве воли» выдвинул тезис о верховенстве благодати над свободой выбора.(35) В 1534 г. он выпустил Библию в переводе на немецкий язык. По словам В. Л. Керова: «Его в равной степени удивила негодующая реакция церковных властей и огромный успех среди массы верующих».(36) Центральной проблемой теологии для Лютера стал вопрос о «свободе воли». В трактовке этого важного вопроса Лютер не нашел понимания у Эразма Роттердамского — авторитетнейшего богослова эпохи. Следует, хотя бы, конспективно остановиться на сходствах и различиях во взглядах Эразма и Лютера, а также влиянии на них идей Августина Блаженного. Без этого новаторство Лютера не будет выступать столь рельефно и масштабно.

Ш. Бене делает вывод, что идеи Августина Блаженного являются источником гуманистических воззрений Э. Роттердамского. Он высказал также убеждение, что Августин оказал влияние на формирование культуры Возрождения от Ф. Петрарки до Эразма.(37) Историки церкви также подчеркивают прямую связь идей Августина и Реформации. Л. Смит посвятил отдельное исследование изучению места идей Августина в теологической доктрине Ж. Кальвина.(38) Согласно традиции, Кальвину предписывают выражение: «Августин полностью наш». Е.Н.Трубецкой также называл Августина «пророком протестантизма».(39)

В вопросе о трактовке понятия «свобода воли» Августин опирается на единство понятий «благодать Божья» и «свободное произволение». Центральный тезис концепции Августина о «свободе воли» — контраст греха и всемогущей благодати. Если благодать всемогуща, то человек должен пожертвовать своей свободой. Свобода — отрицательное злое начало. По отношению к Богу вообще не может быть свободной воли. Всемогущей благодати соответствует всевластная церковь как её воплощение.(40)

Как же соотносятся во взглядах Св. Августина такие базовые понятия теологии как Божественная благодать и Божес-

твенное предопределение? Согласно Августину, предопределение относительно добра представляет собой приготовление благодати. Благодать же есть следствие самого предопределения. Таким образом, предопределение – это вечный вселенский закон. Благодать – частное проявление этого закона. Предопределение простирается на всё и всех. **Благодать же спасает избранных, тех, кому предопределено спастись. Благодать, спасающая по предопределению, является, таким образом, полным отрицанием свободы действий человека.(41)**

Эразм Роттердамский, на первый поверхностный взгляд, полностью разделяет подходы Августина к трактовке «свободы воли». Однако в трактате 1524 г. «О свободе воли» он писал: «Свободу воли мы понимаем как силу человеческой воли, посредством которой человек может приобщиться к тому, что ведет к вечному спасению или отвращаться от этого».(42) М.М. Смирин, детально изучивший и проанализировавший взгляды Эразма, разъясняет отличия в мировоззрении Эразма и Августина. Для Эразма вопрос о свободе воли – это и вопрос о роли человека в мировом развитии и вытекающие отсюда вопросы о значении общества и государства. Значение активности человеческой воли, не связанной с идеей спасения, это новелла, появившаяся у Эразма, то, чему в воззрениях Августина давалась негативная оценка. Победа над самим собой, согласно Эразму, зависит от воли самого человека, хотя Бог и помогает в этом простом деле.

Отсюда важнейшим аспектом эразмовой концепции государственного устройства является вопрос о характере управления свободными и обладающими свободной волей людьми. Задача управления сводится к защите и отстаиванию свободы. Эразм восклицает: «Сам Бог, дабы не управлять подневольными, предоставил ангелам и людям свободу воли, придавая тем своей власти блеск и величие. Кто же сочтет себя великим на том основании, что правит гражданами, движимыми страхом, как правят скотом?»(43) **Он делает крайне важный, для нашего исследования вопроса эволюции либертарианской идеи, вывод о том, что государственное управление должно строиться на консенсусе свободных волей индивидов, управляемых не в силу принуждения, а в интересах общего блага. Это, конечно, звучало**

как вызов монархическому устройству, рисуя прообраз будущего демократического парламентаризма.

Полемизируя и одновременно впитывая взгляды своих великих предшественников и современников, Лютер в вопросе о свободе выбора, пришел к концепту об автономии свободы, утверждающей себя под Богом. Б.Д.Порозовская в очерке о Мартине Лютере в этой связи отмечает: «Великое реформационное движение... не было явлением исключительно религиозным или церковным. В этом движении выразился протест против всего средневекового порядка вещей и средневекового мирозерцания... Возрождение классического мира, замечательные открытия в области географии и астрономии будили мысль... Книгопечатание давало возможность широкого распространения знаний».(44)

Протестом и вызовом было утверждение Лютера, высказанное в трактате «О рабстве воли», о существовании в мироздании лишь одной воли – Божественной, и потому всякое событие и всякий поступок происходит от Бога.(45) Это утверждение ниспровергало дихотомичную картину мира, построенную на борьбе добра со злом, Христа с Антихристом и логически приводило к обоснованию, что Бог является и источником зла, с чем категорически был не согласен Эразм Роттердамский. Подобные взгляды, замечу, довольно распространены и у неоконсерваторов США в XX – начале XXI века.

В трактате «О вавилонском пленении церкви (1520 г.) Лютер огнём и мечом прошёл по учению католической церкви о таинствах, признав на основе Священного писания из 7 лишь 3, позже сократившиеся до 2: крещение и причастие.(46) Отныне ни о каком компромиссе между Лютером и Святым престолом не могло быть и речи. Лютер открыто выступил за секуляризацию церковных имуществ, отделение германской церкви от Рима, организационную реформу церкви. По словам В. Л. Керова, «новая теология превратилась в знамя общественной оппозиции, её главные выводы воспринимались массами, не вдававшимися в схоластические тонкости аргументации, как основание не только для церковных, но и для социально-политических преобразований».(47)

В сочинениях Лютера, в том числе в знаменитых «95 тезисах», главное место отводится учению о «Только трёх»: человек спасается только верой; он обретает её только через милость Божию, а не вследствие личных заслуг; авторитетным источником веры является лишь Священное писание. Концепт Лютера о спасении верой вёл к весьма далеко идущим последствиям. Если спасение человека полностью зависит от милости Божьей, то за пределами этих отношений остаётся вся церковная иерархия. В клире просто нет необходимости. Лютер, устранив из схемы Папу и католический клир, сформировал новую интимно-непосредственную схему взаимоотношений верующих и Бога. Он решительно отверг роль духовенства как высшего религиозного авторитета и арбитра. Этот лютеровский тезис стал ещё одной демаркационной линией, отделяющей зародившийся протестантизм от католицизма и православия. Если для православных и католиков путь к спасению, к жизни вечной возможен исключительно посредством принадлежности к церкви, **лютеране пришли к противоположному выводу: путь к спасению пролегает через личную веру в Спасителя. Это стало фундаментом будущего индивидуализма Запада, началом разрыва протестантов с Римской католической церковью («Вавилонской блудницей»).** Э. Фромм считает Реформацию событием, оказавшим самое значительное и длительное воздействие на развитие в Европе. «Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал перед серьёзным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности».(48)

С.Г. Кара-Мурза отмечает, что в социальной психологии есть особая тема: «страх Лютера». Суть её в том, что Лютеру довелось стать гениальным выразителем массовых страхов своего времени. Его персонифицированный страх перед дьяволом доходил до шокового состояния, порождал ведения, страхи, вёл к мистическим прозрениям. Однако Лютеру удалось сублимировать свой страх в эмоциональное состояние порогового уровня преодоления, результатом чего и стали его трактаты.(49) Харизматичность и популярность нового учения была связана, прежде всего, с тем, что Лютер указал

миллионам жителей Западной Европы путь для преодоления метафизического и религиозного страха. Он сумел легитимировать страх, назвав его не только оправданным, но и необходимым. Человек, душу которого не терзает страх, — добыча дьявола. Лютеру удалось расколоть коллективный средневековый страх, индивидуализировать его.

Это было напрямую связано с отходом от идеи религиозного братства и коллективного спасения души. Отныне каждый оставался наедине, один на один со Всевышним. Причём Бог выступал уже не в ипостаси Спасителя, а наделялся грозной ролью Бога—Отца. Великим даром Христа, согласно взглядам Лютера, была уже не благодать, не искупление греха, а истинная вера. Лютер категорично заявлял: «Разум — блудница дьявола». (50)

Лишь индивидуальная вера атомизированной общины верующих может помочь в преодолении страха. Он выдвигает категоричный императив: «Страх излечивается внутренним слышанием Бога в себе». Услышать Бога в себе? Признать свою греховную сущность божественной? Трудно быть Богом... Стать избранным?

Однако Лютеру не удалось излечить страх толп. Отказ от коллективного спасения лишь беспредельно усилил страх и массовое озлобление. «Страх Лютера» породил массовый террор охоты на ведьм, при сравнительно небольшом ещё населении средневековой Европы в ходе Реформации было сожжено около миллиона «ведьм-отступниц». (51) Зло Реформации наталкивалось на озлобленность маниакально настроенных против преобразований людей. Исследования по истории психических заболеваний, опирающиеся на анализ протоколов допросов «ведьм» свидетельствуют, что они были переполнены злобой. (52) При столкновении двух зол неизбежно происходило удвоение зла. Запад погрузился в хаос, преисполненный ненавистью. Ф. Ницше констатирует: «Реформация стала своего рода удвоением средневекового духа ко времени, когда он утратил уже чистую совесть, — породила их (ведьм) в огромном количестве». (53) Появились и новые вожди протестантизма: Ульрих Цвингли (1484-1531), Жан Кальвин (1509-1564), Фауст Социн (1539-1604).

Теологический спор довольно скоро перерос в политический. За протестантов вступились германские князья, за

Римского Папу – император Священной Римской империи. Вспыхнувшая война сопровождалась массовым террором, применяемым всеми сторонами конфликта. В Тридцатилетней войне погибло 3/4 населения Чехии и 2/3 населения Германии. Страшные картины тех событий навсегда запечатлелись в исторической памяти западного человека. Главной темой гравюр Дюрера и Гольбейна снова становится смерть – как следствие массового террора в ходе религиозных войн. В Тридцатилетней войне Габсбургов и протестантских государств религиозные принципы неуклонно уступали политическим. Борьба за продвижение и победу католического и протестантского универсализма была не только военным предприятием, но и самым непримиримым и агрессивным противостоянием между нравственно-духовными ценностями двух мощных религиозных течений. В результате, по замечанию А.С. Капто, «произошло стимулирование роста государственного сознания (*ratio status*) и оттеснение ещё на большее расстояние от воинственных притязаний религиозного сознания (*ratio conscientie*). Этот процесс происходил на фоне ещё одной тенденции – пересмотра и отказа от моральных установлений папства, которые на протяжении многих столетий господствовали в европейской политике».(54) Генри Киссинджер полагает, что Реформация придала бунтующим государям новую свободу действий, как в религии, так и в политике. «Разрыв их с Римом был разрывом с религиозным универсализмом; силовое противодействие императору и династии Габсбургов свидетельствовало, что государи более не считали соблюдение клятвы на верность императору религиозным шагом».(55) А это означало десакрализацию, обмирщение власти.

Начиная с 1-ой четверти XV века идеи лютеранства не ограничиваясь Германией, получили распространение в Скандинавии: Швеции, Норвегии, Дании; Венгрии, Польше, Прибалтике. Идеи протестантизма проникали в Англию и даже во Францию, считавшуюся оплотом католицизма, повсеместно сопровождаемая аккомпанементом жестокости и кровопролития. Книга Ф. Руффини «Религиозная свобода», впервые переведенная на русский язык и изданная в 1914 г., содержит вопиющие примеры жестокости в период религиозных

войн в Европе. Автор констатирует эгоцентризм и индивидуализм участников, предводителей и духовных наставников этих войн, отмечая, что «все эти люди добивались терпимости только для истинного учения..., в конечном счёте, только для самих себя».(56) Сегодня либеральные ценности также имеют статус единственно истинного учения, активно транслируются на мир, прикрываясь ханжеской маской толерантности, которая в её исконном медицинском значении означает утрату организмом иммунитета к любым вредоносным вирусам.

Возвращаясь к вопросу о распространении протестантизма, вкратце остановимся на его судьбе в Англии (в контексте повышенного внимания именно к англосаксонской интерпретации либерализма). Первоначально английский король Генрих VIII, узнав о событиях в Виттенберге, осудил «немецкую ересь» и выступил с трактатом о защите семи таинств, в связи с чем заслужил почетный титул «защитника веры».(57) Однако его отношение к Реформации резко изменилось в связи с отказом Священного престола дать согласие на развод Генриха VIII с его супругой Екатериной Арагонской и на новый брак. В 1533 г. король в одностороннем порядке денонсировал юрисдикцию Священного престола в английских делах, а спустя год провозгласил себя главой английской церкви.(58) При этом подчеркивалось, что католические догматы остаются действующими, меняется лишь характер и язык (латынь заменили на английский язык) церковного управления и богослужения. Радикальные преобразования в англиканстве произошли несколько позже, во времена правления сына Генриха VIII – Эдуарда VI (1547-1553). Англиканская церковь стала максимально приближенной к лютеранской модели: осуждалось почитание икон (к ним возникло светское отношение, как к произведению искусства. Десакрализация иконы привела к появлению в массовой культуре современности, иконы светского салона: «иконы стиля», «иконы поп-музыки», «иконы гламура» и т.д.); отменялись ограничения на чтение и толкование англоязычной Библии, появились положения о снятии запрета целибата, о таинстве причащения как чисто символического действия.(59)

Сменившая Эдуарда VI дочь от первого брака Генриха VIII Мария Тюдор объявила о реставрации католицизма. Но тор-

жество католиков было непродолжительным. Спустя 5 лет на престол после смерти Марии взошла дочь Генриха от второго брака с Анной Болейн, не признанного Папой, – Елизавета I (1558-1603). Палата лордов была расколота на сторонников сохранения восстановленного Марией католицизма и на вернувшихся из эмиграции из Женевы поборников протестантизма. Стремясь избежать усугубляющегося раскола, Елизавета I приняла решение о восстановлении умеренной англиканской церкви.

Ещё одна попытка вернуться к католицизму была предпринята 100 лет спустя, когда Карл II и его брат Яков II попытались предоставить свободу вероисповедания как протестантам, так и католикам. Парламент резко выступил против, и Яков II был вынужден смиренно признать принадлежность к англиканству в качестве обязательного условия для занятия государственных должностей.(60) Династия Тюдоров в конечном итоге связала себя с победой и установлением протестантизма. Реформация привела к общеевропейскому расколу, противопоставив католиков и протестантов друг другу. Англия неуклонно втягивалась в конфронтацию с католическими державами.

Отныне патриотическая идея была неразрывно связана с борьбой против универсализма католической церкви, за право исповедовать национальную религию.(61) Распространение лютеранства привело к появлению более радикальных религиозно-политических течений. В Англии такой формой радикальной Реформации стал пуританизм (от лат. «*purus*» – чистый), в Европе – кальвинизм.

Теологическая и политическая доктрина пуританизма была приближена к кальвинизму, воспринятому англичанами в эмиграции. В 60-70-е гг. XVI в. пуритане испытывали надежду, что сама Елизавета упразднит иерархию духовенства и возглавит реформу церкви. Однако королева прозорливо усмотрела в их требовании вызов политической системе, заявив: «Сначала они захотят убрать епископов, а потом – меня». Оставшись на периферии общественной жизни, пуритане разработали тактику скрытого насаждения истиной веры. К концу XVI в. в среде пуритан в основном на территории Шотландии выделилось умеренное пресвитерианское направление,

которое пробовало подчинить церковь общенациональному Синоду духовенства. Небезынтересно отметить факт, красноречиво свидетельствующий об активном формировании психологии индивидуализма под воздействием протестантизма. Л. Смит подметил, что приставка само – (самооценка, самоуважение) появилась в английском языке не ранее XVII в., и её появление совпадает по времени с возникновением пуританства. Так, например, установлено, что слово «самолюбивый» введено в обращение в 1640 г. шотландскими пресвитерианами.(62)

В целом в течение первых 10 лет правления Елизавете I удалось сохранить спокойствие в Англии, сделав её «тихой гаванью Европы». Её континентальные соседи справлялись с религиозным кризисом значительно хуже.

Жан Кальвин. Материальный успех как индикатор богоизбранности.

Отношение к материальному достатку и финансовому успеху является индикатором аксиологии мировых цивилизаций. Достаточно тщательно и подробно изучен и исследован феномен еврейского этно-религиозного ростовщичества, представляющий в этой связи немалый интерес. Генетически он восходит к традиции саддукеев, к отрицанию загробной жизни и существованию души как нематериальной субстанции. Морально-этическим вызовом такого концепта неизбежно является утверждение о том, что богатства духа, души не существует. Поэтому богатство это лишь сфера материального, осязаемого.

В средневековой Европе церковь с пафосом осуждала стремление к материализации духа, ростовщичество, как известно, было под запретом. В исламе табу на получение ссудного процента действует и поныне, с чем связано рождение весьма специфического учреждения в виде исламских банков. Бедность жизни и богатство духа рассматривались и в исламе, и в католичестве как совершенство праведной жизни, неизбежно воздаваемое Божьим промыслом на небесах, когда, как

говорят мусульмане, человек присоединяется к большинству. Однако реалии средневекового общества приходили со временем в разительный диссонанс с этикой умеренности, праведности и стяжательством феодальной элиты и католического клира. Во многом этому противоречию Западная Европа обязана рождению протеста Реформации.

Историческим разрешением проблемного противоречия стало выдвижение кальвинистского концепта о материальном успехе как индикаторе богоизбранности. По справедливому утверждению В. Э. Багдасаряна и С.С. Сулакшина: «После Реформации Запад пошел по пути формирования новой аксиологической системы, ядро которой составляло ценностное акцентирование прибыли».(63) Произошло парадоксальное сближение иудаизма и западного христианства.

Основные реформационные идеи, в частности, постулируемые и Ж. Кальвином, были попыткой разрешить конфликт между реальным состоянием общества, стремительно приближающимся к промышленной революции, и этическим идеалом, комплексом моральных предписаний. Показательно наблюдение Ю. Метивье о социальной панораме французского общества на заре Раннего нового времени: «Социальная иерархия носила двойственный характер. С одной стороны, существовала определённая экономическая градация в соответствии с доходами, однако куда большее значение имела градация психосоциальная (менталитет): по происхождению или принадлежности к тому или иному социальному образованию. Именно в ней коренились все социальные противоречия. Дворянин, живущий на тощую господскую ренту, презирал богатого торговца, на дочери которого он женился для того, чтобы вновь «покрыть золотом свой герб» и «унавожить свою землю»... Негоцианты, в свою очередь, презирали ремесленников и рабочих. В деревне латифундист свысока смотрел на крестьян»...(64) Главным экономическим противоречием было противоборство Земли и Денег. Однако негоцианты постепенно скупали земельные угодья, буржуа проникали в аристократическую среду, вдыхая в её дряхлеющее тело новую свежую кровь. При этом и буржуазия, и аристократия Франции были католическими и при каждом предста-

вившемся случае зывали к Святой Троице и Божественному провиденциализму.

Появлению во Франции кальвинизма предшествовала организация, активизация и консолидация сил, выступавших за реформирование Святого престола. По замечанию выдающегося советского медиевиста С. Д. Сказкина, в кальвинизме была важна не только его теория, но и его организация. По существу, была сформирована идейная основа и прообраз небезызвестного Бильдербергского клуба. Во главе общины кальвинистов стояли пресвитеры-старшины, избираемые из светских членов и проповедники-министры. Догматические вопросы обсуждались на конгрегациях, специальных собраниях пасторов. Пресвитеры и пасторы составляли консисторию, вершившую позже всеми делами общины. «Такая организация не только давала простор для экономически сильных людей в общине, но и связала религией деятельность буржуазии во Франции вообще».(65)

Конечно, не Кальвин стал идейным отцом—основателем Реформации. Но его дело выросло из неё. Трактаты Кальвина немыслимы без концептуальных подходов и догматов, разработанных М.Лютером. Но верно и обратное, — без Кальвина Реформации Лютера была бы уготовлена участь лишь исторического эпизода.

Природные данные Кальвина способствовали его успехам как на светском поприще в качестве юриста, так и его богословским изысканиям. Звёздный час пришёл к Кальвину в 1535 г., когда свет увидело вышедшее из печати теологическое произведение «Наставление в христианской вере», написанное им в Швейцарии, куда Кальвин бежал после событий в Париже в 1534 году, на фоне развернувшейся борьбы против мессы. По мнению В.Л. Керова, несмотря на своё огромное значение, «Наставление» — не оригинальное произведение, ни по форме, ни по содержанию.(66) И здесь невозможно не заметить влияния «Малого катехизиса» Лютера. В более поздней теологии Кальвина не заметно новации, пересмотра основных положений, за исключением более расширенного трактования учения о предопределении.

В 1539 г. Кальвин расширил и переработал свой труд «Наставления». Эпицентром мировоззрения Кальвина является

учение об абсолютном предопределении. На нём зиждется важнейшая религиозная доктрина буржуазии и эпохи первоначального накопления и постмодернистского мира глобализации. Ж. Кальвин утверждал, что Бог ещё до сотворения мира в своём абсолютном предвидении будущего предопределил одних к вечному блаженству, других — к вечным мукам в загробной жизни. Этот Божественный замысел, приговор — абсолютно неизменен и неизбежен для человека. Человеку не дано постичь причин Божественного промысла. Отсюда следует и сама идея предопределения как сила, толкающая человека в определённом направлении, либо заставляющая его совершать добро, либо покидающая его в минуту свершения зла. Другой гранью учения Кальвина являлась доктрина Божественного невмешательства в установленные законы мироздания, идея трансцендентности Бога миру. Это свидетельствовало о начале движения религиозного мировоззрения в сторону идеалов Просвещения, с его опорой на рационалистический подход к познанию мира.

Однако догматика Кальвина, опирающаяся на тезис об абсолютном предопределении, отнюдь не обрекала индивида на фатальную подчиненность судьбе. Никому не ведомо, по учению Кальвина, предопределён человек к спасению или к адской гибели. Каждый верующий, согласно Кальвину, должен уверовать, что он избранный и напрягая все свои жизненные силы доказывать, что он предопределён к спасению. Благоволение Господа проявляется в успехе человека в его профессиональной деятельности. С. Д. Сказкин писал: «Буржуа, успешно торгующий или вообще накапливающий капиталы и преуспевающий в своей предпринимательской деятельности, явно благословен Богом».(67) Именно таковым должен был быть вывод из учения об абсолютном предопределении, получивший концентрированное выражение в этике «мирского аскетизма», в учении о «мирском призвании», сводящимся к буржуазной рачительности и бережливости, в идее об отмене многочисленных католических праздников и увеличении числа рабочих дней. Кальвинизм внушал рабочему полное повиновение владельцу средствами производства, его жизненное кредо, освященное Богом. Взгляды Ж.Кальвина,

по мнению Ф.Энгельса, дали готовую боевую теорию буржуазии, восставшей против феодализма.(68)

Вплоть до последних дней своей жизни Кальвин редактировал и дорабатывал текст «Наставлений». Согласно его учению, природа человеческая безнадежно испорчена первородным грехом. Однако Бог преопределил избранному меньшинству спасение, поэтому каждый обязан решительно действовать, добиваясь успехов в мирской жизни. Существует только прямая коннотация Бога и человека, в силу этого кальвинизм отрицал необходимость существования монашества и спасительную роль церкви. Человек обязан следовать своему мирскому призванию, профессиональному выбору, отказываясь от греховных утех, и лишь тогда Господь подаст ему «внешний знак», свидетельствующий о том, что он избран. Этим знаком может быть и процветание в делах. Вместо абстрактных забот о спасении души, установленных и регламентируемых католической церковью, вместо монашеской аскезы, Кальвин разработал кодекс нравственно-этических принципов светского аскетизма. Согласно Кальвину, мирская деятельность (прежде всего предпринимательская, т.е. бизнес) сакрализировалась, объявлялась формой служения Бога. Так постепенно, медленно, но верно Запад вставал на путь десакрализации божественного, духа, морали и освящения сакрализации служения Мамоне, философии избранности меньшинства.

Высшим достижением трудовой деятельности становилось материальное благосостояние, богатство как результат труда, которое представлялось Божьим даром и по этой причине, должно было пускаться в оборот, а не обращаться на личные потребности. Каждый индивид отныне индивидуально стремился достичь сонма избранных. Атомизация веры, нацеленность на личное, индивидуальное спасение приводило к разъединению общества, к слому традиционных клановых, патриархальных связей. Путь к Богу теперь каждый преодолевал в скорбном одиночестве. Кальвинизм легитимировал законы рыночной экономики, построенной на безжалостной конкуренции её участников.

Истинная церковь, по Кальвину, состоит только из когорты избранных, но поскольку от людей сокрыта Божья воля о

том, кто избран, то к ней принадлежат все. Однако видимая церковь лишь внешняя оболочка, форма для сокрытия невидимого содержания, т.е. круга избранных.(69) Религия и страх Божий – вот те основы, на которых покоится государственная власть. **Всякая политическая система, устроенная иначе, достойна осуждения и порицания. Контуры грядущих гуманитарных интервенций Запада, проступают и в риторике Кальвина, воспевающей аристократическую и демократическую республику. Этот идеал политического устройства Кальвин заимствует у древних иудеев периода до Давида.(70)**

Теория кальвинизма жестко воплощалась в жизнь. Система наказаний в этот период не отличалась человеколюбием и мягкостью. Абсолютно в рамках иудейской традиции Ветхого завета смертная казнь определялась за преступления самого различного свойства. Смерть богохульнику, смерть подрывающему основы существующего политического строя, смерть нарушителям супружеской верности – вот статьи ордонансов Кальвина.(71) И проповеди Жана Кальвина не упали на бесплодную почву. Сложно найти другое государство Европы XVI в., где бы при таком небольшом населении в столь короткий промежуток времени было бы приведено в исполнение такое количество смертных приговоров. Судопроизводство отличалось при этом крайним цинизмом и жестокостью. пытка была составляющим и необходимым элементом любого допроса. Обвиняемого пытали до тех пор, пока он не признавал свою вину, зачастую мнимую. Человеческая жизнь словно потеряла цену в Женеве того времени. Протестантская инквизиция проникала решительно всюду. Результаты её были поистине поразительными. Город и горожане переживали удивительную метаморфозу. Живое подвижное, подчас шумное население стало мрачно серьёзным. Исчезли национальные праздники, театральные представления, были уничтожены питейные заведения.(72) В результате усилий Кальвина Женева стала не демократической республикой, а теократией, построенной на тоталитарном подчинении верующих.

В теологии Кальвина ощутимо присутствуют не только практический импульс Лютера, но и теократическая база Августина Блаженного. Учение Святого Августина о нравствен-

ной беспомощности человека и о полном предопределении Господом его судьбы было канализировано Кальвином во все споры его доктрины. Он включил в свои рассуждения о человеке и спасении столь великое множество ссылок и цитат из трудов Августина, что его учение представляется модернизированным кульминационным пунктом позднего августинизма.(73)

Твердость и сила слова Кальвина находили подкрепление в его делах и поступках. В Женеве он был активным участником, как политической жизни, так и экономического процесса. Так, к примеру, Кальвин сумел теологически обосновать подлежащий уплате процентов заем на открытие предприятия. Лютер стоял на принципиально иных позициях, отвергая взимание процентов, как ростовщическую деятельность. Кальвин предлагал новые современные пути. Используемый и сегодня метод государственной субвенции капиталов был введен в практику именно Ж. Кальвином.

В 1544 г. он добился в магистрате Женевы предоставления государственных средств для строительства предприятий суконной промышленности. Кальвин оказал непосредственное влияние на развитие книгопечатного дела. Во многом благодаря популярности и востребованности его трактатов Женеве на глазах современников превратилась в крупный европейский центр книгопечатания и книготорговли.(74)

Характеристика учения и деятельности Кальвина будет неполной без рассмотрения тезиса о «бесплодности денег», получившего новое обоснование во взглядах реформатора. Со времен евангелиста Луки и апостола Иакова соотношение богатства и бедности, вопрос о сущности и неприкосновенности частной собственности являлись не только духовной проблемой, но и предметом социальной озабоченности. **Для Кальвина существование частной собственности носит священный характер.** Заповедь «не укради» предполагает существование частной собственности и, по Кальвину, обосновывает и легитимирует её. Он сугубо практически и трезво оценивает роль и большое значение денег в общественных отношениях. Деньги нельзя ни презирать, ни обожествлять. Впервые в западной философской и религиозной традиции Кальвин осно-

рил тезис Аристотеля о бесплодности и греховности денег, т.е. тезис о том, что «деньги не должны производить деньги».

Увеличение бесплодных денег противоречит природе денег. Отсюда вытекает запрет на ростовщичество. Кальвин провёл различие между «честным» и «позорным» процентом, дал, как мы отмечали, теологическое обоснование процента, в соответствии с которым процент может быть «получен с Богом и для пользы ближнего». Кальвин считает, что установление твердой процентной ставки является вопросом не столько частным, сколько касается всего общественного организма и должен находиться под контролем всего социума.(75)

Вопрос о соотношении кальвинизма и капитализма, несмотря на классические труды М. Вебера, остается дискуссионным и до конца не разрешённым и ныне. Видимо, действительно, прямые параллели в духе уравнивания этих понятий будут слишком грубым обобщением. Однако трудно не увидеть и четких взаимосвязей этих социально-экономических явлений.

Освобождение процента на капитал от морального клейма ростовщичества, религиозная основа мирской трудовой профессиональной деятельности создали мощнейший импульс к развитию в Западной Европе, изменили менталитет, внушив западноевропейским народам мысль о том, что именно они являются движущей силой исторического процесса путём развития рационального знания и внедрения результатов технического прогресса. Иоахим Штеттке резюмирует: «Можно с уверенностью сказать: Кальвин обратился к социальной сфере и был первым, кому удалось преодолеть голод и массовую нищету».(76) И весьма сомнительно, что эти слова опровергают известную и блестящую концепцию Макса Вебера.

27 мая 1564 г. Ж. Кальвин покинул этот бренный мир. По его желанию, выраженному в завещании, он был похоронен как простой смертный, без пышных церемоний, даже без надписи на могиле. Скоро местонахождение его могилы было забыто. Лишь в последние годы черный камень отмечает гипотетическое место захоронения «женевского папы». И это весьма симптоматично...

Примечания

- (1) Цит. по Kampfner John «Freedom for sale» L, 2009, p.11
- (2) Павленко В.Б. Мифы устойчивого развития, М, 2011, с. 37
- (3) Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма//Избранные произведения, М, 1991, с. 61
- (4) Федотова Л.Н. Общественное мнение и журналистика, М., 2011, с. 8
- (5) Пухначев О.В. Загадки звучания колокола, М, 1974, с.9
- (6) Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры, М, 1972, с.166
- (7) Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий// Атеист 1928, № 25, с. 22
- (8) Гуревич А.Я. Цит.соч. с.278
- (9) Подробнее см. Гуревич А.Я. Мировая культура и современность// Иностранная литература, 1976, № 1, с.206
- (10) Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры, Спб, 1995, с.125
- (11) Парандовский Я. Петрарка// Иностранная литература, 1970, № 6, с. 129
- (12) Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции, М, 2009, с.216
- (13) Самосознание европейской культуры XX в.: мыслители, писатели Запада о месте культуры в современном обществе, М, 1991, с. 313
- (14) Хейзинга Й. Homo Iudens. В тени завтрашнего дня, М, 1992, с. 410
- (15) Моль А. Социодинамика культуры, М, 1973, с. 113
- (16) Стили мышления и поведение в истории мировой культуры. Под ред. М.В. Дмитриева, М, 1990, с.126
- (17) Самосознание европейской культуры XX в.: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе, М, 1991, с. 210
- (18) Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, М, 1965, с.13
- (19) Джордано Бруно перед судом инквизиции//Вопросы истории религии и атеизма, М.,1956, с.3 49-416
- (20) История средних веков, М, 1964,т.1. Под ред. Колесниченко Н.Ф., Абрамсона М.Л., Гуревича А.Я., с.155.
- (21) Скальфи Романо. Я с вами до скончания века: Краткая история католической церкви, М, 1998,с.88.
- (22) История средних веков, М.,1990. ,т.1. Под ред. З.В.Удальцовой и С.П.Карпова,, С.495.

- (23) Шелов-Коведяев Ф.В. Цивилизация на перекрестках глобальных парадоксов// Главная тема, М, 2005, №7, с.260
- (24) Красиков А.А., Лазарев М.И. Церковь, государство и общество в Европе// Россия в многообразии цивилизации, М, 2011, с. 353-354
- (25) Христианско-иудейский диалог , М, 1998, с.22-23
- (26) Маркс К., Энгельс Ф., Соч, т.7,М, 1957, с.392
- (27) Бродель Ф. Динамика капитализма,М., 1993,.с. 114.
- (28) Федотова Л.Н. Цит. соч., с.20
- (29) Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд.,М.,1957, т.2, с.709
- (30) Дюркгейн Э. О разделении общественного труда. Метод социологии, М, 1991, с. 268-283
- (31) Ляпустин Б.С. Женщины в ремесленных мастерских Помпеи// Быт и история в Античности (под ред. Кнебе Г.С.), М, 1988, с.86
- (32) Подробнее см. Федотова Л.Н. Цит.соч. с.19-30
- (33) Бросс Ж. Духовные учителя, Спб, 1997, с.155
- (34) История средних веков, под. ред. Колесниченко Н.Ф. и др., М.,1964,. Т.1.,с.502-504.
- (35) Лютер М. Избранные произведения, Харьков, 1994, с.17
- (36) Керов В.Л. Протестантизм и концепция Макса Вебера, М.,2009, с.10
- (37) Bene Ch. Erasme et Saint Augustin on influence de Saint Augustin sur l'humanisme d'Erasme; Geneva, 1969, p. 344
- (38) Smits L/ Saint Augustin dans l'oeuvre de Jean Calvin//Etude de critique Litteraire, Assen, 1957, p.271
- (39) Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал Западного христианства в V в., М, 1892, ч. 1, с. 21
- (40) Августин. О благодати и свободном произволении//Краткая история этики, М, 1987, с.532-557
- (41) Августин Цит. соч. с. 544-551
- (42) Цит. по Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии, М, 1978, с.38
- (43) Цит по Смирин М.М., с. 342
- (44) Порозовская Б.Д. Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность//Я.Гус, М.Лютер, Ж.Кальвин, Торквемада, Лойола, М, 1995, с.62, 141-143
- (45) Цит. по Хрестоматия по истории средних веков под. ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина М., т.3., 1950-1953, с.45
- (46) Там же
- (47) Керов В.Л. Цит. соч., с. 29
- (48) Фромм Э. Бегство от свободы, М.,1998, с.132.
- (49) Кара-Мурза С.Г. Цит. соч. , с. 219

- (50) Цит. по Кьеркегор С. Страх и трепет, М, 1993, с. 210-213
- (51) Короленко Ц.П. Чудо воображения: воображение в норме и патологии, Новосибирск, 1975, с. 93
- (52) Моль А. Социодинамика культуры, М, 1973, с. 107
- (53) Ницше Ф. Воля к власти, М., 1994, с.57
- (54) Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства, М, 2011, с. 16
- (55) Киссинджер Г. Дипломатия, М, 1997, с.47
- (56) Руффини Ф. Религиозная свобода: история идеи, М, 1995, с. 68
- (57) Дмитриева О.В. Англия в XVI – первой половине XVII в // История средних веков, М, 1999, т.2, с. 261
- (58) Там же; Сикари С.А. Портреты святых, М, 1991, с. 41-59
- (59) Дмитриева О.В. Цит.соч., с. 275
- (60) Красиков А.А.. Цит. соч. , с. 356-357
- (61) Дмитриева О.В. Цит. соч., с. 261-265
- (62) Smith L. The English Language, NY, 1912, p. 97
- (63) Багдасарян В.Э.; Сулакшин С.С. Высшие ценности российского государства, М, 2012, с.189
- (64) Метивье Ю. Франция в X – X вв.: от Франциска до Людовика X; М, 2005, с.8-9
- (65) Сказкин С.Д. Франция первой пол. XVI в.: Реформация и религиозные войны// История Франции в 3 т., М, 1972, с.181
- (66) Керов В.Л. Цит. соч., с. 84-85
- (67) Сказкин С.д. Цит. соч. с. 184-185
- (68) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22, с. 308
- (69) Цит. по Хрестоматия по истории средних веков под. ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина М., т.3., 1950-1953, с.111-113
- (70) Там же.
- (71) Calvin J. La servante chassée. Sermon indit sur l'histoire d'Agar (23 mars 1560) Geneve, 1995, p. 47
- (72) Керов В.Л. Цит. соч. с. 96-97
- (73) Mozley J.B. A treatise on the Augustinian Doctrine of Predestination, N-Y, 1878
- (74) История средних веков, М, 1964, т.1. Под ред. Колесницкого Н.Ф., Абрамсона М.Л., Гуревича А.Я., с. 515
- (75) Там же с. 513-514
- (76) Штедтке И. Жан Кальвин //Канценбах Ф.В., Штедтке И., Лютер М., Кальвин Ж.; Ростов-на-Дону, 1998, с.297

Единственно ради человека
был создан и устроен мир.

Джаноццо Манетти

Так куда же зовет человека
тихий голос, звучащий в его душе, —
в порочный круг или к жизни вечной?
На этот роковой вопрос человечество
должно ответить, если оно хочет выжить.

А. Тойнби

Глава 2. Экстаз гордыни человеческой. Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм.

Капитализм и Реформация. Дух числа.

Спор о первичности «курицы» или «яйца» в научной интерпретации взаимосвязанной пары дефиниций «реформация» и «капитализм» остаётся дискуссионным, актуальным и неразрешённым и в наши дни. Выяснению детерминации этих понятий посвящено фундаментальное исследование немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и ряд трудов одного из основателей школы «Анналов» французского историка Люсьена Февра. Рассмотрение взглядов Вебера и Февра в контексте нашего дискурса логически завершает историографическую часть выявления базовой методологической триады либерализма западной проектной преемственности, покоящейся на взглядах М. Лютера, Ж. Кальвина и их интерпретации М. Вебером.

Однако, прежде всего, в рамках исторической объективности, следует отметить, что обширная и глубокая проблема связей и соотношений между капитализмом и Реформацией была впервые сформулирована и поставлена Карлом Марксом. Исследуя исторические корни и предпосылки капитализма, Маркс обратил свой взор к XVI в., который был свиде-

телем зарождения капитализма. В контексте экономического детерминизма Маркс дает характеристику событиям XVI века: Возрождению наук и искусств, Реформации старинного христианства, зарождающемуся национализму. Все это, по его мнению, формирует капитал, который и порождает экономическое сознание. Иными словами, сначала базис, затем надстройка. Капитал диктует капиталистическую политику, придает капиталистическую окраску мыслям, чувствам и верованиям. Таким образом, из капитализма родилась Реформация (1). Итак, проблема была поставлена. И вполне естественно, что многие ученые умы с тех пор с воодушевлением принимались за её решение.

При всём объёме критики, раздававшейся в адрес М. Вебера, и его сторонникам, и его оппонентам, полагаю, трудно не согласиться с утверждением, что именно Веберу удалось наиболее убедительно показать важное место протестантизма в генезисе современного западного капитализма. Одним из основных краеугольных вопросов, выделяемых немецким социологом, является проблема соотношения взглядов Лютера и Кальвина. Вебер рассматривал этот вопрос через призму проблемы «призвания» («beruf» нем.) Это слово, как известно, впервые появляется в лютеровском переводе Библии. Это было прямым ударом по институту монастырей. Лютер проповедовал, что истинное средство быть угодным Богу не в том, чтобы отдалиться от мира, а в том, чтобы исполнить свой долг на Земле в своей профессии. Это и значит, истово и добросовестно делать то, что ты обязан делать, заниматься своим делом: вершить «beruf» (должность, призвание)(2).

В понимании «beruf», согласно оценке Вебера, воплощён эпицентр протестантизма, который отвергает католическую градацию морали, а оставляет исключительно мирское предназначение человека, выполнение им профессиональных обязанностей, мирской аскетизм (монашеская аскеза отвергается). Эти обязанности становятся для человека его призванием – «beruf». Чем последовательнее Лютер проводит идею «спасения только верой», и чем резче он в связи с этим подчеркивает противоположность своего учения «евангельским советам» католического монашества, которые «продиктованы дьяволом», тем

большее значение получает у него профессиональное призвание — «beruf. Вебер констатирует, что, с точки зрения Лютера, монашество это порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека. Мирская же реальность являет собой достойный подражания пример христианской любви к ближнему (3).

Веберу нельзя отказать в здравомыслии и скрупулёзном анализе, когда он подчёркивает, что во взаимосвязи протестантизма и развития капитализма стоит отмежеваться от субъективных, а сосредоточиться на объективных обстоятельствах. Он поясняет, что, несмотря на заголовок его произведения, «не может быть и речи ни о каком внутреннем родстве лютеранских взглядов с «капиталистическим духом» в том смысле, который мы вкладываем в это понятие... Результатом Реформации было, прежде всего, то, что в противовес католической точке зрения, моральное значение профессионального труда и религиозное воздаяние за него чрезвычайно возросли. Дальнейшее развитие идеи «призвания», в которой нашло своё выражение это новое отношение к мирской деятельности, зависело от конкретной интерпретации благочестия в отдельных реформированных церквях» (4). При этом Вебер не видит в этом протестантском послые призыва к стяжательству. Весьма примечательна веберовская оценка капиталистического духа, которая носит, по нашему мнению, довольно парадоксальный характер: «Стремление к предпринимательству», «стремление к наживе», к денежной выгоде, само по себе не имеет ничего общего с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, посетителей игорных домов, нищих, художников, кокотов, чиновников-взяточников, крестоносцев — можно с полным правом сказать, что оно свойственно всем типам и состояниям человека всех стран и эпох мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность. Подобные наивные представления о сущности капитализма принадлежат к тем истинам, от которых раз и навсегда следовало бы отказаться... Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму, и ещё менее того его «духу». Капитализм может быть даже идентичным обузданию

этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию. Капитализм, продолжает Вебер, однако не может существовать без получения наживы в форме прибыли. Капиталистическое предприятие, если оно не ориентировано на рентабельность, неминуемо ждёт гибель в условиях капиталистического хозяйства»(5).

Далее рассуждения немецкого социолога сводятся к тому, что современная форма организации капиталистического предприятия немыслима без отделения предприятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерией отчетности. При этом Вебер акцентирует внимание на положении о том, что «буржуазия в сословном смысле существовала и до возникновения специфически западного капитализма. Правда, только на Западе... Современный капитализм в значительной степени связан с развитием техники и созданными новыми возможностями. В настоящее время (речь идет о рубеже XIX и XX вв.— С.В.) его рациональность в большей мере обусловлена исчисляемостью решающих технических факторов, которые образуют основу точной калькуляции. А это, в сущности, означает, что такая рациональность зиждется на своеобразии западной науки, прежде всего, естественных наук с их рациональным математическим обоснованием и точными экспериментальными методами»(6).

Протестантизм внёс в эту западную рациональность экономики, усиленную в эпоху Просвещения, «дух расчётливости» (*calculating spirit*). Пуританизм, как полагает Вебер, преобразовал расчётливость из средства ведения хозяйства в принцип жизненного поведения,(7) то есть вывел «расчёт» из экономики и сделал его универсальным принципом, внедрив «дух числа» во все сферы бытия. Эту расчётливость Запада укрепила эпоха Просвещения и научно-техническая революция, превратившая расчёт в основу мировоззрения. Для истории философии, науки и техники Запада характерна, так называемая, «одержимость пространством», выражающаяся в склонности к математическому методу мышления. Противовесом является иная цивилизационная доминанта — «одержимость временем», для которой характерен грамматический подход в мышлении. Строго говоря, есть «наука числа» и есть «наука

слова». Во многом благодаря Реформации современный Запад стал таким, каковым он является сегодня, избрав путь «науки числа», выдвинувший на определённом историческом отрезке Запад в авангард мирового развития.

Весьма существенным в рамках изучаемого нами вопроса является замечание Вебера о взаимосвязи вероисповедания и экономических процессов. Сравнивая экономическое поведение протестантов и католиков, Макс Вебер указывает на специфическую ориентированность первых на индивидуально-предпринимательскую деятельность и склонность вторых к коллективным формам хозяйственной организации. Нельзя не отметить прозорливость немецкого учёного. В самом деле, в современной Европе протестантские страны явно опережают католические по показателям индивидуальной трудовой деятельности. Протестанты, по-прежнему, более экономически активны, чем католики. Факт нахождения Италии – символа католицизма – на последнем по рассматриваемому показателю месте, среди стран Западной Европы, весьма в этом смысле показателен(8). Вебер делает вывод о том, что принадлежность к определённому вероисповеданию выступала не как причина экономических явлений, а в известной степени, как их следствие. Реформация, по его мнению, означала не полное устранение господства Святого престола из повседневной жизни, а лишь замену прежней формы господства иной. С господством католической церкви мирятся в наши дни народы, обладающие достаточно современным экономическим развитием. «Господство же кальвинизма образца XVI в. ощущалось бы нами теперь как невыносимая форма тирании и контроля над личностью» – подчеркивает Вебер. Именно наиболее экономически развитые страны, продолжает он, не только мирились с этой доселе неведомой им пуританской тиранией, но и защищали её с таким героизмом (Англия, Нидерланды и т.д.), который до того буржуазия проявляла редко, а впоследствии не обнаруживала больше никогда(9).

При этом Вебер, рассматривая коррелирующие взаимосвязи между экономическим укладом и конфессиональной принадлежностью, предостерегал от прямого примитивного установления связей между религиозностью и определяющим

способом производства. Вебер подчеркивает, что он ни в коей степени не готов защищать нелепый доктринёрский тезис, будто «капиталистический дух» мог возникнуть только в результате влияния определённых сторон Реформации, будто капитализм является продуктом Реформации. Наряду с этим нельзя не отметить, по мысли Вебера, поразительную по своему значению роль кальвинизма и протестантских сект в истории развития капитализма (10). Наиболее важным в новой догматике было учение об избранности к спасению, достигшее апогея у Кальвина. Тезис о «страшном предначертании» («*decretum horribile*») у него продуман, рационализирован, в отличие от эмоционального переживания у Лютера.

Все деяния человека, поскольку для вечного блаженства предназначены лишь избранные, имеют смысл только как утверждение Божественного величия. Поскольку решения Бога изначальны и не подвержены изменению, Божественное милосердие в такой же степени не может быть утеряно теми, кому оно дано, в какой оно недостижимо для тех, кто его лишён.

Учение Ж. Кальвина в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколения, покорившегося его грандиозной последовательности, прежде всего, один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества атомизированного индивида. Он был обречён одиноко брести своим путём навстречу от века предначертанной ему судьбе. И никто не мог ему помочь. Вебер резюмирует: «Это абсолютное устранение веры в спасение души с помощью церкви и таинств было той решающей идеей, которая отличала кальвинизм от католицизма. В этом находит своё завершение тот великий историко-религиозный процесс расколдовывания мира, начало которого относится ко времени древнеиудейских пророков. Истиный пуританин даже у гроба своих близких отказывался от всех религиозных церемоний и хоронил их тихо и незаметно, дабы не допустить никакого суеверия. Не существовало... вообще никаких средств, которые могли бы обратить Божественное милосердие на того, кто лишён его волею Бога»(11).

Именно в этом истоки современной отъединённости лишённого иллюзий, пессимистически окрашенного инди-

видуализма западного протестантского мира. Примером могут послужить не только распространённая практика наличия персонального психолога, но и **поразительно часто повторяющегося в англоязычной пуританской литературе предостережения — никогда не рассчитывать ни на дружбу, ни на помощь людей, не доверять никому, кроме Бога.** Не удивительно, что в протестантских странах довольно незаметно была отменена исповедь. Практическая направленность протестантского бытия, имеющего конкретные цели и задачи, ежедневно решаемые индивидом, не оставляла место абстракциям, философским вопросам о смысле жизни и мира, исключала процесс мучительных раздумий из жизни пуританина.

Крайне важным для современного мира, по мнению Вебера, является и **учение о невидимой Церкви божьей, образуемой избранными к спасению. Это прямое обоснование, легитимация права управления меньшинства большинством, божественное разрешение существования богатых и бедных, процветания политической и экономической элиты. Без Кальвина не было бы и теории «Золотого миллиарда» Мальтуса.** Принадлежность к избранным возможно достичь через мирскую аскезу и трудолюбие. «Духовную аристократию монахов вне мира и над ним вытеснила духовная аристократия святых в миру; от века предопределённая к спасению, отделённая от остальных, от века предопределённых к гибели», — отмечает Вебер (12).

В социальные отношения тем самым была внедрена непреодолимая пропасть, расколовшая общество на избранных и на не заслуживающих снисхождения грешников. **Готовность помочь ближнему подменялась ненавистью и презрением к неудачнику как врагу Господню, отмеченного клеймом осуждения.** Кальвинизм в этом воспринял ветхозаветный рационализм, гиперболизовав многие из его положений. Аскетизм кальвинизма привел, в конечном счёте, к тому, что он не только находил в Ветхом завете конгениальные ему идеи, но и ассимилировал их. В итоге рационализировано и систематизировано было и этическое поведение. Возникла протестантская форма добродетели. Классическим примером тому служит личный дневник Б. Франклина, наполненный математическими таблицами, статистическими исчислениями его успе-

хов на стезе добродетели. Десакрализация духовной жизни и сакрализация профессиональной деятельности, приводили к тому, что освящение жизни человека уподоблялось бизнес-предприятию.

Собственно резюмируя вышеизложенное, Вебер и вынес в название своего труда понятие «протестантская этика». Ибо именно изменение в сфере морали, а не в способе производства, создало дух капитализма, и отправным пунктом изменений стала идея утверждения избранности, взломавшая средневековый менталитет и сформировавшая основы и дух Нового европейского времени.

Итак, картина соотношений понятий капитализм и Реформация у Маркса и у Вебера кардинально различная, диаметрально противоположная. Маркс предлагает довольно увлекательную формулу: «Из капитализма родилась Реформация». Он писал: «Великая и могучая Реформация, родившаяся в XVI в., – дочь той формы экономики, которая возникла тогда и навязала себя стремительно покоренному ею миру, – капиталистической экономике» (13). Вебер предлагает иной тезис: «Из Реформации родился капитализм». Не следует забывать также о взглядах одного из ярчайших представителей новой исторической школы Германии Вернера Зомбарта, который настаивал, что капитализм родился из иудаизма как религии, из самого духа религии(14).

В примирительном ключе и объективном подходе решает эту проблему соотношений Люсьен Февр, на взглядах которого весьма полезно остановиться. Л. Февр писал: «Капитализм и Реформация проблема, несомненно, историческая. Более того, проблема человеческая. Верно ли это, в самом ли деле экономика и религия связаны столь нерасторжимо в нашем мире, что можно переходить от одной к другой, не споткнувшись и не испытывая затруднений? Правда ли, что одна порождает другую? Экономика религию, или наоборот? Давайте посмотрим»(15).

XVI век, по Февру, характеризует бешеная жажда денег и первейшая и непреодолимая движущая сила капиталистического индивидуализма, не ведающего ни узды, ни совести. Определяя главную цель Великих географических открытий, он

отмечает, что стимулом стало овладение золотом, а не землёй. Подвижное и компактное оно (золото) давало полноту власти и свободу. Следует отметить, что именно в XVI в. земля перестала быть вожаделенной. Владение землёй приковывало к месту, лишало мобильности и свободы. Свободу теперь давал капитал. Финансовый и производственный капитал порождает капитал идей, чувств и мироощущений, а именно буржуазных представлений о мире.

Купец XVI века параллельным курсом богатеет, зарабатывает и приобретает новое мировоззрение. Это был «человек, не имеющий под рукой ни почты, ни телефона, ни банковских билетов, — по этой причине собственной персоной, разъезжающий по свету в поисках товара. ...По дороге он видит нравы множества людей, соприкасается со всеми народами и религиями, утрачивает по ходу дела свои предрассудки и расширяет кругозор»(16).

Относительно роли религии Февр отмечает, что в докапиталистическом обществе от рождения до смерти человек жил под надзором религии. Церковь регламентировала труд и отдых, питание и весь образ жизни. Буржуа, разочарованные и недовольные ущемлением и попранием своих свобод, первыми задались вопросом: «А не внешнее ли это?», — говоря о церкви. Проповедь Лютера, по мысли Февра, стала опьяняющим кличем свободы в ответ на громкий призыв нарождающейся буржуазии. «Мир слушал, и люди узнавали в громком голосе брата Мартина то самое, что так часто выкрикивали они сами: отчаянные призывы к свободе»(17).

Вряд ли, Лютер осознано исходил из анализа современной ему обстановки. Религия Лютера во многом была его персональной верой, брала начало в его личных тревогах и сомнениях. Просто все дело в том, что его личные тревоги совпали с тревогами века. Искра вспыхнула пламенем Реформации. В идеи Лютера довольно быстро внедрился буржуазный дух, помимо его воли, наперекор ему. Мог ли быть Лютер поборником капитализма? «Конечно, нет», — отвечает Февр. Напротив, Лютер яростный антифинансист, антикапиталист и антисемит. Он придерживался старых средневековых установлений.

Но религия Лютера говорит с буржуазией на ясном и понятном языке. В Библии, переведенной на немецкий язык, отыщется Живой Бог, родной и уверенный в своей правоте. Учение Лютера позволит отринуть ужас Чистилища и заменить его страхом Лютера, личным предстоянием перед Богом. «Вы один пред Ним, единым. Когда вы ведете денежные дела, разве вы посвящаете третьих лиц в свои секреты? Ваши дела по спасению души гораздо важнее — обсуждайте их с Богом без докучных и ненужных посредников». Люсьен Февр подчеркивает: «Так завязывались узы между душами буржуа и новым учением Лютера»(18).

Из Реформации XVI в. — лютеранства буржуазия вынесла и сформировала свою Реформацию — протестантизм. Бог любит народ. Трудись, исполняй «*Beget*» и стань избранным. Человек, преуспевающий в делах, благословен Богом. Буржуазия, по оценке Февра, переоборудовала учение Лютера и создала тип кальвиниста-аскета. Февр снимает, в конце концов, утомительную дихотомию: религия или экономика в паре понятий Реформация и капитализм. Он не соглашается с выводами ни Маркса, ни Вебера, отмечая при этом их выдающиеся заслуги в изучаемой проблеме. Он пишет: «Реформация — дочь капитализма, или же, наоборот, капитализм — проект Реформации: нет, тысячу раз нет. Догматизм столь примитивной интерпретации мы заменим «новым» представлением о возможной обусловленности явлений, ибо все части нашего мира так связаны и соединены одна с другою, что невозможно познать одну без другой и без целого... Человечество не жалкие гребцы, надрывающиеся всю жизнь на тяжелой и мрачной галере экономических необходимостей»(19).

Примирительная концепция Люсьена Февра, конечно же, заслуживает самой высокой оценки за свою научную объективность и учет всех факторов исторического процесса. Однако, по нашему мнению, всё же дальше всех за горизонт заглянул Макс Вебер, усмотрев в изменении морали основу для корректировок в способе производства, понимая, как и Февр, взаимную запараллеленность этих процессов: религии и экономики.

Вернер Зомбарт. Этика иудаизма и капитализм.

Повышенный интерес к этике иудаизма объясняется не только тем обстоятельством, что иудаизм первый в истории мировой религии и культуры прецедент монотеизма, но и той ролью, которой было суждено сыграть этическому комплексу иудаизма не только в истории евреев, став самой сутью еврейства, но и в мировой истории. Иудаистский монотеизм и этика оказал непосредственное воздействие на генезис и формирование европейского капитализма.

Генетически иудаизм связан с шумеро-аккадской и египетской мифологией, зороастрийским культом. В середине XIV в. до н.э. фараон Эхнатон провел религиозную реформу, предприняв попытку установление культа единого универсального Бога Атона, не ограниченного территориальными и этническими рамками. В 1350 г. до н.э. племя пастухов, называвшее себя евреями, покинуло Междуречье и отправилось в землю обетованную Ханаан, уготованную для них единым Богом. Моисей, возглавив исход евреев, создал монотеистическую доктрину по образу культа Атона. Евреи испытали прозрение и потрясение, что всемогущий Господь снизошел до них, чтобы заключить взаимовыгодный союз: заботиться о них в обмен на почитание.

Образ Моисея и его религиозные установки глубоко проникли и пропитали сознание евреев, стали традицией и получили дальнейшее развитие в образе Бога Яхве. Получили новое звучание и «Десять заповедей» Моисея, возвещенные им народу в непосредственном явлении Господа. (20)

Впервые в рамках иудейского идеала человеческая жизнь ставится превыше всего, выдвигается установка о том, что все люди равны, а бедность — несчастье и кара небесная за грехи, окружающий мир нужно не просто принимать, смирившись, а пытаться его изменить обустроить, улучшить в ожидании пришествия Спасителя. Впервые материальные блага рассматриваются как способ приблизиться к Богу. По мнению Ж. Аттали, «так зарождается идеал рыночного строя — греко-иудейский идеал, впоследствии ставший эталоном для западного мира. Он существует до сих пор». (21) В талмуди-

ческий, раввинистический и реформационный периоды иудаизм будет эволюционировать, трансформироваться, однако заложенный Моисеем фундамент останется незыблемым.

Иудаизм как религиозное учение сложнейшее явление во всемирной истории. В рамках данного исследования охватить все его грани вряд ли получится. Однако на некоторых основных аспектах целесообразно остановиться в целях выявления корреляции установок иудаизма с нормами протестантизма и этикой возникшего значительно позднее капитализма.

Главное в иудаизме – это личное общение человека с Богом, диалог, духовно–личный контакт. Фундаментальным принципом иудаизма выступает парадигма провиденциализма (Божественного провидения) для индивидуального определения жизни и судьбы. В содержании иудаизма акцент делается на смысле, сосредоточенном в земной жизни, происходит прагматизация счастья, рая, «загробной жизни», ярко выраженная в постулате: «Если держишь в руке саженец, и тебе говорят, что пришел Машиах, – сначала посади саженец, а потом иди встречать Машиаха». (22)

В Торе, во второй книге «Исход» изложены основные религиозно–нравственные, правовые нормы и наставления, выступающие условием заключения договора евреев с Богом при его появлении на горе Синай: «Десять заповедей», законы уголовно-гражданского характера, нравственный кодекс, предписания о построении Храма. (23) В целом в Пятикнижии содержится одна из важнейших основ иудаизма – идея коллективного договора (читай, общественного) с Богом и коллективной ответственности перед ним. В целом этический кодекс иудаизма основывается на исходном постулате универсальности морального императива, презумпцией которого является единый и универсальный Бог – суровый, гневливый и запредельно строгий Яхве. Как отмечает М.О. Мнацаканян: «Еврейский Бог ревниво и настойчиво требует любви от человека». (24) «Любить Яхве, Бога вашего, ходить всеми путями Его, блюсти заповеди Его, прилепляться к Нему и служить ему всем сердцем вашим и всею душою вашей»... (25)

Именно это беззаветная любовь евреев к Богу делает их богоизбранным, исключительным народом, единственным,

способным усвоить Божественные заповеди, придать им универсальный характер и распространить по всему миру. Так в психологии еврейства была заложена и укоренена фундаментальная парадигма. С молоком матери младенец будет отныне впитывать слова: «мы избранный народ», «на нас лежит особая историческая миссия»; «Бог благословляет все наши дела». «Если будете слушать гласа Моего, и будете исполнять все, что скажу, и сохраните завет Мой, то вы будете у меня Царственным священством и народом святым»... Я приведу вас в землю, которую обещал отдать Аврааму, Исааку и Иакову, и передам её вам во владение». (26) Опираясь на эти положения с детства, евреи усваивают такие психологические установки, как «ты должен быть умнее других», «в тебе должны нуждаться».

В общем и целом, этика иудаизма заложила основы того, что, как мы упоминали, Аттали именуется «греко-иудейским идеалом», который гласит; свобода – конечная цель, соблюдение морального кодекса – условие выживания, богатство – дар небес, бедность – зло. (27) Историческая практика и этика иудаизма в масштабе всемирно-исторического процесса не только создали характер еврейского народа, но и сыграли ключевую роль в приобретении им характерных для него качеств. В свою очередь, эти качества евреев в различных уголках мира столетиями формировали условия для их жизнестойкости и творческой деятельности. Евреи, опираясь на этику иудаизма, стали носителями «духа капитализма», создателями теоретических моделей и систем, ставящих перед собой амбициозные задачи мировых трансформаций. Евреи всегда доктринально избирали или создавали для себя общественно-экономические системы, в которых они могли свободно развиваться, сохраняя свою индивидуальность и особость. Они сознательно и целенаправленно поддерживали процессы становления и упрочения гражданских обществ в Европе и США, концентрируя там свои основные усилия и финансы. Евреи, теряя свои позиции в одних странах, оперативно перемещались в такие страны, которые имели потенциал к развитию капиталистической торговли, претендовали на религиозное лидерство и мировое господство. Так, после изгнания мавров и морисков из Испании на волне Реконквисты, евреи массово перебрались в Нидерланды и Англию,

вскоре ставшие лидерами промышленного переворота. После 1933 г. центр мирового еврейства перемещается из Германии (укрепились там с середины XIX в.) в США. В сфере влияния еврейского лобби оказались не только ключевые позиции в экономике, но и средства массовой информации в целях формирования и манипулирования общественным мнением.

Непосредственно с постулатами иудаизма связано и страстное стремление собрать евреев в Палестине, осуществить обещание еврейского Бога. Взгляды Теодора Герцля — отца основателя идеологии сионизма — полностью базируются на «еврейской идее», этике иудаизма.

Покончив с историческим экскурсом, возвратимся, однако, к основному вопросу, представляющему для нас наибольший, особый интерес. Кратко его можно сформулировать так: «Евреи и капитализм». Роль мирового еврейства в становлении и развитии капитализма была скрупулезно изучена Вернером Зомбартом, идеи которого уже вкратце освещались в нашем исследовании. По его мнению, еврейство, как этническая общность не исчезла и в том числе потому, что в нем нуждались (помните установку для еврейских детей? — «чтобы в тебе нуждались» — С.В.) там, где стоят цели и устремления быстрого экономического развития, торгово-финансовых преобразований. Евреи, таким образом, выступали в роли носителей и катализаторов «духа капитализма». Как уже отмечалось, М.Вебер справедливо считал важным источником этого «духа» этику протестантизма. Не отрицая этого положения, мы предлагаем сделать ещё более решительный шаг и смелый вывод в сторону поиска истины. Корректно, думается, будет утверждать, что **этика протестантизма в общих чертах повторяла основные постулаты иудейской этики**. Протестантизм, отражая во многом чаяния «третьего сословия», буржуазии, многие представители которой в Западной Европе имели еврейское происхождение, был пропитан индивидуализмом, требованием свободы предпринимательства и торговли. «Пропустите всюду, не мешайте действовать». **Протестантизм, по сути дела, стал первым масштабным идеологическим проектом «еврейской идеи» в Западной Европе, экономическим её выражением стало формирование нового экономического уклада эпохи революции цен и промышленного переворо-**

та. Этика протестантизма явилась ширмой для проникновения иудаизма в христианскую Европу, первой попыткой вывести иудаизм из тени преследуемой, гонимой религии в стандарт и образец для подражания. Этика иудаизма, сохранив смысловое ядро и послыл, была тщательно упакована в обёрточную бумагу христианской терминологии под названием протестантизм и пуританство. В этом контексте совершенно логичны и закономерны тенденции генезиса и эволюции США как протестантского проекта строительства Нового Ханаана, земли обетованной, населенной богоизбранной нацией, с претензией на исключительность и универсальность. Как известно, еврейству принадлежит заслуга создания многих ключевых институтов экономического развития кредитно-банковской системы, биржевого механизма и т.п. Однако каким-то непостижимым и довольно странным образом, М. Вебер «не заметил» феномен еврейства в развитии и становлении капитализма. М. О. Мнацаканян в весьма глубокой и аналитической статье «Место протестантской этики в концепции капитализма М. Вебера» (28) называет причины этой рассеянности, «невнимательности»: немецкий национализм (юдофобия) Вебера и его протестантское происхождение.

Вернер Зомбарт, к взглядам которого мы снова обращаемся, анализируя возникновение капитализма, отвергает упрощенную, по его мнению, идею о том, что «дух капитализма» порожден лишь определенной (протестантской) религиозной основой, её этическим кодексом. По мнению Зомбарта, он формируется на основе совокупности, симбиоза исторических факторов, развития материальной культуры, производственных процессов, этики, религии и социальных изменений. Оппонируя Веберу, Зомбарт акцентирует внимание на социопсихическом типе сознания, природных данных, генетически заложенных в человеке, потенциально содействующих его подъему на вершину общественной пирамиды. Такой характер, по Зомбарту, и формирует иудейская этика. Он отмечает: «Ротшильды в своём ремесле только эмпирики, одаренные достойным управлением инстинктом, который побуждает их всегда выбирать верное, а из двух верных всегда лучшее».(29) Говоря о религиозной этике, Зомбарт полагал, что наиболее благоприятные основы для предприниматель-

ской деятельности содержались в иудаизме. Только религия Торы и Талмуда никогда не выдвигала идеал нищенства, бедности и аскетизма, а, напротив, продвигала и проповедовала идеал торговой свободы и накопления капитала. Процветание и богатство – выражение милости Бога, бедность, внезапное богатство – дурной знак того, что Господь оставил человека. Не об этом ли говорил Ж. Кальвин?

Как считает В.Зомбарт, иудаизм особенно сильно повлиял на трудовую этику евреев и заложил будущий фундамент капитализма, трояким способом;

- Религия влияла у евреев на весь жизненный уклад, становилась образом жизни, а не уделом воскресных праздничных дней. Все жизненные отношения получали своё религиозное звучание.
- Иудаизм основывается на договоре, союзе, законе, регламентирует отношения между Богом и человеком, природой и человеком, метафизические потребности. Нравственность и право – плоть от плоти суть иудаизма. Поскольку предписания иудаизма установлены Богом, они оправдывают все действия в угоду Господу, не вызывая сомнений и нравственных метаний. Нравственный закон, божественное предписание и предопределение – неразрывные понятия у евреев.
- Тора у евреев выступает в роли «переносного отечества». Неважно где жить, важно исполнять все предписания и религиозные обряды. Родина там, где меньше налоги. «Хозяйственный дух, – пишет В. Зомбарт, – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявление интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйственного человека».(30)

Такое понимание капиталистического духа особенно тесно переплетается с этикой иудаизма. К тому же, подобное хозяйственное мышление проявилось у евреев значительно раньше, чем из недр протестантизма выросла его трудовая этика. Зомбарт утверждает, что развитие рационализма в иудаизме носило всеобъемлющий характер. «При вступлении в капиталистическую этику Нового времени еврейский народ

был благодаря своей религии уже в высшей степени подготовлен, в отличие, от какого бы то ни было христианского народа. Евреи имели благодаря этому, если все прочие условия оставались равными, огромное преимущество перед всеми остальными народами».(31)

Следует отметить, еще одно немаловажное обстоятельство. Новое время, время разрушения союза алтаря и трона, время атеистического вольнодумства, эпохи Просвещения и великих социальных революций, оставляло религии все меньшее место. Буржуазия хотела зарабатывать, потреблять, а не молиться. Люди, преисполненные капиталистическим духом, зачастую проявляли если не враждебность, то совершенно полнейшее безразличие к делам церковным. Этика иудаизма и протестантская этика как нельзя лучше соответствовали концептам обмирщения сознания и десакрализации мышления. И носителями этого нового-старого типа мышления стали еврейские капиталисты, разнося вирус капитализма в планетарном масштабе, способствуя разрушению национальных суверенитетов, подталкивая человека национального к человеку глобальному, заражая его космополитизмом. Где наилучшие условия для бизнеса, там и Отечество. Ведь этика иудаизма вплоть до образования государства Израиль заменила евреям родину, национальное государство. Сегодняшние глобализированные элиты продолжают продвигать концепцию «переносного отечества», оторванного от национальных корней и традиций, полностью базируясь на этике иудаизма, являющейся сутью еврейства, без сомнения, давшей импульс к формированию идеологии протестантизма и создавшей сам дух капитализма. Иудейский комплекс отсутствия Отечества, рядясь в одежды толерантности и мультикультурализма, переносится США на весь мир в планетарном масштабе в проекте универсальной западной глобализации. Это ли рецепт счастья для всего человечества, социально-политическое плацебо? Может быть, разумнее перейти от наставлений, поучений, менторского тона к политике изучения собственных психологических комплексов и заболеваний? Благо профессия психиатра и психолога одна из самых распространенных и востребованных в США.

Ренессанс. Человек как мера всех вещей.

Аксиоматично в историографической традиции эпохи Возрождения и Научной революции мышления в годы Просвещения преподносятся и освещаются как резкое изменение сознания, отход от схоластики и догматики средневековья, возврат к идеалам античности, революционный прорыв к рационализации мышления и ведения хозяйственной деятельности. При этом за скобками и пределами анализа остаются весьма немаловажные обстоятельства, свидетельствующие как минимум об экономии мышления, узости методологии. Речь идёт, прежде всего, о том, что намеренно забывается абсолютно западный феноменологический аспект развернувшихся процессов, подчёркивается их прогрессивность и распространимость на всю историю человечества, отмечается ущербность и отсталость народов, не прошедших через эти процессы (Азия, Африка, Латинская Америка и Россия) и требующих приобщения к западному духовному опыту через универсализацию западных ценностей. Н. С. Трубецкой отмечал: «Европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи, романо-германской для которой она и является обязательной» (32). Задачей объективного и пытливого ума является анализ процесса и выявление причин духовной инверсии Запада и понимание того, почему подобные явления не развернулись, да и могли развернуться в силу их абсолютной чуждости, в России и странах Востока, как не состоялась в них и Реформация по стандарту, предложенному М. Лютером и Ж. Кальвином. Крайне важно понимать, что как без Реформации, так и без Возрождения и Просвещения современная доктрина неолiberaлизма была бы невозможной и несостоятельной.

История XIX – начала XXI в. являет собой пример того, как идеологи либерализма, основываясь на вере в прогресс развития апеллируют к доводам, черпаемым из неиссякаемого источника – науки, превращая их в идеологическое доктринерство с помощью искусственно созданного языка и числа, обращаясь к ценности человеческой личности и её правам.

XX век как время формирования политических режимов и политических доктрин, оправдывающих их существование, время мощных технологий манипуляций общественным сознанием базируется во многом на идеях, заложенных эпохой Возрождения и сформулированных западноевропейскими просветителями.

Создатель общей теории систем Людвиг фон Берталанфи с глубокой иронией отмечал «величайшее открытие XX века»: возможность редукции человека к автомату, покупающему всё, от зубной пасты до президентов, атомной войны и самоуничтожения» (33). Скепсис Берталанфи не вызывает удивления, ибо в основе, так называемого, постиндустриального общества и культуры Запада лежат интересы, а не принципы и идеалы, как в христианстве, исламе и других традиционных культурах.

На Западе отход и отказ от теоцентрического понимания мира начался в эпоху Возрождения и утвердился в эпоху Просвещения, когда в основу мировоззрения европейцев легли принципы антропоцентризма (люди-титаны, человек — мера всех вещей) и рационализма, абсолютно чуждые как Востоку, так и православию.

Гуманизм, как известно, в самом широком понимании означает человеческий, человечный (от лат. «humanus»). Он то, что делает человека как представителя биологического вида существом духовно-нравственным. Гуманизм — это исторически развивающаяся система воззрений, признающая ценность человека, его право на свободу, счастье, развитие и проявление всех его способностей (34). Гуманизм в общефилософском и аксиологическом ключе непосредственно связан с понятием о справедливости. Для нашей работы важно развести дефинитивные интерпретации гуманизма, трактуемые в широком и узком смыслах. Широкое значение гуманизма это человечность. Узкое — его конкретно-историческая форма, возникшая и получившая развитие в Западной Европе. То есть, следует акцентировать внимание на том, что это лишь частная форма этого явления, свойственная определенному периоду развития сознания западноевропейского общества, которая вполне может не совпадать с концепциями гуманизма, выработанными в других культурах.

Гуманизм в узком смысле слова — культурное движение эпохи Возрождения, прежде всего, получившее развитие в Италии XIV — XVI вв. Противопоставление богословию и вырождающейся схоластической науке светского мирозерцания и культуры дало основание писателю и ученому эпохи Возрождения — Леонардо Бруни назвать в XV в. новую культуру — *humanitas* (от латинского слова «*humanus*» — человеческий, в противоположность «*divinus*» — божественному). Так возник термин «гуманизм» (35).

В начале XIV века в городах Средней и Северной Италии сложилось сочетание политических, религиозных и социально-экономических факторов, породивших феномен Возрождения. Города этой части Италии отличались высоким уровнем развития банковского дела и ремесла. Появление во Флоренции в XVI в. капиталистической мануфактуры, а следовательно, ранней буржуазии являлось показателем этого общего для всего региона высокого уровня социального и экономического развития. Главным мерилом престижа и статуса человека в обществе становится богатство. «Кто является господином денег и времени, является господином всех вещей», — заявил один из флорентийских купцов того времени. Сковывавшие, но и одновременно оберегающие и защищающие человека корпоративно-сословные связи рушатся, оставляя его один на один с враждебным и конкурентным миром. Теперь негодичант и предприниматель может рассчитывать только на себя, на свои личностные качества: смелость и осторожность, деловую хватку и расчет.

Происходит резкое ускорение времени, темпа жизни. Время становится дорогостоящей вещью. Его более не хотят тратить на молитвы и размышления о Боге. Так рождалось индивидуалистическое сознание, формирующее идеологию Ренессанса и давшее импульс Реформации. Гуманизм возвестил о величии человека, о мощи его разума. Нравственной нормой стало понятие «*virtu*» — доблесть и благородство, достоинство. Целью жизни объявляются достижение земного счастья, в противовес средневековому представлению о греховности всех естественных радостей человека.

Леон Батиста Альберти утверждал, что «человек явился на свет не затем, чтобы уныло влачить свою жизнь в праздности, а

для того, чтобы стремиться к великим делам; этим он для себя самого достигнет как современный добродетели, так и плодов счастья» (36). Таким образом, **место Бога постепенно занимает человек, но такой, какого не знало средневековье, достойный возвеличивания. Целью жизни гуманисты объявили не спасение души, а познание себя и мира, служение не Богу, а людям.** Новое содержание вкладывалось гуманистами и в категорию «труда». Труд расценивался в средние века как кара за первородный грех. Отныне он становится важнейшим средством обрести желаемое, разбогатеть. С этим мотивом переплетается и еще один – восхваление величия человеческого разума. «Знание уподобляет человека Богу», – заявлял Альберти (37).

В эту эпоху радикально меняется концепция истории. Схоласти средневековья рассматривали историческую действительность как арену борьбы Бога и дьявола за душу человека, роль которого в этом противоборстве весьма пассивна. В трудах Возрождения человек становится движущей силой исторического процесса. Первым трудом, основанным на новом видении, стала работа Леонардо Бруни «История флорентийского народа» (38).

Значительное место в трудах гуманистов, идейно подготавливающих европейскую Реформацию, занимает проблема оправдания богатства, снятие с него греховности и несправедности. Бруни утверждает, что только богатые люди могут быть щедрыми и полезными для общества. «Не может быть ни милостивым, ни щедрым тот, кто не имеет средств на расходы» (39). Так, постепенно богатство и прибыль получают идейное оправдание, легитимируя положение в обществе буржуазии.

Гуманизм как социокультурное явление зародился ещё в «осевое время» и как целостное мировоззрение существовал и в древнем мире, и в средние века. Философски он основывался на идее космоцентризма, что приравнивало человека к миру природы, создавало единый ансамбль онтологического натурализма. Личность была встроена в мир природы и в мир государства. При этом примат государства под личностью в античности был безусловным даже в условиях демократии, что порождало цепь невидимых взаимосвязей между госу-

дарством и личностью, делало индивида ответственным за общее дело, предохраняло социум от атомизации.

Средневековый гуманизм базировался на идее теоцентризма, в рамках которой человек воспринимался как творение Божье. Как подчеркивает С. А. Нижников: «Тем самым признавалась его автономная личность, ибо Бог творит душу каждого человека индивидуально, в силу чего она неповторима и бесценна. Душа каждого человека дороже для Бога, чем всё мироздание» (40). При этом акцентировалось внимание на греховной сущности природы человеческой. Жизнь земная сводилась к покаянию и послушанию. Нивелировались земные радости и ценности. Институтом, замещающим Бога на Земле, выступала церковь, в силу чего неизбежно происходило искажение религиозного идеала. Гуманизм эпохи Возрождения собственно и пророс из этой духовной инверсии, создав основы Реформации, и впоследствии идя с ней рука об руку. Антропоцентризм, то есть светскость, индивидуализм, эгоизм, стал стержнем философии Ренессанса, породив в будущем, по ёмкому выражению Герцена, «скотский материализм». Мировоззренческие установки Возрождения противостоят всей системе средневекового схоластического знания. Возрождение — это время, когда религиозное отношение к природе и человеку подменяется математическим расчетом и механическим принципом, разрушая священные образы, осуществляя штурм символов бытия. Происходило формирование нового мировоззренческого языка, новояза, языка чисел и меры, и человека — как меры всех вещей. В основу познания мира закладывался принцип — «вещи подражают числам», через число можно поменять мир. Философ XV в. Николай Кузанский жестко постулировал: «Там, где терпит неудачу язык математики, человеческий дух ничего уже не сможет понять и узнать» (41). Сила «языка чисел» объясняется тем, что он выглядит максимально достоверным, не может лгать (особенно, если современный человек, спрятавшись за компьютерный ширмой, растворяется в мире Интернета). Именно это обстоятельство снимает с личности все моральные ограничения и психологические пороги, даёт ей такую свободу, с которой не может сравниться никакая свобода слова.

Георг Кантор – выдающийся математик и философ весьма симптоматично отмечает: « Сущность математики заключается в её свободе» (42). М. Вебер уделяет особое внимание «духу счета». Пуританизм преобразовал эту расчетливость из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения. Научная революция Запада сделала механицизм основой миропонимания. Запад стал одержим пространством, выраженным в математическом методе мышления. В противовес этому выделяют «одержимость временем», для которого характерен грамматический подход и метод мышления. То есть сосуществуют «наука числа» и «наука слова».

Эпоха Возрождения и последовавшая за ней эпоха Просвещения сформировали количественный подход к жизнеустройству, метафорой которого стал капиталистический рынок. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «свобода тех, кто «владеет числом» означает глубокую, хотя и скрытую зависимость тех, кто «потребляет» число, ведь их сила убеждения огромна (43). Гениальный философ и математик Лейбниц прозорливо отмечал, предвидя современное развитие мира: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: «Подсчитаем!» (44). Подобная социальная модель утопии означает полную замену ценностей (качеств) их ценой (количеством). Это снимает с личности проблему выбора, заменяет её проблемой подсчета, тем самым лишая его свободы, превращая его в винтик глобального тоталитаризма, что и является смыслом и конечной целью неолиберальной технократии. Ведь если человек воспринял абсурдное количественное утверждение, его невозможно вытеснить никакими логическими качественными аргументами.

Язык чисел Возрождения и Просвещения дополнило создание научного языка, формирование терминологии и категориального аппарата. Язык под господством метафизики Запада покидает стихию слова и становится оружием господства. Устранение из языка святости и превращение ценностей в товар сделали возможной свободу слова, не табуированную никакими условностями, создало условия для формирования гражданского общества. Андре Жид уже в XX веке бравурно

восклидал: «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий» (45). Ж. Маришен, комментируя понимание свободы слова А. Жидом, с удивлением отмечает: «В одно и то же время А. Жид с искренностью писал две маленькие книжечки. В одной из них он выражал преданнейшую любовь к Евангелию, в другой — проповедовал гомосексуализм» (46). Так новый язык подменял систему мышления и приводил к расширению сознания, делая его непротиворечивым, загоняя его в ловушку манипуляций и управления сознанием. Слово вслед за знанием становится абсолютно автономным по отношению к морали.

Следствием научной революции стало немыслимое ранее явление: сознательное создание новых языков с их морфологией и синтаксисом. Возник язык химии, физики, биологии и т.д. Язык стал аналитическим (анализ — это, как известно, разделение), т.е. разделяющим. Раньше язык напротив выполнял функцию соединения, коммуникации. Эпоха Просвещения создала искусственный язык, заменивший естественный. Слова стали рациональны, очищены от многосмысловых нагрузок, утратили святость и ценность, приобретая цену. По утверждению С. Г. Кара-Мурзы, «это был разрыв со всей историей человечества... Когда вместо силы главным средством власти стала манипуляция сознанием, власть имущим понадобилась полная свобода слова — превращение слова в безличный, неодухотворенный инструмент» (47).

Свобода слова, человеческой личности составляют и основной пафос Возрождения. «Последний поэт Средневековья и первый поэт Нового времени», по меткому выражению Ф. Энгельса, Данте Алигьери заложил основы гуманистического учения о человеке, выступал против светской власти церкви, во многом предвосхитив доктрины Реформации. Признанным отцом Гуманизма является Франческо Петрарка, изменивший средневековую технику письма и устранивший из него сакральный пиетет перед властью предрержащими. Мировоззрение Петрарки было, однако, не свободно от двойных стандартов и отличалось совсем не гуманистическим отношением к ряду политизированных проблем. В его взглядах, как и в филосо-

фии столпа Просвещения И.Г. Гердера, порой обнаруживается неприкрытый расизм и проповедь человеконенавистничества, лишь только разговор касается незападных цивилизаций.

Великие гуманисты Запада, как только речь заходила о геополитическом и культурном соперничестве цивилизаций, мгновенно теряли универсальный вселенский подход. В поздравлениях Дожа и Совета Генуи после очередного варварского разграбления Византии корсарами, Франческо Петрарка высказывает своё глубокое удовлетворение погромом «лукавых малодушных гречишек», выражая пожелание, направленное на то, чтобы «позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны генуэзцами, если только Христос изберет вас отмстителями за свое поношение и вам поручит возмездие, не к добру затянутое всем католическим миром». Петрарка выражает неприкрытое отвращение к «скифским мордам», наводнившим его родной город, — христианам-славянам, проданным турками в рабство (48).

Иоганн Готфрид Гердер также не упустил возможности вскользь пройти по «омерзительной византийской истории», назвав концепцию «симфонии властей» — «двуглавым чудовищем». Для немецкого философа была абсолютно неприемлема сама возможность существования многоплеменного евразийского котла Византии. Гердер с осуждением писал: «В основу византийской истории легла злосчастная путаница, которая бросила в один кипящий котел и варваров, и римлян» (49). В этой связи весьма странным представляется единодушный восторг на Западе, вызываемый концепцией «плавильного котла» в США, которая, в сущности, мало чем отличается от византийской версии. Хотя эти противоречия легко устраняются при ознакомлении с трудами ряда западных идеологов. В частности, в «Философии истории» Гегель, продолжая традиции предшественников, наделяет лишь Запад правом «свободно творить в мире на основе субъективного сознания», не найдя кроме него «всемирно исторических народов» (50).

Кульминацией гуманистической мысли по праву считается «Речь о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандолы, являющейся введением к его «900 тезисам». Основной квинтэссенцией произведения выступает утверждение о том,

что Бог не определил человеку место в космической иерархии, человек поставлен в центр мира и должен сформировать себя сам как «свободный и славный мастер». Человеку дано право «владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет». Природа человека выступает в качестве «самостоятельной» (51). Таким образом, божественность человеку не дана, а достижима (весьма пуританское утверждение С.В.). Здесь угадывается пунктиром намеченный тезис о возможности человекобожия. Пико писал: «Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь». Человек, в соответствии с взглядами Дж. Пико, полностью выпадает из иерархии мироздания. Его величие заключается не в том, что он занимает высокое, но твердо установленное ему Богом место в этой иерархии, а в том, что он сам выбирает себе место. «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь и в высшие, божественные... В рождающихся людей Отец вложил семена разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает растительные, будет растение, чувственные — станет животным, рациональные — станет ангелом и сыном Бога» (52).

Итак, главное содержание философии Дж. Пико делла Мирандолы — гимн возможностям человека, его поистине безграничной способности познания, созидания самого себя, сплочения всего рода людского во всеобщей религии, в новом экуменизме.

Призыв Гуманизма к отказу от теоцентризма, одновременно означал отказ и от средневековой нравственности. Человек Возрождения одновременно приближался не только к своей сущности — человечности, но и к разнузданности и безнравственности. Подвижничество и жертвенность сменяются учением о самосохранении, страдание во имя спасения — культом наслаждения, пользы и выгоды. Яркой иллюстрацией «новой» философии выступает трактат «О наслаждении» Лоренцо Валлы, трудам которого историческая наука обязана, в частности, рождению термина «*medium aevum*» — «средние века». Идеа-

лом жизни в работе выступает образ чувственного гедониста. Земное наслаждение объявляется предварительной ступенью к небесному блаженству. Добродетелью, по мнению Л. Валлы, является всё, что относится к институту самосохранения, а потому никакое наслаждение не является безнравственным. (53)

Примечателен и трактат Л. Валлы «Об истинном и ложном благе», содержащий также восторженный гимн наслаждению, которое само природа создала во благо людям. «Природа сделала доступным для тебя наслаждения и одновременно дала и сформировала душу, склонную к ним». От самих людей зависит, умеют ли они достаточно полно пользоваться благами тела: здоровьем, красотой, силой и ловкостью. Он возвеличивает физическую любовь, без которой прекратился бы род людской. Душу Валла подчиняет плоти. По его мнению, добродетели являются лишь служанками наслаждений, то есть сводятся к умению овладевать земными благами. Он призывает полностью погрузиться в мир чувственного, всего, что дают слух, обоняние, вкус и зрение. «О, если бы у человека было не пять, а пятьдесят или пятьсот чувств!» — восклицает он. (54) В своём учении, таким образом, Валла сумел выразить страстное стремление к радостям бытия, отвечавшие потребностям формирующегося класса буржуазии, требовавшей изменений в жизни общества и церкви.

Как уже подчеркивалось, философию Ренессанса зачастую определяют как величайший прогрессивный переворот и время, породившее титанов. Следует вспомнить, в связи с этой оценкой Ф. Энгельса, что титаны в древнегреческой мифологии герои, далёкие от положительного идеала. В итоге средневековое богоборчество завершилось человекобожием Возрождения и атеизмом Просвещения. От человека как божественного творения гуманизм пришел к человеку как средству производства капитала, отчуждению человека от своей сущности, переходу от общества духовных к обществу материальных ценностей. Именно так выглядит оборотная сторона новоевропейского гуманизма, лежащего в основе современной неolibеральной культуры западной цивилизации постмодерна, о чём весьма красноречиво свидетельствует творчество Н. Макиавелли, ставшее ответной реакцией на глубокий кризис философии гуманизма конца XV — начала XVI вв.

Фантазии о богоподобии человека вдребезги разбились о трагическую реальность распрей, раздоров и раздробленности итальянских городов. В этих условиях и родился социально-политический запрос на взгляды, излагаемые Макиавелли. Философия Макиавелли сформировала не только концептуально новую теорию общественного и политического устройства, но впервые создала светскую идеологию и политическую психологию. Впервые политика, а не религия становилась обоснованием и обеспечением моральных канонов. Идеалом социально-политического устройства выступает нация, поскольку в это время возникает само понятие – Родина, Отечество, рождается сознание сопричастности личности к географическим, политическим и психологическим границам территории. Основной новацией Макиавелли, наносящей удар по средневековой традиции государственного строительства, становится обоснование власти через её собственную легитимность, а не посредством божественного права. На место абстрактной справедливости теоцентризма Макиавелли поставил справедливого государя, легитимирующего свои деяния и властные полномочия посредством политической справедливости. Согласно Макиавелли, невозможно определить благо общества в терминах добродетели, напротив, сама добродетель должна быть определена в терминах общего блага. То есть речь идет о том, что политика возвышается над моралью, «цель оправдывает средства». Однако закономерен вопрос, не эта ли философия отворила двери тоталитарным режимам XX века? (55)

Завершая краткий экскурс в историю гуманистической мысли сразу оговоримся, что мы совершенно сознательно и руководствуясь логикой анализа поместили материал, посвященный Гуманизму после очерка по Реформации и её связи с капитализмом, несмотря на очевидное понимание того обстоятельства, что Гуманизм предшествует Реформации как хронологически, так и по существу. Цель такого структурирования заключается в том, чтобы сначала рассмотреть глобальную религиозную инверсию на Западе, выяснить связь экономики и религии, а лишь затем выяснить моральный и научный аспект в виде Ренессанса и Просвещения, подготовившие и закрепившие на практике либеральную аксиологическую парадигму на Западе.

В целом вопрос о взаимоотношении Реформации и Гуманизма является вопросом о взаимосвязи между двумя формами идеологии, порожденными буржуазным веком. С этой точки зрения Реформацию можно определить как переложение идеи Гуманизма на язык традиционных народных представлений. А они в ту эпоху не могли быть иными, как религиозными. «Иными словами, за языком, страстями и иллюзиями Реформации скрывались те же земные социальные и этические цели и убеждения, что и в идеологии Гуманизма», — писал известный ученый-медиевист Н.Ф. Колесницкий (56). Реформаторы и гуманисты апеллировали к различным интеллектуальным слоям и по необходимости пользовались различным словарем и системой образов. В одном случае их заимствовали из Библии, в другом из языческого наследия греко-римской древности. Однако в социально-этическом плане между двумя этими формами ранней буржуазной идеологии было много общего. А именно в том, что буржуазный индивидуализм сталкивается с корпоративной регламентацией, с узами традиционного общества, жажда деятельности с созерцательностью, стремление к личному успеху с благочестием и требованием «добрых дел». Одним словом, буржуазная этика приходила в столкновение с этикой католицизма. Гуманизм, несомненно, во многом подготовил Реформацию. Книга стала доступной более широкому слою населения. Критика церкви и культурные знания подрывали её авторитет в глазах верующих. Немецкий гуманист Муциан Руф наставлял: «Цените слова философов выше слов священников. В Библии много басен», — считал Руф (57). Он также отвергал заупокойные мессы. Не вызывает сомнения, что эти и подобные им воззрения логически готовили и морально оправдывали грядущую Реформацию.

Просвещение. Модерн без благодати.

Логическим развитием идей Ренессанса стали концептуальные установки Просвещения. Религиозные войны в Европе, порожденные Реформацией, во многом десакрализовали менталитет европейцев. Религиозный кризис,

спровоцированный Лютером и Кальвином, усилившийся конфликт Церкви с наукой, привел к появлению новой генерации интеллектуалов — борцов за права человека, проповедовавших свободу совести. Наступал новый этап европейской истории — эпоха Просвещения.

Зародившись в XVII веке в Англии, идеология Просвещения активно проникла на континентальную Европу в XVIII в. и нашла своё яркое выражение в трудах Монтескье, Вольтера, Гельвеция и Гольбаха, формировавших антропоцентричное измерение бытия. Вольтеровское «Раздавите гадину!», обращенное к церкви, положило начало яростной борьбе с теоцентризмом и вообще с любыми формами религиозного сознания. Проявление культа «Я», человеческой гордыни в осмыслении мира на Западе, всё более заметное в эпоху Просвещения, смещало акцент в понимании и восприятии Христа—Богочеловека от Сына Божия к земной его ипостаси. В этой фундаментальной установке основа современной глобализации, культа потребления во имя потребления. Земная жизнь Христа стала важнее, значимее его Воскрешения, «смертью смерть поправ». В таком контексте не вызывает удивления появление голливудской продукции о Христе, доведенной до апогея в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда», где голосом Спасителя стал вокалист группы «Дип перпл» Ян Гиллан.

Гуманизм Просвещения незаметно для самих адептов и идеологов этих явлений перешагнул через опасную черту, заглянув в бездну. Дерзкое воспевание возможностей человека, провозглашение его мерой всех вещей, изначально преподносимое как высшее развитие в человеке божественного, ибо Создатель наделил его разумом по образу и подобию своему, — привело, в конечном итоге, к гуманистическо-просвещенческому экстазу гордыни. **Идея «богоподобия» трансформировалась в идею «богоравности», «человека-титана».** Напомним, ведь Прометей требовал у Бога отдать ему Землю. В просвещённый век человек — властелин земли, т.е. он имеет право и свободу совести обустроить её по своему собственному разумению и по собственному образу и подобию. Однако это есть путь в теоретическую ловушку, к мировоззренческому кризису. Как справедливо ставит вопрос

Н.А. Нарочницкая: «Где же взять (в такой ситуации – С.В.) критерии вместо отвергнутых богоданных понятий абсолютного Добра и Зла?» (58)

Выходом стало создание рационалистического научного мировоззрения. Новая философия Просвещения была строго ограничена пределами познания разума человека и обожествляла данные науки. Идеалом стала познавательная способность человека, отворившая двери к безрелигиозному сознанию и усилившая десакрализацию мира, исключившая, по сути дела, Бога из мироздания. «Верую, значит – существую», провозглашенное Августином, теперь подменяется декартовским императивом «Мыслю, значит – существую». Таким образом, утверждался главный концент Просвещения – идея автономности человека от Бога, идея деизма, получившая позднее развитие в формировании идеологии атеизма и нигилизма. Ограниченность просветителей была ограничена (простите за тавтологию) их собственным ограниченным разумом, который возвышал человека над Богом, объявлял его наивысшим элементом мироздания, господином земного шара. Бог был развенчан и осмеян.

Дальнейшие шаги по преодолению деизма были осуществлены И. Кантом и Г. Фихте. Кант установил четкие демаркационные линии между Человеком и Богом. Он объявил, что мы познаём не мир, а лишь представление о нём (59). Фихте ввел постулат: «Я познающее и есть сущее, все же прочее есть лишь познаваемое, т.е. мыслимое, мною творимое, из меня исходящее, вне моего представления не существующее»(60).

Торжество нигилизма неминуемо вело к провозглашению атеистических идей наиболее перспективными. В конце концов, Л. Фейербах упразднил Бога за ненужностью. Философия Просвещения стала концептуальной основой великого европейского политического кризиса, получившего своё окончательное воплощение в 1789 году. Великая французская революция, проходившая под мантрические заклинания «свобода, равенство и братство» породила документ, резко изменивший сознание европейцев, – «Декларацию прав человека и гражданина», провозглашавшую свободу личности, свободу

слова, свободу убеждений. Впервые законодательно было закреплено понятие естественных, священных, неотчуждаемых прав человека. Так был открыт ящик Пандоры. Место прежней государственной религии занял воинствующий атеизм. **Теория просветителей и практика Французской революции подготавливали либерализм и современный нелиберализм, базирующийся на учении об «общественном договоре» «суверенных личностей», подменяющий богоданную иерархию ценностей и традиционных социальных отношений. Возник доселе невиданный феномен мясного рабства, свободы ростовщической совести, свободной от совести и сострадания.** Ростовщик, свободный от идеалов, провозгласил ясный и не терпящий возражений лозунг: «Пропустите всюду, не мешайте действовать!» Протестанты искали в Америке именно такую свободу, которая позволяла десакрализировать и дехристианизировать мир. Религиозный Канон, таким образом, устранялся и подменялся Светским Законом. Долг перед Богом и людьми, как идея, в соответствии с Каноном, трансформируется в долг как долговое обязательство, вексель, по которому нужно заплатить, в соответствии с Законом. Продажа индульгенций превращается в общепринятую практику, выходящую за рамки Церкви и охватывающую светскую жизнь. Воинствующий атеизм французских революционеров, базирующийся на «славном опыте» крестоносцев, разграбивших Константинополь, получил своё выражение в казнях священнослужителей, отказавшихся отречься от сана, в разрушении и превращении в конюшни храмов. После того как Ватикан разорвал религиозные отношения с Францией, французские революционные толпы вторглись в Италию, захватили папу Пия VI и провозгласили Римскую Республику.

Экспорт Просвещения, позже переродившийся в демократической транзит либерализма, стартовал в Англии, и получивший практическое воплощение в идеях Французской революции, охватил в XIX веке Западную и Восточную Европу, опасным инфекционным вирусом проникая даже в цитадель традиционности – в Османскую Порту, провоцируя национально-освободительное движение на Балканах, продвигая идеи светского национализма. Андреа Риккарди

так характеризует эти процессы того времени: «Ушли в прошлое режимы «христианских монархов», та система христианства, которая основывалась на взаимодействии и взаимопроникновении светской и церковной власти. Был разорван союз алтаря и трона, в котором целое тысячелетие виделась единственная возможная форма отношений между церковью и обществом. Причем не только в католическом мире, но и в тех странах, где были созданы национальные протестантские церкви»(61).

В 1831 г. в Италии на волне восстаний в Умбрии, Романье и Болонье было сформировано временное правительство. Начался процесс национализации церковного имущества, дух секуляризации вскоре охватил всю страну. Во 2-ой половине XIX в. папство полностью потеряло контроль над Папской областью. Оппоненты Пия IX выдвинули лозунг «свободная церковь в свободном государстве». Ответной реакцией стала опубликованная в 1864 году энциклика Пия IX «Силлабус Эррорум» — «Перечень главных заблуждений нашего времени». Среди 80 заблуждений первую десятку занимали: либерализм, рационализм, протестантизм, свобода науки, взгляд на государство как источник права, отделение церкви от государства и др.(62)

Однако мужественная политика Пия IX по противостоянию либерализму вплоть до 10-х гг. XXI в. носила единичный характер, была единственным примером попытки католической церкви выставить надёжный заслон десакрализации мира. Вплоть до середины XX в. Святой престол не нашёл в себе сил преодолеть стереотипы и вступил на путь христианского экуменизма, навязанный протестантами и идеологией Просвещения.

В тесном сплаве идей Просвещения и практики Великой Французской революции родилось весьма любопытное и новое для истории человечества явление, возник союз денежного капитала финансистов и идеологов-писателей, обслуживающих его интересы, был запущен небывалый процесс манипулирования сознанием обывателя, освобожденного от оков религиозного сознания и вооруженного новым рациональным мировоззрением. Весьма примечательны в этой связи наблюдения Э. Бёрка: «Писатель-

ские истории во Франции... создавали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии... К системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации тех, кто не вошел в их фракцию... Так вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, класс политических писателей»(63).

Орудием, инструментом управления общественным мнением, у плутократии стало то, что им было наиболее ненавистно, — стремление человека к свободе и равенству, к социальной справедливости. Именно во Франции впервые появился термин «идеология», и была создана весьма влиятельная организация с лаконичным названием — «Институт». В его члены был принят и будущий император — Наполеон Бонапарт, который неизменно подписывался как член Института. По замечанию С. Г. Кара-Мурзы, «именно в ходе Великой Французской революции идеологи нового общества поняли, что главным средством власти в нем будет язык»(64). Пионером этого направления стал Лавуазье, создавший язык химии. Философское значение этого прорыва далеко выходило за рамки рационалистического знания. Не случайно, некоторых английских богобоязненных химиков чрезмерная смелость Лавуазье ужаснула.

Идеологи Французской революции осознали магическое воздействие на сознание людей «царства числа», количества, подменившее таинственный и не подконтрольный мир качества. Это выразилось в одном из первых мероприятий, проведенных сразу после победы Великой Французской революции — разработке метрической системы мер. В результате, политическая элита, вооружившись языком точности, получила неограниченный контроль над смыслами, мыслями и словами. Элиты стали контролировать зоны ответственности Творца, неподотчетные человеку средневековья — пространство и время. М. Фуко подчеркивал важность этого выбора: «Язык точности (язык чисел) совершенно необходим для господства посредством идеологии»(65).

В это же время была создана школа нового типа, делившая учеников на элитарное меньшинство, способное мани-

пулировать другими, и большинство, готовое к манипуляции. Школа, таким образом, превращалась в механизм производства классового общества, с которым и призвана была беспощадно бороться Французская революция.

Идеология Просвещения, подготовившая Французский великий социальный переворот, положила начало расщеплению единой аксиологической системы правосознания, «симфонии властей» традиционного общества. Атмосфера Просвещения взрастила и произвела на свет новое направление — конституционализм. Произошло нарушение дуальности мира. В понимание основного закона бытия впервые была заложена секулярная идея. Небезынтересным фактом является то, что создателями и авторами первых конституций (во Франции, США, Российской империи времен Александра I и др.) выступали лица, принадлежавшие к масонским ломам. Детально и скрупулезно изучивший этот вопрос В. Ю. Захаров зафиксировал буквально текстовое совпадение уставов масонских братств с первыми конституциями, особенно в части преамбулы(66).

Столь же очевидны подобные компоненты в «Декларации прав гражданина и человека» и первых Декларациях независимости. Так, «Декларация прав гражданина и человека» открывается к апелляции не к Христу, а к теологической фигуре совсем иного рода — Верховному существу. В тексте далее выявляется связь Верховного существа (т.е. Демиурга) с концепцией естественных прав человека. В соответствие с взглядами идеологов прав человека, Бог растворяется в природе и человек, будучи частью божественно-природной субстанции от рождения, изначально наделён естественными правами. Это был легитимированный базис идеологии прав человека(67).

Весьма иллюстративна в этом плане «Декларация независимости США». Права человека, согласно её положениям, устанавливаются по законам природы и её Творца. Все люди наделены Творцом неотчуждаемыми правами(68). В христианстве, как известно, нет ни слова о естественных и неотчуждаемых правах. В нем получила развитие противоположная мысль — о первородном грехе. Право и права даются не от

рождения, а согласно христианской традиции, на основании Божественного Завета.

Различия в понимании Бога, заложенные просветителями, привели к различиям в толковании того, что есть Человек. Главным в интерпретации Человека, утратившего сакральный смысл бытия, потерявшего и отменившего Бога, стали соотношения понятий свободы и личности, свободы личности. В либертарианском прочтении главным в понимании категории свободы является вопрос «от чего», что само собой предполагает научное, рациональное перечисление по реестру всех ограничителей свободы. В православной традиции понимание свободы абсолютно иное и отвечает, прежде всего, на вопрос «для чего». Православный человек находится в поисках морально-этического ориентира для того, чтобы воспользоваться Свободой, дарованной Господом. Просвещение и Французская революция усилили и катализировали параллельно идущие процессы: опустошение души и обожествление земной природы. Идея богоподобия уродливо трансформировалась в богоравность, достигла апогея в концепции человекобожия. Именно здесь получил новое развитие старый конфликт Византии и Запада. Теперь в Новое время он выразился в противостоянии «прометеевского» западного человека и «иоанновского» русского человека.

В. Шубарт отмечает, что в этих условиях христианская вечная идея преобразования мира, обожения человека извращается прометеевской культурой в убеждение о том, что «жизнь можно и нужно преобразовать исходя не из души, а из вещного мира»(69). В этой связи великий русский философ Соловьев скорбел о гибели христианской Европы, а Папа Лев XIII предупреждал о неизбежности наступления сатанобожия вслед за богоборчеством, человекобожием и безбожием. Римский понтифик резко отвергал и либерализм, и марксизм, справедливо считая их корнями одного дерева.

Как отмечает Н. А. Нарочницкая: «Либерализм, утративший потребность в поиске высокого, вытравивший высшие ценности... в пользу индивидуалистических, окончательно обнажил своё третьесословное либертарианство»(70). В XX – нач. XXI в. в геополитике явно доминирует англосаксонская

этика, выражающаяся в незатейливой формуле: «Всё, что не запрещено — дозволено». Демократический транзит, выдыхаясь и сопя, продолжает со скрипом двигаться вперед, пока ещё успешно спекулируя на христианских ценностях, будучи на самом деле, апостасийным явлением. Однако остановка уже не за горами. Уж больно прогнила телега...

Примечания

- (1) Маркс К. Соч., т.5., М.,1957 с.322
- (2) Февр Л. Бои за историю, М, 1991, с.213
- (3) Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма., М.,2006, с. 652.
- (4) Там же., с.146
- (5) Там же , с.45-46
- (6) Там же, с. 9-14
- (7) Там же.
- (8) Тенденции в странах Европы и Северной Америки: статистический ежегодник. ЕЭК ООН, 2003; М, 2004, с.153
- (9) Вебер М. Цит. соч.,с.50-51.
- (10) Там же., с. 48-49..
- (11) Там же., с.91.
- (12) Там же., с.200-201.
- (13) Маркс К.,Соч.,т.5.,М..1957 с.341
- (14) Зомбарт В. Современный капитализм, М.,1993,с.3-7
- (15) Февр Л. Цит.соч. с.204
- (16) Там же., с. 207
- (17) Там же, с. 209
- (18) Там же, с.212
- (19) Февр Л. Цит. соч. с. 215-216
- (20) Библия. Книги священного писания. Ветхого и Нового Завета, Брюссель, 1983, с. 92
- (21) Аттали Ж. Краткая история капитализма//Краткая история будущего, М, 2014, с.38
- (22) Цит. по Можейко М.А. Иудаизм, М, 1998
- (23) Ветхий завет. Исход, М, 2000, с. 314
- (24) Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм, М, 2009, с. 332-333
- (25) Цит. по Аверинцев С.С., Древнееврейская литература//История всемирной литературы, М, 1983, с. 276

- (26) Библия. Книги священного писания. Ветхий Завет, Исход, Брюссель, 1983, с. 96
- (27) Аттали Ж. Цит. соч., с. 39
- (28) Мнацаканян М.О. Место протестантской этики в концепции капитализма М. Вебера.// Соисис № 7, 1998, с. 40-41
- (29) Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека, М, 2001, с. 148
- (30) Зомбарт В., Цит. соч., с. 6-7
- (31) Там же, с. 202
- (32) Трубецкой Н.С. Европа и человечество, М.,2001,с.211
- (33) Bertalanffy Ludwig von. General system theory. N-Y, 1968, p.67.
- (34) Глобализация и справедливость. Под ред. Кирабаева Н.С., М, 2007, с.97
- (35) История средних веков под ред. Колесницкого Н.Ф. и др. М. 1964, с.445
- (36) Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Под ред. С.М.Сама, Саратов, 1984-1988, ч.1-2, с.113
- (37) Там же.
- (38) Подробнее см. Средневековая Европа.,М.,1994, с.112
- (39) Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Под ред. С.М.Сама, Саратов, 1984-1988, ч.1-2, с.204
- (40) Нижников С.А. Гуманизм и справедливость: история и современность//Глобализация и справедливость, М, 2007, с.100
- (41) Кузанский Н. Об ученом незнании., М., 1971., с. 311.
- (42) Кантор Г. Труды по теории множеств., М., 1985.,с.83.
- (43) Кара-Мурза С.Г. Цит.соч.,с.129.
- (44) Лейбниц Г.В. Сочинения, М.,1982-1989, т.3.,с.177.
- (45) Жид А. Избранные произведения, М.,1993.,с.231.
- (46) Маришен Ж. Статьи и письма, М.,1987.,с.13.
- (47) Кара-Мурза С.Г. Цит.соч., с.81
- (48) Цит.по Девятайкина Н.И. Петрарка как общественная личность перед лицом власти//Материалы международной конференции «Индивидуальное и коллективное в истории», Саратов,2001., с.133-134., см.также Норвич Дж. История Венецианской республики, М.,2007., с.213.
- (49) Гердер И. Г.. Идеи к философии истории человечества М.: Наука,: 1977, с.345.
- (50) Гегель Ф. Феноменология духа, М.,1965.,с.451
- (51) Джованни Пико делла Мирандола Речь о достоинстве человека// Платонополис,М.,2005., С.32
- (52) Цит. по Башкин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и мышления, М, 1978, С.241

- (53) Валла Лоренцо О наслаждении // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5-и тт. Т.1.— С. 486-497.
- (54) Цит. по Средневековая Европа... С.78
- (55) Нижников С.А. Цит. соч., с.105
- (56) История средних веков под ред. Н.Ф.Колесницкий и др., М, 1964, С.498
- (57) Цит. по Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, М, 1955, С.21
- (58) Нарочницкая Н.А. Цит.соч. с.343
- (59) Кант И.Сочинения в восьми томах., М.,1994., с.435
- (60) Фихте И. Сочинения в двух томах., Спб., 1993., с.112
- (61) Riccardi A. Intransigenza e modernita'. La Chiesa cattolica verso il terzo millennio. Roma, 1996, p.5
- (62) Le encicliche sociali dei Papi. Da Pio IX a Pio XII (1864-1946) Roma, 1946, p.3-13,737-749.
- (63) Берк Э..Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне// Антология мировой правовой мысли.М.,1999, т.3.,с. 176
- (64) Кара-Мурза С.Г., Цит.соч. с. 51
- (65) Фуко М. Археология знания М.,1996, с.213
- (66) Захаров В.Ю. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом //Электронный журнал «Знание. Понимание, Умение», № 6, 2008
- (67) Французская Республика: Конституция и законодательные акты, М, 1989, с.26-29
- (68) Конституция и законодательные акты буржуазных государств XII—XIX вв., М, 1957, с.521
- (69) Шубарт В., Европа и душа Востока М.,2000 с. 45
- (70) Нарочницкая Н.А. , Цит. соч. с. 348

Глава 3. Американский Адам. Пуританизм в США.

Развитие идей протестантизма в конце XIX – начале XX века приобретает свой завершённый вид в форме англосаксонского пуританизма, выдвигая на форпост своих идейных и геополитических притязаний США. В этой трансформации прослеживается не только эволюция протестантизма, но и изменения содержания понятия «Запад», которое сначала приобретает расширенное толкование, включая Европу и США, а позже трансформируется в США и Западную Европу.

США начинают использовать и продвигать идеи мондиализма либерального толка, а по окончании Второй мировой войны стремятся предложить миру альтернативный вариант всемирно-исторического развития, основанный на либеральном капитализме. Со временем адепты этой концепции в США уверовали, что выработанная и предложенная ими модель вовсе не альтернатива, а единственное, безальтернативное направление развития исторического процесса. Так в течение последнего столетия Западная Европа, обладавшая в период своего подъёма неоспоримой культурной мощью и героикой духа, перестала олицетворять Запад. По наблюдению Н. А. Нарочницкой, «Европа стремительно растворялась, капитулировала. И не только потому, что, совершив грехопадение фашизмом, уже не могла гордо претендовать на единственную историческую истину».(1) Западная Европа упустила инициативу, незаметно перешедшую к США.

В XX веке в аксиологии Запада стали доминировать типические свойства и этика англосаксонского мира: мессианство и провиденциализм. Именно англосаксонскому, прежде всего, американскому пуританизму свойственна идея особого пути и предназначения, вдохновленная ветхозаветным преданием. М. Вебер, рассуждая о мнимом и действительном

сходстве и родстве пуританизма с иудаизмом, характеризует англосаксонский пуританизм как квинтэссенцию протестантизма, считая Ветхий Завет вдохновителем идеологов Реформации. Отмечая склонность пуритан к религиозно-мессианскому освящению «методически рационализованного осуществления своего призвания», Вебер подчеркивает значительно большую уверенность пуританина в своей «избранности» в сравнении с богобоязненными иудеями.(2) Эта уверенность была воплощена и в практических делах первых переселенцев.

Следует напомнить, что на территории современных США проживало многочисленное коренное население американских индейцев – гуроны, ирокезы, могавки, чероки и др.

История колонизации Америки, становления будущих Соединенных Штатов – история постепенного вытеснения и жестокого истребления колонистами автохтонного населения континента. Значительный интерес к землям Нового Света, после прибывших сюда в 1492 году испанских каравелл Христофора Колумба, в начале XVII веке стала проявлять британская корона. Со временем английские поселения вытесняли испанские и захватывали новые территории. Истоки американской политической культуры, корни элиты, истеблишмента США в психологии пиратских колоний, появившихся на американском побережье в начале XVII века. Свобода этих людей заключалась в вольном грабеже, насилии и полной безнаказанности. Это было их естественным состоянием и основным занятием. Подавляющую часть белого населения первых британских колоний составлял преступный элемент, сознание которого было насквозь криминализированным. Новая Англия, как известно, заселялась пуританами, заложившими первые опорные камни в фундамент американской цивилизации. В сентябре 1620 г. из Плимута отбыл знаменитый «Мэй флауэр» с колонистами на борту, прибывшими в Америку 21 сентября 1620 г. Стоит отметить, что этих пуритан в отличие от упомянутых пиратов–корсаров, вела сюда не жажда наживы, а вера и глубокое убеждение в божественной предопределенности их прибытия в Новый свет. Джон Уинтроп, будущий губернатор Массачусетса уже в те дни заявил: «Мы

будем городом на холме, Новым Ханааном, и тогда взоры всех народов обратятся на нас, если мы недостойно распорядимся в нашем предприятии помощью, оказываемой нам Богом, он больше не будет покровительствовать нам, а мы станем притчей во языцех для всего мира».(3) Так была создана колония Вирджиния.

В 1681 году религиозная община квакеров под руководством Уильяма Пенна прибыла на новую землю, названную Пенсильвания. Колония стала обетованной землей для тех, кто испытывал в Европе притеснения в связи со своими протестантскими взглядами. К 1765 г. количество колонистов в Америки превышало два миллиона. В колониях в качестве основного инструмента коммуникаций выступали английский язык, английское право и английские традиции. Однако наряду с переселенцами из Англии в Америку прибыли шведы, финны, шотландцы, ирландцы, французы. Это формировало новый тип населения, контуры будущей американской нации, создающий свой собственный менталитет, язык, культуру и традиции. Ощущение новой, нарождающейся нации переданы Гектором де Кревкером в 1772 году, в его широко известных «Письмах американского фермера». Из его записок особый интерес представляет третье письмо, в котором впервые сформулирована концепция американца как «нового человека», исключительного, отличного от других европейцев. «Здесь такая пестрая смесь кровей.... Здесь представители всех национальностей превращаются в одну человеческую нацию.... Американцы – это западные пилигримы, которые принесли с Востока большую часть искусства, наук, промышленности: они завершают великий цикл. Американец – это новый человек, который действует согласно новым принципам; потому он должен поддерживать новые идеалы, новые формы, новые взгляды... – Это и есть Американец».(4)

Однако главным катализатором воссоединения всех колоний стал субъективный, внешний фактор – давление с континента, вылившееся в столкновение с метрополией, первый этап Американской революции и борьбы за независимость. Как это не раз случалось в истории, именно жесткое внешнее давление привело Соединенные Штаты к единству. 2 июля 1776 г. 13 ко-

лоний провозгласили свою независимость от Англии, а 4 июля 1776 г. эта независимость была обоснована и зарегистрирована в уже упоминаемом нами документе «Декларации независимости». Основной текст был практически полностью написан Томасом Джефферсоном и базировался на теоретическом наследии европейского Просвещения. В преамбуле главный акцент делается на неотъемлемых правах человека, на стремлении человека к земному счастью, на равенстве всех по факту своего рождения. В документе нашли своё отражение и практическое воплощение идей Локка, Монтескье и др. Концепция равенства стала краеугольным камнем, ферментом американского общества. Любопытной деталью является тот факт, что при формулировании «неотъемлемых прав человека» Джефферсон существенно изменил формулу Локка о праве человека «на жизнь, свободу и собственность», заменив «собственность» на «стремление к счастью». В условиях Америки, по мнению В. П. Шестакова, «население которой составляли иммигранты, прибывшие в Новый свет в поисках «обетованной земли», «рая на Земле», принцип «стремления к счастью» более всего соответствовал социальным надеждам и уровню политического сознания американцев. Фактически «стремление к счастью» было одной из первых законодательных модификаций «Американской мечты»; его неопределенность и широта полностью соответствовали широте и плюралистичности «Американской мечты».(5)

Трактовка Джефферсоном «стремления к счастью» носила абсолютно протестантский характер, базирующийся на избранности, предназначенных к счастью, на атомизации общества и на сугубом индивидуализме и прагматизме капиталистического духа. Ведь понятно, что достижение счастья напрямую сопряжено с наличием у человека известных добродетелей. И если человек в этом не преуспевает, то винить он может исключительно себя. М. Адлер подчеркивает, «что никакое общество или учрежденная ими власть не может наделить его моральными качествами и сделать из него нравственного человека. А следовательно, поскольку счастье зависит от внутренних качеств человека, ни общество, ни правительство не может обеспечить его обретение или достижение».(6) По сути дела, «стремление к счастью» явилось

оборотной стороной «страха Лютера», снимало с государства коллективную ответственность за каждого его члена и оставляло каждого наедине со строгим, бескомпромиссным и суровым протестантским Богом. Ловушка Джефферсона сводилась к тому, что принцип «стремление к счастью», не гарантируется никакой законодательной базой, фактически правом не являются. Но этот принцип оказался эффективным инструментом в качестве катализатора социальных надежд и утопических исканий всех социальных слоёв будущего американского общества и получил своё воплощение в концепции «Американской мечты».

США ещё в период первых переселенцев с «Мэй Флауэр» замыслились и строились как Земля обетованная, данная Богом как идеальная модель для воплощения апостасийных идей, гонимых и запрещенных в Европе, охранявшей национальный суверенитет и консервативные ценности. Во многом концепция «Американской мечты» базировалась на идеях мессианского провиденциализма. Понятие «американская мечта» выполняет в США роль основного идеологического скрепа, выступает в качестве эквивалента национальной идеи, государственной идеологии. Не стоит всерьёз принимать заявление ряда американских представителей элиты о том, что, дескать, США абсолютно деидеологизированное государство, живущее без официально провозглашенной идеологии. По мнению А. де Токвиля, **трудно отыскать более идеологизированное общество, чем то, что сложилось в Америке**. (7) Именно «американская мечта» сформировала США как геополитический центр и законодателя ценностей будущего глобального мира. У. Сэфайр даёт следующее определение этому иррациональному и во многом неуловимому понятию: «Американская мечта — идеал свободы или возможностей, который был сформулирован «отцами — основателями», духовная мощь нации. Если американская система — это скелет американской политики, то Американская мечта — её душа». (8) Единства в подходах о том, что же составляет суть «Американской мечты», в общем-то, нет. Иногда это определение равнозначно американскому образу жизни. Однако можно четко выделить и проанализировать её составляющие,

что и будет предпринято несколько позже в рамках рассматриваемой темы.

Генеалогия понятия «Американская мечта» пока ещё весьма слабо прояснена. Сам термин «мечта» принадлежит ещё отцам— пилигримам. Позже понятие «мечта» постоянно фигурирует в рассуждениях о будущем Америки. Именно в этой мечте, по мнению американцев, заключена истина. **Отсюда рождается присущая американской нации особенность — монополия на истину, на знание о том, как надо жить самим и остальному человечеству.**

Широкая социальная база под основание теоретического здания «Американской мечты» была подведена значительно позже в 1931 г. в фундаментальном исследовании «Американский эпос» Джеймса Траслоу Адамса. Весьма занимательна история, связанная с изданием этой книги. Д. Т. Адамс изначально хотел назвать свою книгу «Американская мечта», что полностью отражало её суть и содержание. Однако издатель наотрез отказался от этого названия, заявив, что ни один иммигрант не отдаст три с половиной доллара за «какую-то мечту».(9) Как видим, издатель сильно заблуждался. Начиная с Адамса, термин «Американская мечта» прочно вошел как в политический лексикон, так и в художественную литературу. Адамс отмечает: «Эта мечта — выдающийся вклад, который американцы внесли в создание и благосостояние мира ... Американская мечта распространялась от фронта к фронту, пока не стала частью общей структуры американского мышления»... В целом, мечта, по мнению Адамса, тождественна идеологии американизма, т.е. тому, что отличает американцев от европейцев, тому, что делает их исключительными. Он продолжает: «Если американизм был мечтой, то он был в то же время величайшей реальностью. Он был такой же движущей силой, как пшеница и золото. Алтарь американизма находится в сердце каждого простого человека. Он сражался за упрочение американской мечты, и именно это делало его великой фигурой американской драмы».(10) Исследование Адамса представляет немалый интерес, так как проясняет тот факт, что «Американская мечта» тесно переплетена и связана с понятием «американская

демократия». Не вызывает удивление в связи с этим обстоятельством то, что Джефферсона и Линкольна Адамс именует не иначе как «апостолами американской мечты».

Тема «американской мечты» обязательная часть инаугурационных речей американских президентов. В новейшей истории к этой теме постоянно и настойчиво апеллировали Л. Джонсон, Дж. Картер, Р. Рейган, Буши — старший и младший, Б. Обама. Таким образом, укоренённость американской мечты в менталитете американцев столь велика, что почти всем президентам приходится обещать своим избирателям воплощение этой абстракции в действительность. Настала пора обратиться к рассмотрению её составляющих.

Мессианство. Представление об «американском Адаме».

Пуритане, прибывшие в Америку из Европы, были уверены, что осуществляют божественное предначертание, создают «Град на холме», «Новый Ханаан». Их социальная практика стала воплощением утопических социальных проектов, прежде всего, религиозного характера. В силу этого многие представления черпались ими из ветхозаветной эсхатологии. Именно в этом корни представления об Америке как о «райском Саде», а о самих американцах как о «новом Адаме». **Иллюзорное представление о «новом Адаме» служило обоснованием радикального отказа от прошлого, способствовало разрыву традиционных представлений континентальных европейцев и новых американцев.** Но ведь поселенцы несли на себе груз многовековых европейских традиций как в сфере культуры, так и этики. Поэтому концепция «нового Адама» на том этапе носила весьма утопический характер, зато сполна проявилась в веке XX, обосновывая исключительность нового индивидуализма. Очевидно, что американская идеология базировалась как на передовых идеях французских просветителей, так и на традиционных образах библейской мифологии. В этих условиях любая, даже наиболее авангардная революционная идеология неизбежно приобретает религиозно-мифологическую окраску.

Пуританизм сформировал американский характер. Концепция «нового Адама» также напрямую связана с пуританской традицией. Как известно из библейской традиции, Адам – первый человек, до которого на Земле никого не было. В этом контексте генезис и развитие США интерпретировались как рождение абсолютно нового мира, не имеющего истории. По замечанию Генри Комманджера, неудивительно в этой связи, что «американец имеет слабое чувство прошлого, но обостренное видение будущего». (11) В образе Адама выступал сам Богом избранный народ, одним словом, некий американский Адам, наделенный всеми теми добродетелями, что и библейский праотец. (12) **Продолжением образа «американского Адама» логично выступала религиозно-мистическая концепция провиденциализма, особой роли уготованной Создателем для США в мире. Эти идеи и по сей день живут и популяризируются в сознании американцев.**

Послание США к миру предельно насыщено мессианским пафосом. Мессианизм *Rex America* преподносится как благородная миссия либеральной американской демократии, как аксиологический проект, значимый для всего мира. Мессианизм США имеет устойчивую историческую традицию и основан на преемственности, начиная с эсхатологических чаяний конгресса конгрегационалистов «Мэй Флауэр» до мессианской рефлексии новейшей истории. Весьма симптоматично в духе апологетов американского мессианства высказался в 1982 году президент Р. Рейган: «Я всегда считал, что это благословенная земля была необыкновенным образом отделена от других, что божий промысел поместил этот великий континент между океанами для того, чтобы его обнаружили люди со всех концов земли, наделенные особой любовью к вере и Свободе». (13) Добавить здесь нечего.

Провиденциализм.

Н.Я. Данилевский прозорливо оценил значение эмиграции английских пуритан в США и указал на «особо счастливое для Англии обстоятельство, заключающееся в том, что «самая радикальная часть её народонаселения в лице пуритан заблаго-

рассудила удалиться за океан для скорейшего осуществления своих идеалов. Это отвлечение демократических элементов надолго обезопасило Англию.(14)

Сторонники О. Кромвеля, провозгласив лозунг «Меч и Библия», полагали, что своими жестокими и кровавыми деяниями они исполняют ветхозаветные пророчества, а возвращение евреев в Англию было первым этапом на пути к обещанному «тысячелетию», где в хилиастическом раю на Земле будут проживать избранные и предназначенные к Спасению. Кромвелю давали рекомендации создать Госсовет, взяв за образец Синедрион из 70 членов. Однако протекторат Кромвеля внезапно закончился, произошла реставрация монархии, а пассионарные пуритане отправились в Америку в поисках кальвинистского рая, обещавшего стать примером первого разрыва преемственности всемирно-исторического процесса, «Новым светом» людей мира, а не нации.

Рождение Соединенных Штатов как государства, изначально базировалось на эсхатологическом проекте, опирающемся на реформационную идеологию протестантизма и идеи, заложенные в фундамент европейского Возрождения и Просвещения. В основе американской эсхатологии лежит концепт о переустройстве мироздания (переделке, перестройке) по заранее продуманному до мелочей плану. Эта идея подкреплялась в протестантизме знакомым образом «построения Храма», который является, как известно, неизменным атрибутом философии масонства. Возможно, кальвинистские идеи, близкие по своему содержанию к альбигойским ересям, манихейству, имеют с масонством одно и то же древнее происхождение.

Нами уже отмечалось, что философия, основанная на разделении человечества на избранных, т.е. предназначенных к спасению, и на всех остальных, т.е. отринутых ещё до сотворения мира, — абсолютно неприемлема ни для православия, ни для католицизма. Мир в исконно христианском представлении понимается как всеединство посредством Троицы. Разделение мира по дуалистическому принципу на хорошее и дурное, черное и белое, на добро и зло, противостоящих и синтезирующихся друг с другом, позво-

ляет злу становиться сущностью, дает ему право на существование, видит в нем способность к акту творения. Такой подход неизбежно ведет к мысли об этическом неравенстве людей, разделяет их на «золотой миллиард» и ненужных, ресурсных отбросов, которых необходимо либо привести в лоно цивилизации, либо уничтожить. Есть цели (они определены самим эсхатологическим проектом) и средства (т.е. другие нации, народы). Это приводит к пренебрежению и безжалостности, с которыми англосаксонский кальвинизм относился и относится к другим нациям. Цивилизаторское кредо англосаксов с поистине аристократическим изяществом было сформулировано Р. Кипплингом в его философии «бремени и долга белого человека». Весьма ярко кальвинистская самоуверенность в своей миссии роли орудия Бога изложена капитаном Сесилом Родсом (по имени которого, как известно, названо африканское государство Родезия): **«Я считаю, что мы первая раса на Земле, и чем шире населим мир, тем лучше будет для человечества. Если есть Бог, то я думаю, он только радуется тому, что я стараюсь окрасить как можно больше частей карты Африки в цвет Британской империи».**(15)

Пуритане никогда не занимались на колонизируемых землях миссионерской деятельностью, в отличие от католиков. В этой связи любопытны наблюдения крупного ученого востоковеда и африканиста, академика Хазанова А.М., посвятившего не одно десятилетие изучению феномена португальского колониализма. По его мнению, успешность колониальных проектов и обширность завоеваний протестантских Англии и Голландии и плачевная участь колониальных империй Португалии и Испании напрямую связаны с религиозным фактором. Католики насаждали «истинную веру» огнем и мечом, вызывая протест и ненависть местного населения, что, в конечном счете, привело их колониальную деятельность к полному фиаско. Пуритане не занимались подобной деятельностью, вроде бы, уважая местные традиции и религиозные культы. По этой причине Британская колониальная империя и Голландская Индонезия просуществовали несколько столетий до середины XX века.

С этой гипотезой известного ученого трудно не согласиться. Однако правомерно задать вопрос: «А что лежало и лежит в основе этой видимой протестантской толерантности?» Ответ, как мне видится, весьма не утешителен. Католики полагали, что они должны привести заблудших людей к истинной вере, заставить их отречься от идолов, избавиться от ереси. Пуритане же другие нации (индейцев, черных африканцев и др.) за людей не считали. А следовательно, во имя чего метать бисер горстями перед свиньями, не предназначенными к Спасению. Белые африканеры, вдохновившие и создавшие режим апартеида в Южной Африке, это кальвинисты: английские пуритане, голландские и французские гугеноты. Протестанты в Америке столь же безжалостно истребили коренное индейское население, не входившее в категорию и число избранных.

Американская эсхатология, как отмечают В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшин, это не просто популярный в богемных кругах концепт. Речь идет о государственной идеологии.(16) Эсхатологические мотивы неизменно присутствуют в выступлениях американских президентов. Дж. Адамс признавался: «Я всегда с благоговением рассматриваю образование Америки как открытие поля деятельности и замысла провидения для просвещения невежественных и освобождения поработенной части человечества повсюду на земле».(17) Как видим, государственная идеология США была и поныне остаётся не менее мессиански ориентированной, чем марксизм-ленинизм в СССР. Здесь нашим западным партнерам не стоит лицемерить. Против истины можно грешить, но против фактов труднее.

Идея богоизбранности американцев, если хотите, исключительности, которая была блестяще подвергнута критике президентом В. В. Путиным, выступает лейтмотивом церковных проповедей в США. Священнослужитель в США де-факто обслуживает идеологическую государственную машину.

Традиции основания американского мессианизма были заложены в XVIII в. кальвинистским богословом Джонатаном Эдвардсом. Именно он первым связал воплощение божественного замысла с особой эсхатологической миссией Аме-

рики. Он стал отцом-основателем общественного движения «Великое пробуждение», учредил Принстонский университет, Дартмутский колледж, ставшие позднее символом американского высшего образования.(18) Дж. Эдвардс неоднократно в своих трактатах подчеркивал переход статуса богоизбранного народа в современных условиях от евреев к американцам. Он рассматривал «Новую Англию тем местом, где, как сказано в Апокалипсисе, «господь сотворил новое небо и новую землю». Американские колонисты провозглашались им как особое «воинство Иисуса».(19)

Ректор Гарвардского университета И. Мэзер, бывший современником Эдвардса, был абсолютно уверен и считал аксиомой мысль о том, что «Иисус Христос особенно расположен к этому месту и к этому народу».(20) **Жителям США уже на протяжении трёх столетий внушается мысль о том, что длительное сокрытие Богом Америки объясняется предназначенной ей миссией, стать новым «Ноевым ковчегом».**(21) Пуритане лелеяли мечту о разрушении традиционного мира, с его ценностями и типом хозяйственной деятельности. Без помех эти замыслы можно было осуществить только в Америке, земле обетованной. Их избранность в том, что они становятся орудием Бога. Их избранность подтверждается, прежде всего, их успехами в мирской деятельности.

Н.А. Нарочницкая справедливо задается вопросом, рассуждая о прозелитизме пуритан: «Разве не эти идеи близки тем, кто отверг Спасителя?» Ведь они не ищут царства Божия, а строят мирской храм, царство земное, людское, где всегда есть и будет шанс возвести себя на трон, стать Владыкою мира».(22) Преемственность философии иудаизма и Реформации во многом объясняет силу еврейского лобби в американской политике и традиционную израильскую внешнеполитическую ориентацию на Ближнем Востоке. И в самом деле, почему бы «богоизбранным», что мнят себя материальной частью Бога (Талмуд) не объединиться с «богоизбранными», что считают себя «орудием Бога?»

Философия пуританизма стала фактическим отступлением от Заповедей Блаженств, т.е. самой сути христианства, выбором в пользу власти и хлеба на Горе искушения (23),

привела к современной философии глобализации, мясному рабству и бездуховности западного человека. М. Вебер, этот выбор прекрасно осознал, отмечая несовместимость ценностного кодекса Нагорной проповеди с мирской деятельностью.(24) Большинство его работ пронизаны нескрываемым скепсисом ко многим положениям христианского учения.

Протестантская этика капитализма, действительно требовала предельной либерализации социальных отношений. С присущей США мессианской самоуверенностью выстраивалась концепция исторической неизбежности победы либерального проекта во всемирном масштабе и торжестве англосаксонской модели сначала в Европе, а затем во всем мире. Постепенно Западная Европа, пытавшаяся ухватиться за традиционные ценности, капитулировала перед американским протестантским проектом. Сдалась без боя. Исторический парадокс или скорее закономерность прослеживаются в том, что Европа, породившая Ренессанс, Реформацию, Просвещение, от плодов своих и сходит на нет, гибнет на наших глазах. Растворившиеся в пучине глобализации ценности делают европейцев всё более неразборчивыми в выборе целей и средств в их осуществлении. Политическую волю современной Европе навязывают не только США, но и арабские монархии Персидского залива, продвигающие ваххабитскую теорию и практику. Единожды предав...

Западноевропейская этика, основанная на католицизме, потерпела сокрушительное поражение от этики либерального капитализма. Ведь католичество не могло, да и не хотело, выступать в роли апологета ростовщического духа и неизбежного культа человека как меры всех вещей, не вступая в прямое противоречие с канонами о природной греховности, об идеале аскетического образа жизни. «Выбрав путь к царству человеческому, Европа должна была уступить роль лидера тому, кто эту философию воплощал в чистом виде, без помех в реальном хозяйстве и государственных формах. Американские пуритане последовательно, с мессианской убежденностью, строили с фундамента Рай на земле и своё владычество над миром».(25)

Концепт богоизбранности американцев транслировала не только церковь. Секулярные институты и сферы жизнедеятельности эта идея также плотно обволакивала. Гарриет Бичер-Стоу — автор хрестоматийного в советские годы и включенного в школьную программу по зарубежной литературе, романа «Хижина дяди Тома» писала: «Божья благодать в отношении Новой Англии это превращение славного будущего Соединенных Штатов, призванных нести свет свободы и религии по всей земле и вплоть до великого Судного дня, когда кончится война, и весь мир, освобожденный от гнета зла, найдет радость в свете Господа».(26) Прямые коннотации евреев и американцев в их богоизбранной миссии проводит писатель и общественный деятель Герман Мелвилл: **«Мы — американцы — особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени, мы несем ковчег свобод миру.... Бог предупредил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих думах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришёл политический мессия. Но он пришел в нас».**(27)

Мы столь подробно останавливается на рассмотрении концепта о богоизбранности американцев не только с тем, чтобы показать лютеранско-кальвинистский фундамент идеологии либерализма и современного неолиберализма, но и с тем, чтобы прийти к более основательному теоретическому обобщению. А именно: **тезис о богоизбранности США открывает для США столбовую дорожку к легитимации американского глобализма, имперского экспансионизма.** Первым вербализировал идею американского господства протестантский проповедник Джошуа Стронг: «Ныне, впервые в истории человечества эти три великие линии развития (евреи, греки, римляне) проходят сквозь пальцы одной преобладающей расы для того, чтобы образовать, переплетаясь между собой единую наивысшую цивилизацию новой эры, совершенство которой будет означать, что это и есть вполне царство божие. Всё объединится в единой англосаксонской расе, показывая, что это раса в исключительной степени соответствует намеченному и потому избрана богом для подготовки полного торжества его царства

на земле». (28) В этой новой геополитике были заложены принципиальные отличия новой империи от империй прошлого. Новация заключалась в том, что **народы периферии, не подчинившиеся англосаксонскому центру, уничтожались, исчезали, вычеркивались с географической карты грядущего царства либеральной демократии.**

Философия *Rax Americana* обрела свои основные черты в 90-е годы XIX века. Стартапом геополитического проекта стала речь «Марш флага», произнесённая в 1898 г. в Сенате США, сенатором Дж. Бевериджем. Да простит меня читатель за пространную цитату, однако не могу отказать себе «в удовольствии» привести её практически целиком, столь она иллюстративна. Речь Бевериджа даже снискала себе сомнительные лавры американского «Майн Кампфа».

Итак, слово Бевериджу: «Соотечественники! Бог одарил нас прекрасной землёй; землёй, которая может накормить и одеть мир; землёй, чья береговая линия могла бы охватить половину стран Европы; землёй, стоящей, подобно часовому, между двумя величественными океанами земного шара; более великой Англией с более благородной судьбой. Он поселил на этой земле могущественный народ — народ, возникший из самого решительного в истории человеческого рода; народ, постоянно пополняющийся зрелыми, мужественными, работающими людьми со всего мира; народ высшей категории в силу своего могущества, по праву созданных им институтов, властью продиктованной им свыше — пропагандистов, а не попрошайек истории. Бог даровал своему избранному народу славную историю, тон которой задал Коллокол Свободы, историю героическую, исполненную веры в нашу миссию и в наше будущее: историю государственных мужей, распространивших границы нашей Республики на неизведанные земли и дикие территории; историю солдат, пронесших знамя через пылающие пустыни и гряды враждебных гор к вратам заходящего солнца; историю постоянно умножающегося народа, за полвека прошедшего сквозь весь континент; историю пророков, предвидевших последствия зол, унаследованных от прошлого, и мучеников, умерших во имя спасения от этих зол; историю божественно логичную,

в процессе творения которой мы сегодня участвуем. Таким образом, в текущий кампании возник вопрос, являющийся больше чем партийным вопросом. Возник американский вопрос. Возник вопрос всемирного масштаба. Должен ли американский народ продолжать свой непреодолимый марш к полному господству над миром? Должны ли свободные институты расширять своё благословенное царствование, по мере того как дети свободы обретают силу, пока система наших принципов не овладеет сердцами всего человечества? Разве нет у нас миссии, которую следует выполнять, разве нет долга перед нашими собратьями, который следует исполнить? Разве Бог наделил нас дарами за пределами наших пустынь и отметил нас как народ, пользующийся Его особым благоволением, лишь для того, чтобы мы загнивали в нашем собственном эгоизме, как поступают люди и государства, избравшие трусость своим уделом, а себя – в качестве божеств, как поступают Китай, Индия и Египет?»

Концепция фронта Ф.Д. Тернера.

В 1893 г. историк Фредерик Джексон Тернер опубликовал очерк «Значение фронта в американской истории». В своём труде он выдвинул гипотезу, сводящуюся к тому, что суть становления Америки заключалась в движении на Запад, в освоении новых, свободных земель. В этом векторе развития, в соответствии с взглядами Тернера, американцы были вынуждены отказаться от наследия европейских традиций и создать совершенно новую цивилизацию. Он пишет: «Фронт абсолютно свободен от влияния европейского наследия. Человек Запада поворачивается спиной к Атлантике и с несокрушимой энергией и самоотдачей начинает строить новое общество, свободное от архаичных форм».(29)

«Новый Адам», архетип американца, по мнению Тернера, это образ пионера, жившего на фронте, т.е. на границе цивилизации и дикости. Освоение новых земель формировало особый тип личности, покоряющей дикость и несущей свет цивилизации. Современный демократический транзит,

осуществляемый США, по сути дела, зиждется на концепции фронта, разделяющего цивилизацию США и весь остальной мир, нуждающийся в демократизации, в движении линии фронта, т.е. быстрой и эффективной американизации. Основными чертами «Нового Адама» Тернер считал индивидуализм, свободное предпринимательство. Фронт он преподносит как средство формирования нового человека, порвавшего с оковами прошлого. Он пишет: «Американская демократия родилась не из мечты теоретиков..., она вышла из американского леса и приобретала силу всякий раз, когда касалась новых границ».(30) Концепции Тернера американцы должны быть обязаны введению в научный и политический оборот идеи изоляционизма, обоснованию утверждению о том, что американская цивилизация исключительна и не имеет никаких корней в Европе.

Идея фронта, несмотря на популярность в американском обществе, обладает серьёзными методологическими изъянами, абсолютизируя особый исключительный американский путь развития, отсекая естественные традиции европейского Просвещения и Реформации, теоретические основы которых цементируют фундамент американизма. При этом Тернер позволил себе ряд весьма серьёзных фактологических неточностей, «позабыв» о том, что земли Запада не были свободными, а плотно населёнными аборигенами, а «освоение» земель, по сути дела, представляло собой жестокий геноцид местного населения.

Протестантизм и протестантская этика стали нравственным кодом в Америке от первых переселенцев до жителей одноэтажной Америки, символом чистоты, бережливости, трезвости. Однако под влиянием, как внутренней своей природы, так и внешних факторов эволюция протестантизма в США привела к его полному перерождению в откровенный коммерциализм. Религия протестантизма в США со временем избавилась от утопической шелухи, становясь оправданием буржуазного накопительства и потребления. В XIX веке в Штатах стала весьма популярно следующее утверждение: «Пусть погибнут наши тела, но мы накопим деньги, чтобы спасти наши души».(31)

Морализм. Сознательное бегство от ответственности.

Система аксиологии западного проекта, как уже отмечалось, напрямую связана со специфическими моральными ценностями пуританизма. Со времен Лютера и Кальвина протестантизм был нацелен на решение конкретных практических задач обеспечения жизнедеятельности человека, отринув духовные искания и сомнения, как нечто малозначительное, отвлекающее от главного — стремления стать избранным через материальный успех. В США это стремление было абсолютизировано. Как замечает Даниэль Бурстин, американские протестанты «в меньшей степени проявляли интерес к теологии самой по себе, чем приложением теологии к повседневности. Начиная с XVII века, их интерес к теологии носил практический характер».(32) В этой связи не вызывает удивления адаптация морали в США под практические нужды и цели. Менталитету американцев присущ моральный дуализм, выражающийся в сочетании экстремизма в морали и прагматизма в ведении дел. В США со времен отцов—основателей до сегодняшних дней никогда не находилось место морали, этическому своду законов. Скорее следует отметить присущее американцам качество в образе морализма. Морализм довольно сильно отличается от понятий индивидуальной нравственности и социальной морали. Морализм — это протестантская абсолютизация морали, возвышение морали над действительностью. Это комплекс поведенческих норм и мотиваций, далеких от реальности, игнорирующих реальное соотношение вещей, базирующихся на абстрактных принципах. Морализм зачастую переносится в США и в сферу внешней политики. Ярким олицетворением морализма стало и внешнеполитическое кредо администрации Б. Обамы, далеко отстоящее от прагматизма. Характеризуя феномен морализма, американский исследователь Э. Лефевр констатирует: «Морализм — это подделка под мораль, это партикуляристская этика. Нередко морализм выражается в самодовольной риторике (речь Б. Обамы в Вест-Поинте — С.В.) или в манипулятивных символах, имеющих целью оправдывать, осуждать. Морализм фокусирует внимание в большей мере на частные интересы, на

чувство, а не на разум. На нечто сиюминутное, которое достигается ценой утраты будущего. Мораль — это синоним ответственности, а морализм сознательное бегство от неё».(33)

Современной жизни в США присущ моральный реваивализм, связанный с новым подъёмом духа протестантизма. Протестантизм не умер, а сменил одежды. Конец XX — начало XXI века вновь возрождает морализм протестантизма. Градус морализма в политике и общественном сознании резко повышается в связи с приходом к власти в США неоконсерваторов. П. Стайнфелс в своём получившем широкую известность труде «Неоконсерваторы» так характеризует феномен политического морализма: «Если величайшей добродетелью Америки были компромиссы и прагматическая приспособляемость, то величайшим пороком был морализм. Морализм является типично американским перелицовыванием протестантизма, продуктом евангелического фронта... Во-первых, морализм был нацелен на реформирование личности. Привнесенный в политику, он не разоблачал свои пороки, а искал виновных. Во-вторых, морализм разрушал границу между личным и общественным, между законом и моралью, которую либерализм устанавливает в надежде уменьшить конфликт между фундаментальными ценностями... И в третьих, морализм был нетерпим к неопределенности и уступкам. Он оценивает реальность в понятиях добра и зла (типично манихейский подход — С.В.). Суждения иные, чем черно-белые не принимаются в расчет».(34) Таким образом, парадигма американской внешней политики во многом построена на антиномии морализма и прагматизма.

«Плавильный котёл».

Принципиальное отличие историософии американской идеологии заключается в том, что исторический процесс, история человечества воспринимаются не как гармоничное прошлое, создающее почву настоящему, не в связи друг с другом, а в разрыве. История США это постоянное преодоление прошлого настоящим. Это победа Нового Просвещенного времени над Старым светом, погрязшим в предрассудках традицион-

ности. Законы прошлого тем самым объявлялись вне закона, делегитимировались. Образование США подрывало прежний ход мировой истории. По замечанию Кукарцевой М.А., «модели истории как вечному возвращению противопоставлялась в США схема антагонизма прошлого и будущего».(35)

Создание США рассматривалось отцами-основателями и первым президентом Дж. Вашингтоном как «эксперимент, доверенный рукам американского народа».(36) В государстве, которое изначально замышлялось как межнациональный коктейль, где не было ни эллина, ни кельта, ни латиняна, ни черного, ни жёлтого, вполне закономерным механизмом этнической интеграции стала модель «плавильного котла». Образ «плавильного котла» стал одним из базовых элементов в конструкции «Американской мечты». С его помощью утверждалась идея об исключительности Америки. Подчеркивалось, что только в США личный успех не зависит от этнической или религиозной принадлежности. Продвигалась идея о том, что главный фактор успешности в обществе достижения – это американская гражданская идентичность. Следует отметить, что любая мечта всегда мифологична. Хрестоматийно хорошо известна развернувшаяся в США борьба против расовой сегрегации и реакция властей на эти действия, когда даже культовые герои Америки, олицетворение «Американской мечты» подвергались жесточайшему прессингу и давлению в связи с тем, что они позволяли себе лишь поднять голос в защиту чернокожих американцев. В 1969 году в СМИ США развернулась компания травли в отношении «иконы стиля», короля рок-н-ролла и звезды Голливуда Элвиса Пресли только лишь в связи с тем обстоятельством, что он допустил непозволительную «вольность» выступать с чернокожей вокальной группой и записать единственную политизированную песню «В гетто», направленную против расовой сегрегации, которую довольно долго все радиостанции Америки, как сговорившись, не давали в эфир. И сегодня в США политическая и экономическая элита представлена в основном англо-американцами. Цветные по-прежнему занимают низшие ступени социальной иерархии. Важно также отметить, что концепция «плавильного котла» направлена не столько на стирание националь-

ных идентичностей, прибывших и прибывающих в Америку, сколько на синергетический эффект умножения потенциалов их ценностей. Это самый пропагандируемый концепт «Американской мечты» на протяжении столетий. «Американская мечта» неизбежно выводила на мысль об особой исключительной миссии Америки, идеологически оформляла и дополняла идею о праве США на доминирование в мировом масштабе. Англосаксонская модель со всей очевидностью захватывает пальму первенства в проектах послевоенного устройства после Первой мировой войны.

В ходе самой войны и подготовки будущей Версальско-Вашингтонской системы США и стоящие за ними финансовые элиты сумели подменить цели и задачи войны и построения послевоенного мира. Как отмечает Нарочницкая Н.А.: «Были явлены до этого скрытые устремления к подчинению суверенных государств силами, происхождение которых определить нелегко. Эти силы вездесущи, и им стали нужны не мировые войны, а глобальные механизмы управления».(37) Первая мировая война придала США ведущий статус, в то время европейский. Вторая мировая война позволила США претендовать на глобальную роль, олицетворяя Запад в противоборстве с советским коммунизмом, точнее с отторжением России как исторического явления, выводе ее из цивилизованного сообщества. Запад искал, конструировал и создавал образ врага в «холодной войне». «Рабство византийщины» было соединено с угрозой, исходящей от тоталитарного монстра.

В XX веке мессианство США было поставлено на службу ТНК, основной удар которых в сфере пропаганды приходится, прежде всего, на христианские ценности. Особенно стабильно фокус наводился на продвижение антиправославной риторики. В самих США «либеральное христианство» пропагандирует создание всемирной религии и экуменистических учений. И это понятно. Новый мировой порядок нуждается и в новой церкви, и в новой идеологии. Причем в одной.

«Американская мечта», пуританский рай на земле уже не одно столетие являются составляющими американского цивилизационного феномена, агрессивно вторгаются и разрушают

этику и культуру Западной Европы и России, Азии и Африки, Латинской Америки. Мало, кто способен противостоять искушению потребительством и гедонизмом, не проявляя при этом хотя бы толики протестантской этики капитализма. Американцы продвигают миф, не объясняя (да и зачем), во имя чего стоит его завоевать и пользоваться его плодами. Конец XX – 1-е десятилетие XXI века доказывает, как легко человечество отдаётся мифам, ибо людям, как говаривал Фрейд, не нужна правда, им нужны иллюзии. А уж их – то неолиберализм в состоянии поставить сполна.

Примечания

- (1) Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире, М, 2011, С. 353
- (2) Вебер М. Избранные сочинения, М.,1993, с. 211
- (3) Цит по Паррингтон В.Л. Основные течения американские мысли, М, 1997, т. 1 , с. 423
- (4) Crevecoeur Hector dc. What is an American//The Character of Americans, N-Y, 1970, p. 43
- (5) Шестаков В.П. США: псевдокультура или завтрашний день Европы? М, 2012, с. 8
- (6) Шестаков В.П Цит. соч.,с. 8
- (7) Токвиль А. Демократия в Америке, М.,1992, с. 110
- (8) Safair W. Political dictionary, N-Y, 1978, p. 18
- (9) Шестаков В.А. Цит. соч. с. 46
- (10) Adams J. The Epic of America, N-Y, 1931, p. 119-174
- (11) США: политическая мысль и история, М, 1976, с. 67
- (12) Цит. по Шестаков Цит. соч., с. 112
- (13) Цит. по Лапицкой М.И. Американская мечта//национальная идея: история, идеология, миф, М., 2004, С. 48
- (14) Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М.,2004, с. 342
- (15) Давидсон А.Б., Сесиль Родс и его время , М., 1984, с. 122
- (16) Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С., Цит. соч, С. 263
- (17) Цит. по: Шлезингер А.М. Циклы американской истории, М, 1992, С. 30
- (18) Эдвардс Джонатан .Религиозные чувства,Харьков,1993, с. 21
- (19) Подробнее см. Ganstad T.S. Thhe Great amakening in New England'NY, 1957
- (20) Там же, С. 29

- (21) Гаджиев К.С. США: протестантизм-религия американского образа жизни//Очерки истории западного протестантизма, М, 1995, С. 107
- (22) Нарочницкая Н.Е. Цит. соч., С. 358
- (23) Там же, С. 361
- (24) Вебер М. Избранные сочинения ...
- (25) Нарочницкая Н.Е., Цит. соч., С. 362
- (26) Шлезингер А.М. Цит. соч, С.3 0-31
- (27) Там же , С. 31
- (28) Там же, С. 32
- (29) The West and American Ideal, N-Y, 1931, p. 293
- (30) Ibid, p. 114
- (31) См. подробнее Шестаков В.П. Цит. соч., с. 54-55
- (32) Boorstin D. The Americans. The Colonial Experience, N-Y, 1958, p. 5
- (33) Lefever E. Modality versus Moralism in foreign politics// Ethics & World Politics, N-Y, 1972, p. 5
- (34) Steiffels P. Neoconservatives, N-Y, 1979, p. 36
- (35) Кукарцева М.А. Философия истории в США второй половины XX века, М, 1999, С. 31
- (36) Шлизенгер А.М. Цит.соч., С. 7
- (37) Нарочницкая Н.А. Цит.соч. С. 362

Глава 4. Расизм и геноцид как следствие рационализации мира.

Раса в самом общем виде это термин, употребляемый для обозначения характерной черты, внутренне присущей какому-либо роду или виду, классу или группе живых существ. Расовые элементы это ярко выраженные психические и духовные качества, обнаруживаемые в отдельных человеческих обществах и выполняющие роль позитивного фактора, направляющего данное общество по пути его развития.

На Западе расистское объяснение многих социальных явлений не кануло в лето, а остается весьма популярным и сегодня. Расовые различия в анатомическом строении человека рассматриваются как неизменные и воспринимаются как свидетельства расовых различий в психической модели организации поведения индивида. При этом априори предполагается, что они эмпирически объясняют как прошлые, так и будущие достижения человеческих сообществ. Однако расизм и расистские теории Запада не имеют ничего общего с гипотезами науки, являясь образцом глубокого предрассудка, весьма далекого от рациональной сферы. Вопрос: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои?» (Иер. 13, 23) сегодня звучит совсем не риторически. Расизм Запада это псевдоинтеллектуальное рефлексивное выражение расового чувства, являющегося примером откатного сознания, фантомной болью и результатом мировой экспансии Запада, начатого в период Великих географических открытий.

По мнению А. Дж. Тойнби, «расовое чувство, которое на Западе исходило в основном от западных поселенцев за границей, имеет также религиозные основания в тех слоях, которые придерживаются протестантских вероучений». (1) Как известно, время генезиса и развития протестантизма практически совпадает с этапом внешней экспансии Запада в форме Ве-

ликих географических открытий, а в XVIII в. противоборство между народами Западной Европы за лидерство в заокеанских владениях закончилось полной победой протестантов—англосаксов. «Примитивные» туземные народы были вытеснены из ареала исконного проживания. Исход Семилетней войны определил будущее Северной Америки и наметил контуры её религиозно—этнической принадлежности. Культурные основания Нового Света прочно опирались на англосаксонскую протестантскую версию западной цивилизации.

Протестантский культурно-религиозный ход, ментальный темперамент, установки и поведение относительно всего «другого» в общем и целом вдохновлялся ветхозаветным преданием. И сегодня в США действуют фундаменталистские организации абсолютно уверенные, в буквальном смысле, что они избранники Господа, в точности с духом и буквой Ветхого завета.

Теории о расовом неравенстве активно развивал и продвигал граф де Гобино, деятельность которого приходится на период между Реставрацией 1815 г. и революцией 1848 г. Вооружившись индоевропейской гипотезой, Гобино сформулировал расовую теорию, квинтэссенцией которой стал «Трактат о неравенстве человеческих рас».(2) В своей работе Ж. А. Гобино попытался синтезировать представления о культурной относительности, т.е. независимости и несравнимости каждой культуры, с превосходством белой расы. Культурообразующим элементом он считал именно расу. Следует отметить, что его антропологические познания были довольно далеки от идеала. Ведь, в самом деле, хорошо известно, что европеоиды («белые») включают в себя не только индоевропейцев, а последние принадлежат к целому ряду малых рас. За основу классификации Гобино берет скандинавскую (североевропейскую, атланти-балтийскую, нордическую) расу. Ей, по его мнению, как высшему типу «индоевропейской» расы, присущи следующие черты: высокий рост, долихоцефальный (длинноголовый) типаж, прямой нос, светлые волосы. Однако антропологические изыскания свидетельствуют о серьёзных заблуждениях де Гобино, ибо представляют свидетельства совсем иного рода. Древнейшие представители, говорившие на вышеуказанных языках и проживавшие в отмеченных аре-

алах, обладали совсем иными антропологическими признаками: темные волосы, смуглая кожа, выпуклая спинка носа.

Последователи и ученики Гобино творчески развили потенциал, заложенный учителем. Определение «индоевропейский» с течением времени трансформировалось в «индогерманский», а прародину индогерманцев начали разыскивать в пределах прусского королевства, расположенного, как известно, в Северо-Европейской равнине. На исторической сцене начали прорисовываться черты печально известного «нордического» человека «нордической» расы.

Продолжателем дела Гобино стал английский германофил, что само по себе довольно большая редкость, — Х. С. Чемберлен, деятельность которого приходится на времена правления императора Вильгельма II. Социолог и культуролог Чемберлен в конце XIX в. переселился в Германию и полностью посвятил свои научные изыскания творчеству Р. Вагнера и немецкой культуре XIX в. Следуя его логике, уровень культуры определяется количеством «арийского» элемента в населении страны. Этот постулат делал немцев высшим в культурном отношении народом. Х. С. Чемберлен впервые употребил словосочетание «белокурая бестия». Не лишним будет отметить различное этимологическое содержание слова «bestia» (лат. «зверь») в русском и романо-германском переводе. В России слово «бестия» уверенно приобрело в XIX в. смысловое значение «жулик», «прохвост». Для Западной Европы это слово обладает практически сакральным значением и означает первобытную, близкую к самой природе силу. Чемберлен типологизировал все великие цивилизации, великие народы, великие личности, отталкиваясь от их приближенности или удаленности от «нордического» человека, «белокурой бестии». Нордические предки были без труда отысканы им у Карла Великого, Данте и даже у «златокудрого Менелая» и Иисуса Христа. Высшим воплощением и олицетворением нордической расы для Чемберлена была Германия накануне Первой мировой войны.(3) Немцы, как свидетельствует история, оказались упорными и педантичными учениками и воплотили теорию де Гобино и Чемберлена на практике в канун и в годы Второй мировой войны. Чем это закончилось общеизвестно. Однако дух «нордического» чело-

века не умер. Труп его смердит в наши дни на Украине, бродя призраком фашизма по территории Донбасса.

В 20-е годы прошлого века концепция де Гобино распространилась и приобрела необычайную популярность в США. «Евангелие от белокурой бестии» без особых усилий привлекло немало сторонников, особенно в южных штатах. Идея де Гобино идеально и полностью оправдывала рабство и жестокое обращение с рабами. Концепции Гобино и Чемберлена были созвучны установкам кальвинизма. Согласно кальвинистской идеологии невозможно ограниченными человеческими усилиями смыть пятно первородного греха или спасти то, что должно погибнуть. Единственное, что в силах человека — исключить потерянную душу и запятнанное тело из общины праведных.

Однако, имена расистов-теоретиков де Гобино и Чемберлена общеизвестны и даже одиозны. Наша же задача обратиться к довольно слабо освещенным в научной литературе аспектам теории и практики протестантского расизма.

Расизм, расовое чувство и протестантизм.

Ханна Арендт в своем исследовании «Истоки тоталитаризма» пришла к выводу о том, что империализм нуждается в расизме как единственно возможном оправдании своих действий. Она также подчеркивала, что именно европейские либеральные политики ответственны за «успешное внедрение в респектабельную внешнюю политику таких средств умиротворения как «массовые убийства», «беспощадная резня», а поэтому за возникновение тоталитаризма и геноцида».(4) В целом экспансионизм Запада, находящегося в состоянии постоянного расширения жизненного пространства, задал те шаблоны теоретических разработок, которые оправдывали жесточайшее истребление народов в процессе, истоки которого обнаруживаются в эпохе крестовых походов, колониальных захватов, Холокоста, уничтожения славянского населения в ходе Второй мировой войны, геноцида населения Юго-Востока Украины и возрождения современного фашизма в наши дни.

Задачей данного раздела нашего исследования является экскурс в теорию и практику расизма с целью выявления его прямых связей и коннотаций с идеологией Просвещения в частности и с либерализмом в целом. «Страх Лютера», поселившийся в душах протестантов со времен Средневековья, жив и поныне. Строгое, жесткое воспитание подрастающего поколения в протестантских странах считается априорной нормой. До 1966 г. шведские родители имели законное право пороть своих детей. В 90-е гг. XX в. во Франции в свободной продаже можно было без труда приобрести кожаный хлыст для наказания жен и детей, именуемый французами *martinet* (стриж). Он состоит из девяти прочных кожаных ремешков, и в связи с этим в Швеции, где он также был весьма популярен, называется «девятыхвостым котом». (5) Вплоть до конца 60-х гг. прошлого века в ряде штатов Америки, как хорошо известно, не было отменено рабство.

Все эти примеры нелишнее свидетельство того непреложного факта, что либерализм в своей высшей стадии в виде империализма всегда опирался и опирается на силу, на право сильного, на теорию естественного отбора, перенесенную из биологии в социологию под соусом социал-дарвинизма. По словам шведского историка и этнографа Свена Линдквиста «искусство убийства на расстоянии стало европейской специализацией уже давно». (6) И с этим утверждением трудно не согласиться. Действительно, доиндустриальная Европа мало, что могла предложить миру. Наука и культура, ремесло и сельское хозяйство Азии были развиты на порядок выше, чем в нишей и отсталой средневековой Европе. Хрестоматийным примером стал прием Васко да Гамы, прибывшего на Малабарский берег в 1498 году, при дворе Великих Моголов. Привезенные португальцами ремесленные и ювелирные изделия были столь чудовищно низкого качества, что Моголы даже не пытались скрыть своего откровенного презрения. Васко да Гама с грустью написал португальскому монарху о том, что торговать им в Индии, похоже, нечем. (7)

Что же мог предложить Запад Востоку в XV веке? Предметом экспорта стала сила. В результате, цивилизации Азии, обладавшие более высокой культуры, но отставшие в сфере вооруже-

ний по причине не технологической, а ментальной, оказались бессильными перед пушками европейцев. Китай и Индия ощущали себя до этого времени, до первых признаков грядущей глобализации, проявившейся в эпохе, так называемых, Великих географических открытий, в абсолютной безопасности. Шотландский ученый и социалист Р.Б. Каннигем Грэхем отмечает, характеризуя эпоху Великих географических открытий: «Европейцы стали проклятием для всего Востока. Что ценного они приносят с собой? Ружья, джин, дрянную одежку и бесчестные сделки..., недовольство тем, что у тебя есть... вот те дары, которыми европейцы благословляют восточные страны». Далее он продолжает: «Правящие круги, к примеру, в Марокко вполне отдают себе отчет в истинном смысле политики европейцев, призывающих к лучшему способу правления, прогрессу, моральности и всей той дежурной болтовне, которую Запад адресует слабым нациям, имея ввиду возможность аннексии их территорий. Марокканцам этот факт нравится не больше, чем нас обрадовало бы присутствие русских на острове Уайт».(8)

Как хорошо известно, именно в Китае был изобретен порох и отлита первая пушка. Однако именно Китаю спустя пять столетий после своих изобретений пришлось отступить и подвинуться под давлением португальцев, доведших китайские изобретения до совершенства и превосходства. Таким образом, отсталая, нищая и ресурсно скудная Европа XV – XVI вв., получив монополию на океанские корабли с тяжелыми орудиями, способными сеять смерть и разрушение на расстоянии, стала грозной и мощной силой, гордо именующей себя «Богами пушек». Спустя 300 лет европейцы уже владели третьей частью всей планеты. В конечном счете, их владычество покоилось и пока держится на мощи их вооружения, на военно-техническом превосходстве. Отсюда рукой подать до расистских концепций, поскольку именно техническое превосходство, убийство на расстоянии, открывает дорогу тезису, обосновывающему естественное право на уничтожение даже беззащитного врага, даже мирного населения. Ведь сильнейший имеет все основания для уничтожения слабых. Пропустите, не мешайте действовать. Так рождалось, воплощенное в архетип, себялюбие западного человека – покорителя.

Военно-техническое превосходство Запада во многом имело корни в самой идее прогресса, рационализации и десакрализации мира, являвшейся сердцевиной, сутью европейского Просвещения. В контексте колониальных захватов прогресс, как само собой разумеющееся, предполагал и геноцид как побочное и неизбежное явление, противопоставление цивилизации и дикарей, варваров. Для нас крайне важно прояснить, как вызревали теоретические основания для подобных концептов, каков генезис и развитие западноевропейского, протестантского, по своей природе, расизма.

Немного теории.

27 января 1796 г. молодой биолог Жорж Кювье прочел свою первую лекцию во Французском национальном институте. Его выступление носило сенсационный характер. Характеризуя развития животного мира (он говорил о мамонте и мастодонте), Кювье впервые употребил весьма доказательную формулировку «ныне вымершие», образующие собственные виды.⁽⁹⁾ Сама постановка вопроса об исчезновении видов была крамольной для теоцентристского мировоззрения XVIII в. Люди искренне верили в акт творения Вселенной, созданной в своём абсолютном совершенстве, в которую нечего добавить, но невозможно и убавить. Все создания Бога, единжды сотворенные, вечны. Его творения не могут исчезнуть. Вслед за «Страхом Лютера» таким образом, в сознании западноевропейского человека возник «Страх Кювье», поскольку тот, как и Лютер, бросил вызов традиционной картине мироздания. Идея о том, что некогда могли существовать, затем вымершие виды, встретила такое сопротивление, что прошло около ста лет до её признания.

Крайне любопытно, что задолго до появления социал-дарвинизма, Ж. Кювье уже сделал биосоциальные обобщения и выводы, отметив, что террор, развязанный деятелями Великой Французской революции, имеет геологический эквивалент в далеком прошлом, когда крупнейшие и сильные виды (знатные аристократические семейства – С.В.) оказались навсегда

искорененными. Кювье завершил своё выступление предсказанием о том, что и новые твари, занявшие место вымерших видов, в свое время будут сами уничтожены и заменены другими. (10) Дальнейшая эволюция взглядов Жоржа Кювье была весьма стремительной, и её итогом стал 16-томный труд «Животное царство» (1835 г.), в котором он подразделил теперь уже человечество на три расы, забыв о собственном утверждении, что в биоорганизмах иерархий не существует. О негроидной расе Кювье написал, что по своим выдающимся вперед челюстям и толстым губам она близка к приматам, «стада, такого рода человекообразных существ, всегда оставались в состоянии полного варварства». (11) Именно Кювье, а не кто иной, достав стартовый пистолет, положил начало расистскому марафону в западноевропейской науке и идеологии. За что ему отдельная «благодарность». «Выстрел», произведенный французским ученым оказался наиболее громким и привлечшим внимание, именно вследствие синтеза зоологии, биологии и социальных учений. Однако англосаксонская традиция опередила Кювье, сделал правда это весьма тихо и на тот момент незаметно.

Во имя соблюдения исторической объективности нельзя не отметить того обстоятельства, что за сто лет до выступления Ж. Кювье, англичанин Уильям Петти опубликовал в 1676 году фундаментальный труд «Лестница творений», нарушив средневековую иерархию человека как существа единого и неделимого, созданного Господом по своему образу и подобию. Сомнительной научной заслугой У. Петти стало разделение абстрактного человеческого существа на несколько видов. Он писал: «Существует несколько видов даже человеческих существ. Я утверждаю, что европейцы отличаются от африканцев не только по цвету кожи, но также по естественным манерам и по внутренним качествам ума». (12) Это утверждение Петти на тот момент не привлекло общественного внимания.

Однако линия его исследований не угадала, а была продолжена Ульямом Тайсоном в работе «Орангутанг, или анатомия пигмея» (1708 г.), где он доказывает, что приматы из всех видов наиболее близки к человеку, а пигмей из всех людей наиболее схож с приматами. (13) Следует отметить, что, как представляется, неслучайным образом, концепции Петти и Тайсона воз-

никли на волне событий Английской буржуазной революции, а взгляды Кювье подогревались Французской. Однако заявления Тайсона и Петти не вызвали никакого общественного резонанса. Их время ещё не пришло. А вот в конце XVIII в., когда Запад довольно основательно продвинулся по пути покорения мира, идея иерархии рас, озвученная Кювье, прочно укоренилась в западноевропейском сознании.

В 1799 г. Чарльз Уайт в труде «Объяснение порядка ступеней в человеке» предложил научной и широкой общественности обоснованную и проиллюстрированную иерархию рас. Основной целью написания работы стало обоснование тезиса о том, что европейская раса возвышается над всеми остальными. «У кого, как не у Европейца, мы найдем этот благородный куполовидный череп, вмещающий такое количество мозга? У кого ещё вы обнаружите это вытянутое лицо, выдающийся нос и круглый выступающий вперед подбородок? Это многообразие деталей и выразительное богатство, эти розовые щёки и коралловые губы».(14) Этот тезис Уайт снабдил богатым иллюстративным материалом, собрав серию профилей, в которой приматы и туземцы занимают промежуточную ступень между страусом и европейцем. Нелишне будет отметить, что, как и произведение Кювье, книга Уайта на момент публикации пользовалась большим спросом, а её авторитет в англосаксонском мире возрастал на протяжении всего XIX в. параллельно с развитием европейской военной техники и увеличением числа силовых операций в Азии и Африке.

23 февраля 1829 г. молодой английский ученый, геолог Чарльз Ляйелль с восторгом описал посещение и знакомство с Ж.Кювье, продолжателем дела которого он себя считал. И он его продолжил написанием классической для XIX в. работы «Основные начала геологии» (1832 г.). В ней он перенес социальное видение эволюции на геологическую историю Земли. Никаких катастрофических изменений, по его мнению, никогда не происходило. Геологические феномены являются результатом медленных процессов, которые мы можем наблюдать вокруг нас: эрозия, разложение, стратификация, поднимающиеся и оседающие пласты земли. Вымершие виды сошли на нет, в силу изменившихся условий существования,

распространения соперничающих видов. Опустевшие места затем были заполнены иммигрировавшими видами, лучше приспособленными к изменившимся условиям».(15) Вот и готовая теоретическая почва для обоснования истребления индейцев в Америке, оправдывающая жестокость колонизаторов при продвижении линии Фронта.

Весной 1834 г. Чарльз Дарвин отправился в путешествие на корабле «Бигль», прихватив с собой весьма заинтересовавшее его произведение Ч. Ляйелля. Побывав в Патагонии, Дарвин приходит к мысли о том, что, если допустить предположение о том, что старые виды могут вымирать медленным и естественным образом, почему же тогда, используя тот же механизм, не могут естественно возникать новые, в силу естественных причин? Почему для возникновения неизбежно необходим Акт творения?(16) Такая логика вела и руководила Дарвином на пути к его знаменитому «Происхождению видов».

Естественно, Дарвин был хорошо знаком с трудами Ж.Кювье и своего коллеги Ламарка. Был он и в курсе незагорающего спора, который вели его ученые коллеги. Спор шел вокруг вопроса о том, способны ли виды к развитию. Ламарк настаивал на эволюции видов, но не выяснил её механизм, предложенный позднее Дарвином в виде естественного отбора. Кювье настаивал на неизменности видов. Ч. Дарвин был уверен, что ему удастся разрешить спор, вспыхнувший между коллегами. И необходимое объяснение было им предложено. Он полагал, что в ходе естественного отбора лучше приспособленные виды вытесняют менее приспособленные. Особенно жестко идет борьба за существование между формами, наиболее близкими друг к другу. «Поэтому более развитые и лучше приспособленные видовые формы потомков, как правило, вызывали вымирание видовых форм предков».(17)

В письме к Ч. Ляйеллю в 1859 г. Дарвин впервые делится с ним идеей о том, что этот процесс присущ и человеческим расам, так что «менее разумные расы оказываются изничтоженными».(18) В «Происхождении человека» (1871 г.) Дарвин предает огласке этот тезис уже как свое глубокое убеждение. «В не столь отдаленном будущем цивилизованные человечес-

кие расы почти наверняка уничтожат дикие расы и повсюду в мире займут их место».(19)

Дарвинизм задал, таким образом, концептуальную тональность для обоснования западной экспансии на Восток, населенной туземцами, варварами, к которым неприменимы цивилизованные методы игры по правилам. Да и какие могут быть правила, когда приходится иметь дело с животными, дикарями?

В стороне от полемики не остались британские политэкономы и либеральные философы. Адам Смит, как известно, сформулировал закон, регулирующий предложение рабочей силы: «Спрос на людей, как и на любой другой товар, регулирует воспроизводство людей: ускоряет его, когда оно идет слишком медленно, и сокращает его, когда оно осуществляется слишком быстро».(20) Закон Смита остается в силе и сегодня. Неоконсы весьма активно продвигают его в виде гуманитарных интервенций. Возникает закономерный вопрос, в состоянии ли общество, которое не в силах поддерживать в мире право на труд, сохранить планетарному социуму право на жизнь?

Герберт Спенсер в своей «Социальной статистике (1850 г.)» отмечает, что заслугой империализма перед цивилизацией является то, что он стер низшие расы с лица земли. «Силы, трудящиеся над осуществлением великой схемы совершенного счастья, не принимают во внимание отдельные случаи страдания и уничтожают ту часть человечества, которая стоит на их пути. Будь он человеком или зверем, дикарем — препятствие должно быть устранено».(21)

В общем, работы Ч.Дарвина, ставшие квинтэссенцией лестницы творений и зоологической иерархии, придуманными У. Петти, У. Тайсоном, Ч. Уайтом, превратили догадки и домыслы предшественников в социобиоисторический научно обоснованный процесс. Нижние формы в его иерархии стали предшественниками высших, и были связаны друг с другом как причина и следствие, ибо только борьба между ними способна была создавать все более высшие формы, т.е. способствовать эволюции и прогрессу.

В ходе европейской экспансии к концу XIX в. геноцид стал считаться неизбежным и побочным продуктом прогресса. Великому антропологу Дж. К. Причарду было совершенно

очевидно, что дикие народы нельзя спасти от истребления и умирания. А дабы не тратить время на это совершенно бесполезное и бесперспективное занятие, в интересах науки необходимо собрать как можно больше данных об их физических и моральных особенностях, как исчезающих видов.(22)

Кульминацией развития расистских взглядов в англосаксонском мире стал основательный труд Роберта Нокса «Человеческие расы: фрагмент». Р. Нокс изучал сравнительную анатомию вместе с Ж.Кювье, был в курсе всех естественнобиологических трендов и стал первым, кто на основе широкого синтеза и обобщения данных, гипотез, добытых предшественниками и его современниками, создал стройную и «научную» социальную расовую теорию.

Нокс задается вопросом: «Почему вымирают темные расы?» «Если бы мы знали закон их происхождения, мы бы знали и закон их угасания. Но этого мы не знаем», – рассуждает ученый. Однако мы знаем, продолжает он, что с начала истории темные расы были рабами тех, у кого кожа светлее». Так происходит, по его мнению, потому что должна существовать физическая и умственная неполноценность черной расы в целом. Их мозговая ткань, как считает Нокс, чаще всего темнее, а светлая часть более волокнистая.(23) Роберт Нокс приводит в доказательство этому довольно сомнительному тезису и частный пример на основании данных аутопсии, которую он делал одному цветному. Из этого единственного факта он приходит к общему выводу. Раз в теле у цветного на треть меньше нервов, значит, они не полноценны в той же пропорции в строении души и разума. «Для меня раса, или наследственное происхождение, это все. Она формирует человека. Литература, наука, искусство, цивилизация в целом – все зависит от нее», – резюмирует он.(24)

Нокс употребляет выражение «темные расы». Кого же он объединяет в эту расширенную группу? Это евреи, цыгане, китайцы, монголы, американские индейцы и эскимосы, обитатели почти всего Африканского континента, Австралии. Он цинично восклицает: «Какое поле уничтожения лежит перед саксами и другими народами!». «Англосаксы – протестанты» – продолжает Нокс, «следуя заповеди избранности, не смешиваются с народами «темной расы», не разрешают им сохранить

ни единого акра земли на захваченных территориях». Р. Нокс не оставляет ни единого шанса на возможность «темных рас» стать цивилизованными, поскольку «саксонская раса никогда не потерпит ни их самих, ни мира с ними». (25) Нокс не оставил права на жизнь ни американским индейцам, ни бушменам и готтентотам Южной Африки, ни китайцам, ни монголам. «Скоро они исчезнут с лица земли. И не стоит испытывать никаких угрызений совести по поводу жестокости, уничтожившей целую расу», (26) – цинично завершает он свойopus.

«Происхождение видов» стало поворотным пунктом для идей Нокса. Теория эволюции Дарвина сыграла явно на руку расистам. В 1863 г. верные последователи и ученики Нокса основали Антропологическое общество в Лондоне, носившее явный расистский оттенок. Первая конференция – «О месте негра в природе» – отмечала близкое родство и сходство негров с человекообразными приматами. Британская политика начала стремительно догонять теории Роберта Нокса. Эволюция расизма прошла порочный круг и достигла своего апогея. Ранее раса выступала лишь одним из факторов, влияющих на культуру. Дарвин сделал её решающим признаком в мире природы. Роберт Нокс позволил себе расширительное толкование законов природы, полностью экстраполировав их на развитие общества. Расизм был принят и стал центральным элементом англосаксонской имперской идеологии. (27) А от нее был всего лишь один шаг в направлении теории жизненного пространства Фридриха Ратцеля и идей фюрера, реализованных, к ужасу всего человечества, в XX веке, в трагедии Холокоста и массового истребления славянского населения. К несчастью, живы они и сегодня, фантомной болью отзываясь на современной Украине.

А теперь практика.

Немецкий философ Эдуард фон Гартман во 2-ой половине XIX века в «Философии бессознательного» давал такие рекомендации: «Искусственно продлевая предсмертные конвульсии дикарей, находящихся на грани вымирания, мы оказываем их человеческой природе не большую услугу, чем собаке,

желая удружить которой, мы, вместо того, чтобы отрубить ей хвост разом, отрезаем его постепенно, дюйм за дюймом. **Настоящий гуманист не может не желать ускорить вымирание диких народов и не содействовать этой цели**». Кредо и бремя белого человека было сформулировано. Подобные взгляды при активной поддержке апологета расизма писателя Р.Киплинга стали в то время общим местом. И не стоит забывать, что именно у протестантов Великобритании и США А.Гитлер обнаружил те оригиналы и теоретические модели, чьей искаженной, но все же копией стало массовое уничтожение евреев, парадоксальным образом когда-то содействующих становлению европейской Реформации и капитализма.

Начало «славных» дел было положено в Америке, массовыми преступлениями против человечности, против коренного населения. Истреблению, геноциду индейцев традиционно предшествовала массивированная теоретическая подготовка, обоснование. Вот типичная характеристика автохтонного населения Америки XVII в.: «Индейцы почти поголовно дурные и грубые или заслуживающие презрения. Медлительные, тупые, недалекие и ничтожные люди, как евреи».(28)

В 1620 г. «цивилизаторскую» миссию англичан познали на себе индейцы племени пекотов, на землях которых была основана английская колония Плимут. Англичане— протестанты уничтожили около 8 тыс. коренного населения. Апофеозом геноцида стала Пекотская война, в которой было перебито ещё 10 тыс. индейцев. В ходе карательных рейдов, или как бы это назвали сегодня, гуманитарных интервенций, добились остальных. Оставшиеся в живых аборигены были свезены на Олений остров в Бостонской бухте, где лишённые пищи и крова были обречены на медленную и мучительную смерть. Ряд исследователей склонны рассматривать этот эпизод как организацию первого в истории концентрационного лагеря смерти, куда людей заточили по национальному признаку.(29) С 1721 г. белые колонисты стали активно вытеснять племя чероки, проживающее на территории нынешней Виргинии, Джорджии, Алабамы, обеих Каролин. В 1828 г. чероки выселяются с последней полосы занимаемых земель. Во время переселенческого перехода из 14 тыс. участников в живых осталось 2/3. В это же время

законодательное собрание штата Колорадо обсуждало законопроект, по которому на всей территории штата предполагалось истребить скунсов и индейцев.(30) К 1872 г. в США пришли к мысли о необходимости создания резерваций для коренного населения. «С дикими людьми нужно обращаться как с дикими животными. В отношениях цивилизованного государства с дикарями не может стоять вопрос о чести наций».(31)

Не стоял вопрос о чести и в королевстве Конго, ставшим волею политического случая частным владением бельгийского короля Леопольда II. В книге «Три года в Конго» шведский офицер Глееруп, находившийся на службе у Леопольда, вспоминает о том, как он до собственного изнеможения порол своих носильщиков, пока сам не упал в обморок. Как нежно и заботливо только что избитые им люди несли его, прикрывая его своими белыми одеждами, и ухаживали за ним как за ребенком. И о том, как он вскоре выздоровел и снова с наслаждением стал орудовать кнутом.(32)

30 сентября 1886 года доклад этого офицера был зачитан перед Шведским географическим и антропологическим обществом. Никто не высказал никаких порицаний и возражений. Леопольда II называли вдохновителем начинаний, великодушным и жертвенным человеком. Председатель общества профессор барон фон Дюбен отметил: «С гордостью мы слышим, как господа в тяжких трудах, сражениях и лишениях негостеприимной страны Конго смогли не уронить высокое имя шведа».(33) Циничнейший, но далеко не единичный пример двойной морали и двойных стандартов.

Жуткими, леденящими кровь сценами насилия изобилует миссионерский дневник и Дж. Глейва, который глубоко убежден, что к туземцам в Конго нужно относиться с предельной жестокостью, что следует нападать на их деревни, «если они не хотят работать на благо нашей страны». «Заставлять их работать — не преступление, но проявление доброты... Применяемые меры суровы, но с туземцем не справишься путем одних уговоров; им необходимо управлять посредством силы...» Затем следует уже практические рекомендации. «Кожа африканцев очень толстая, поэтому наказание «chicotte» (хлыстом) следует определить не менее чем в 100 ударов. Обычно жертва

впадает в бесчувствие после 25 или 30 удара... Я глубоко убежден, что 100 ударов плетью, если не убьют человека, то сокрушат его дух навсегда».(34)

В некоторых статьях Глэйва, справедливости ради стали отметить, проскакивали критические нотки по отношению к происходящему в бельгийском Конго, однако он довольно быстро умерил свой пыл, отметив: «Не следует слишком поспешно и слишком жестко осуждать молодое Государство Конго».(35) Видимо не следует осуждать, даже сталкиваясь с примерами беспрецедентной жесткости, описанной Эдвардом Шёблумом в книге «В тени пальм», свидетелем которой довелось стать самому автору. Бельгийский солдат хватает местного старика, обвиняя того в недостаточном рвении при сборе каучука. Он приставляет дуло ружья к его виску и стреляет. Затем солдат приказывает девятилетнему мальчику, отрезать у старика руку, которая вместе с другими отрезанными руками будет завтра вручена спецуполномоченному в знак победы цивилизации над варварством.(36)

Либеральные методы распространения цивилизации на штыках несколько не поменялись спустя 100 лет. 1966 г. Вьетнам. Вспоминает английский журналист Ф. Гриффитс: «Американские солдаты осторожно продвигались по рисовому полю. Увидев работающих крестьян, они открыли по ним огонь».(37) Это происходило при полном понимании того, что они уничтожают мирное население. Американские пилоты любили пошутить. После бомбардировок сбрасывать на вьетнамские деревни открытки со специальными текстами, к примеру, с таким: «Поздравляем. Вы любезно убиты заботами 361 отряда. Искренне Ваши», «Вызывайте нас круглосуточно для смерти и уничтожения».(38) Невольно удивляешься верности англосаксов своим «традициям». В голову сразу же приходит аналогия с варварскими ковровыми бомбардировками Белграда в апреле 1999 г. Вместе со смертью на сербов веером летели карточки с омерзительным по степени цинизма текстом: «С Пасхой Вас, дорогие православные!»

Вьетнам. 1969 г. Американский патруль встретил пожилого вьетнамца с ребёнком на руках. Сержант солдатам: «Три дня отпуска тому, кто пристрелит «гука» (оскорбительное наименование вьетнамца). Почти все солдаты патруля с хохотом открыли

огонь, изрешетив пулями обоих. Они упали вместе – старик, обнимавший ребёнка.(39) Свидетельствует Тхи Лэ, чудом выжившая жительница деревни Чьонг: «Когда американцы пришли в деревню, они вывели нас из домов и затолкали в огромную канаву. Они поставили нас на колени и начали стрелять сзади из пулемета. Стариков закалывали, добывая штыками, беременным женщинам вспарывали животы».(40) Отношение американцев к вьетнамцам, было отношением к туземцам, дикарям, приматам. Протестантская исключительность и богоизбранность не могла распространяться на этих «недочеловеков». Это красноречиво иллюстрирует высказывание американского лейтенанта У. Келли: «За годы моей армейской службы меня никогда не учили, что вьетнамцы – это люди. Мы были там, чтобы уничтожить куски мяса».(41) Подобные установки были и остаются основным вектором англосаксонской аксиологии и во Вьетнаме, и в Афганистане, и в Югославии, и в Ираке, и в Ливии, и на Украине.

Однако вернёмся в Конго. В 1887 г. шотландский хирург Дж. Б. Данлоп решает оборудовать велосипед своего сына надувной каучуковой камерой. Велосипедная шина патентуется в 1888 г. Это приводит к резкому всплеску спроса на каучук, что создает условия для еще большего ужесточения режима в Конго.

29 сентября 1891 г. король Леопольд II издал указ, наделивший его представителей в Конго монополией на торговлю каучуком и слоновой костью. Туземцы были теперь просто обязаны поставить каучук и рабочую силу для его сбора, т.е. необходимость собственно торговли с ними отпала. Деревни тех, кто отказывался подчиняться, сжигали, их детей убивали, а руки – отрезали».(42) До середины 90-х гг. XIX в. мрачные и жуткие подробности добычи каучука ещё оставались в тайне. Но все становится явным. В 1896 г. Чарльз Дилк, член Комитета по делам защиты аборигенов пишет критическую статью «Цивилизация в Африке», в которой содержится актуальное и для современного либерализма обвинение и констатация. Он отмечает, что результатом цивилизаторской миссии Запада в Конго, стало лишь то, что «старые формы правления сокрушены, новых же на их месте не создано. Всюду хаос и междоусобные войны».(43) Все как в современной Ливии, Ираке и Афганистане.

Развернувшаяся в прессе, благодаря статье Ч. Дилка, полемика, вынудила Леопольда II лично посетить в 1897 г. английскую королеву Викторию и убедить её в обоснованности обвинений. Тем более, что та была слишком занята подготовлением к празднованию имперского юбилея, чтобы думать о нескольких корзинах с отрезанными руками аборигенов Конго. Великие державы закрыли глаза на геноцид, организованный бельгийцами. С 1898 г. все новости о Конго имели исключительно положительную тональность. 13 декабря 1898 г. Королевское статистическое общество поручило Леопольду II осуществить «эксперимент в деле торговой экспансии». В частное владение Леопольду II передавалась территория, превышающая по площади всю Европу с населением около 28 миллионов человек. «Эксперимент» снова сопровождался чудовищным насилием. Некий капитан Ром с удовольствием украсил клумбы в своём саду отрубленными в ходе очередной карательной экспедиции головами туземцев. «Такова бельгийская идея наиболее эффективного способа продвижения цивилизации в Конго, — горько и саркастично констатировал И. Дж. Глэйв.(44)

В 1885 г. в Судане войсками «махдистов» в ходе освободительного движения был взят Хартум. Британская пресса описывало это как наиболее унижительное поражение, которое когда-либо потерпела Британская империя. Операция по усилению сторонников Махди детально описала Фоксом Бурном в его исследовании «Другая сторона экспедиции по спасению Эмина Паши» (1891 г.) Сражение при Омдурмане 2 сентября 1898 г. явило собой трафарет для дальнейших гуманитарных интервенций протестантского Запада, поскольку вобрало в себя все основные черты «убийства на расстоянии». Великая армия дервишей потеряла 9 000 чел. убитыми, а англичане ни одного. Британские винтовки и пулеметы «максим» косили махдистов рядами. Это стало показательным триумфом над «дикарями». В течение пяти часов самая сильная, боеспособная, отважная, но технологически вооруженная на уровне Средневековья армия была уничтожена, без особого труда, при малом риске и при самых незначительных потерях со стороны англичан (несколько человек были легко ранены).(45)

Карл Петерс, основатель Немецкой восточно-африканской колонии в книге «Темная Африка в новом свете» (1891 г.) смакует подробности покорения племени вагого. Сын вождя пришел в лагерь Петерса и, какая наглость, уселся у входа в его палатку. Петерс отдал приказ выпороть наглеца кнутом из гиппопотамовой кожи. На вопли несчастного сбежались его соплеменники, К. Петерс отдал приказ об открытии огня по ним. После этого солдаты Петерса топорами изрубили дома в деревне вагого и полностью сожгли другое их поселение. Бесчисленные убийства, совершенные Петерсом во время его пребывания в Восточной Африке, воспринимались как нечто должное, не получали никакого общественного порицания.(46)

Укреплению представлений о протестантской исключительности содействовали и новые разработки в сфере вооружений. «Провидение» способствовало тому, что в 1885 г. Поль Вилль изобретает нитроглицерин, который при выстреле не дымит, а значит, дает возможность стрелявшему оставаться незамеченным. Хайрам С. Максим запускает производство легкого в транспортировке и стреляющего со скоростью 11 выстрелов в секунду автоматического оружия.

В 1897 г. в месте Дум—дум недалеко от Калькутты начинается производство одноименных пуль «дум-дум». При попадании свинцовое ядро пули «дум-дум» взрывало свою оболочку и наносило жертве обширные и долго незаживающие раны. Небезынтересно, что спустя непродолжительное время, использование таких пуль стало строго запрещено в конфликтах между цивилизованными странами. Их разрешилось применять только для охоты на крупного зверя и в колониальных войнах против дикарей. США в начале XXI в. с полным моральным правом, не испытывая угрызений совести, применяют фосфорные мины и касетные бомбы в Ираке, Ливии, в Югославии против сербов. Ведь речь идет именно о колониальных войнах и уничтожении «дикарей», не имеющих прав на спасение, безнадежно далеких от избранных элит, стремящихся к управлению миром.

Оба вида оружия были испытаны англичанами в ходе Первой (1874-1876 гг.) и Второй войны (1896 г.) с ашанти в Индии. В ходе тотального разгрома ашанти англичане подвергли королевскую семью беспрецедентным унижениям. Король

ашанти Премпех и его мать, по требованию англичан, подползали на четвереньках к ногам британских офицеров и выражали им свою покорность.(47)

Историчен, но одновременно и современен, эпизод с захватом англичанами Бенина в 1897 г. Для нас эти события представляют интерес не только с точки зрения изучения очередной сцены британских зверств в Африке. В них проступает и обретает зримые черты и контуры механизм классической провокации, предшествующей началу войны или карательной экспедиции, имеющий «фирменный» сценарий: сначала идеологическое обоснование, подведение теоретического фундамента («резня сербами хорватов», «пробирка с белым порошком К.Пауэлла», «русские и Путин сбили малазийский Боинг» и т.п.), а затем нанесение военного удара.

Англичане во главе с лейтенантом Филиппсом направляют-ся с визитом вежливости к королю Бенина, отлично зная, что король принять их в это время не сможет, поскольку занят подготовительными церемониями перед ежегодным религиозным праздником. Во время путешествия английский отряд встретил посланника, который вежливо и настойчиво попросил их отложить визит. Филиппс продолжил движение. На следующий день посланники короля вновь прибыли к англичанам все с той же просьбой, нанести визит через месяц. В ответ Филиппс передал для короля Бенина свою трость, прекрасно осознавая, что он наносит тому сознательное оскорбление. Спустя день (4 января) англичане попали в засаду. Восемь человек, включая самого Филиппса, были убиты. 11 января вся пресса Лондона опубликовала материалы о «бенинской катастрофе», английская общественность кипела от возмущения. В прессе начинает циркулировать и муссироваться тема о наказании кровавого бенинского тирана. Вскоре появляется информационный вброс, фейк о человеческих жертвоприношениях, якобы практикуемых королем Бенина. Картинка, изображающая человека со вспоротым животом, распятого на кресте, опубликованная в книге Р.Х.Бэкона «Бенин — город крови» (1897 г.) и перепечатанная всеми ведущими британскими изданиями оказалась веским аргументом и достаточным основанием для захвата англичанами Бенина (18 февраля 1897 г.), его разграбления и выжигания дотла. (48)

Так закреплялось право сильного, избранного, побеждающего в естественном отборе. У ниггеров нет оружия, а следовательно, нет прав, а значит, их земля должна принадлежать цивилизованному сообществу.

Протестантский провиденциализм лишь усилился и обострился, когда народы колонизируемых земель начали массово вымирать от эпидемий болезней, принесенных белыми. Раз так происходит, значит так угодно Богу. Побеждает сильнейший. Об этом пишет и Герберт Уэллс в «Машине времени», где все человечество разделено на два вида: «дети цветов» и сильные, темные создания подземного мира. Сильные оказываются каннибалами, власть принадлежит им. «Дети цветов» превращаются в откармливаемый скот, дикарей, отлавливаемый и поедаемый каннибалами. Такова модель будущего мироустройства. И это и есть мечта англосаксонского либерализма? Своеобразное представление о демократии и правах человека.

Примечания

- (1) Тойнби А. Дж. Постигание истории, М., 2006, С. 102
- (2) De Gobineau. Le comte J.A. Essai sur l'Inégalité de Races Humaines, Paris, 1855
- (3) Chamberlain H.S. The foundations of the Nineteenth century L, 1911.
- (4) Ханна Аренд. Истоки тоталитаризма. М., 1996, с. 37
- (5) Lindqvist S. Utrota varenda javel, SI, Stockholm, 1992, p. 27
- (6) Op cit., p. 54
- (7) Хазанов А.М. Величие и падение португальской колониальной империи, М., 2007, с. 7
- (8) Cunningham Graham R.B. Mogreb— el —Aksa, L, 1898, pp. 25, 43
- (9) Cuvier G. Discours sur les revolutions de la surface du globe, Manchester, 1984, p. 21-27
- (10) Ibid, p.61-63
- (11) Coleman William. Georges Cuvier, Zoologist, Cambridge, 1964, p. 143-165
- (12) Цит. по Hadgen R. Early Anthropology in the Sixteenth & Seventeenth Century, L, 1956, p. 408
- (13) Ibid, p. 418

- (14) White Charles. An account of the regular graduations in Man, L, 1799, p. 135
- (15) Ляйель Ч. Основные начала геологии, М, 1860, с. 104
- (16) Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль», М, 1955, с. 210, 212
- (17) Darwin Charles The origin of species, L, 1859, p. 9
- (18) Journal of the history of biology vol. 10, № 19, L, 1977, p. 113
- (19) Дарвин Ч. Происхождение человека, М, 1959, с. 210
- (20) Smith Adam The Wealth of Nations, L, 1776, p. 111
- (21) Spencer Herbert. Social statistic, L.,1850, p. 416
- (22) Edinburgh New philosophical journal, vol. 28 (1-39), p. 166-170
- (23) Roe Isabel, Knox R., The Anatomist, Edinburgh, 1964, p. 151
- (24) Ibid, p. 210-216
- (25) Ibid, p. 236
- (26) Ibid, p. 311
- (27) Lindqvist S. op. cit p. 134-135
- (28) Стингл М. Индейцы без томагавков, М, 1984, с. 347
- (29) Акимов М.В. Геноцид, экоцид, психоцид как принципы доминирования, М, 2013, с. 38
- (30) Стингл М. Цит. соч, с. 332
- (31) Там же, с. 346
- (32) Lindqvist S., Op. cit., p. 26
- (33) Ibid, p. 27
- (34) The Century Magazine .September 1997, p. 41
- (35) Ibid, p. 50
- (36) Lagergren David, Mission & state in the Congo, Uppsala, 1970, p. 211
- (37) Гриффитс Ф. Вьетнам, М, 1971, с. 301
- (38) Яковлев Н.Н. Война и мир по-американски: традиции милитаризма в США, Л, 1989, с. 45
- (39) Там же, с. 329
- (40) Le Nouvel Observateur, 15.01.1998., p. 76
- (41) Гриффитс Ф. Цит.соч., с. 445
- (42) Ascherson Neal. The King incorporated, L, 1963, p. 103-105
- (43) Ibid, p. 211
- (44) The Century Magazine, p. 63
- (45) Lindqvist S., op. cit, p. 73-73
- (46) Reuss Martin The Disgrace & fall of Carl Peters // Central European history, vol. 14, 1981, p. 110
- (47) Rosenthal Michael. The Character factory, L, 1986, p. 303
- (48) Igbafe Philip A. Benin Under British administration, L, 1979, p. 214-217

Глава 5.

Новый мировой порядок.

Политический протестантизм.

В начале XXI века в мировых тенденциях и событиях откровенно и цинично действуют силы, заявившие о себе, обнажившие некоторые из своих целей в начале прошлого века. Именно тогда, столетие назад, впервые были явлены миру до той поры латентные устремления к созданию глобального механизма взаимоотношений в мире, втягивающих в орбиту своего влияния суверенные национальные государства и незаметно для тех подчиняющие их политику и экономику, главным образом, ресурсную базу, своей власти. Новацией в новом механизме, названным «Новым мировым порядком», стало использование так называемой «мягкой силы» для достижения собственных геополитических интересов, отказ от затратных военных операций, от дорогостоящих войн, разработка технологий смены неугодных режимов, формирование в будущем механизма гуманитарных интервенций, посредством экспорта либеральной демократии.

В то время пока государства-участники Первой мировой войны застилали телами погибших поля сражений, происходило оформление англосаксонского проекта, как главного проводника и инструмента интересов финансовых элит, объединяющих не только англосаксонские страны, но и тех, кто разделял их чаяния и устремления. После окончания Первой мировой войны США, в которых в это время сформировался идеологический и финансовый центр грядущего глобального проекта становятся этим инструментом и проводником. Фундаментом, закладывающим основы нового мироустройства, стало создание Федеральной резервной системы и рождение, так называемого, «Плана Марбург».

Финансовый кризис 1907 г. настойчиво указывал на необходимость создания постоянного механизма для борьбы с мо-

нетарными проблемами. Для изучения вопроса в 1908 г. была создана Национальная денежная комиссия во главе с Нельсоном Олдричем – сенатором от Род-Айленда.(1) Плодом взаимодействия членов комиссии стал «План Олдрича», предполагавший создание Национальной резервной ассоциации, выстроенной вокруг Центрального банка, уполномоченного регулировать финансовые условия и выдавать займы банкам, терпящим бедствие. Автором многих технических положений плана, сделавшим немало для того, чтобы доллар впоследствии занял важное и ведущее положение в мире, стал финансист Пауль Варбург.

Конгрессмен Чарльз Линдберг-старший выступил главным критиком «Плана Олдрича», прозорливо увидев в его положениях черты мегабанка– монополиста с неограниченной финансовой властью. «Данный проект (а вскоре и принятый Конгрессом закон – С.В.) создает самый гигантский трест на Земле, – писал Линдберг, – когда президент подпишет этот законопроект, будет легализовано невидимое правительство денежной власти. Возможно, люди этого не почувствуют, но через несколько лет наступит прозрение».(2) Вудро Вильсон подписал законопроект, ФРС была создана. А прозрение наступило довольно скоро в 1929 году во время начавшегося мощнейшего экономического кризиса.

«План Марбург» был подготовлен в начале XX века, и щедро финансировался Эндрю Карнеги. Это цельная и методически выверенная программа приобретения, а не захвата власти. В соответствии с планом, правительства всех государств должны быть социализированы, в то время как конечная власть должна оставаться в руках международной финансовой элиты для контроля за деятельностью квазиправительств, принудительного установления мира и создания, таким образом, специфического средства от всех политических болезней человечества.(3)

В 1903 г. был дан старт «Плану». В Нью-Йорке был основан клуб социалистов «Х». Его членами были не только социалисты Л. Стеффенс, У. Инглиш, но и банкиры М. Хиллквит, Ч.Э. Рассел, Р. Уикс. В 1908 г. на заседание экономического клуба основным докладчиком стал банкир-социалист М. Хил-

лквит, который имел обширные возможности проповедовать социализм перед собранием, которое представляло богатство и финансовые интересы элит.(4)

Из этой гремучей смеси, симбиоза коммунистов и банкиров и выросло в итоге движение «Интернационала», в которое входили Э. Карнеги, П. Варбург, Г. Гувер и др. В 1910 г. Э. Карнеги «пожертвовал» 10 млн. \$ на создание «Фонда Карнеги» для международных мирных инициатив, а К. Додж обеспечил финансовую поддержку президенту В. Вильсону.

Вудро Вильсон подпал под мощное влияние этих интернационалистов-глобализаторов. Им он был обязан деньгами. Существуют довольно любопытные свидетельства, которые проливают свет на скрытые пружины деятельности американского политического истеблишмента, обеспечившие избрание Вильсона на пост президента США, а также сделавшие личность некоего полковника Э. Хауза фактическим разработчиком американской внутренней и внешнеполитической доктрины. Американские либеральные политики кальвинистского происхождения стали объектом мощного прессинга и манипулирования со стороны лидеров сионистского движения, деятелей Всемирного Еврейского Конгресса, Еврейского лобби внутри страны, вдохновителей и создателей «Плана Марбург». Как справедливо отмечает Дж. Уайс: «Историки никогда не должны забывать, что именно Вудро Вильсон обеспечил Льву Троцкому возможность въехать в Россию с американским паспортом».(5) Как известно, Л. Д. Троцкий также считал себя настоящим интернационалистом.(6)

Объединение англосаксонских усилий по переформатированию международных отношений Вестфальского мира по окончании Первой мировой войны было достигнуто в тесном союзе политических деятелей Великобритании: Бальфура, Ллойд-Джорджа, США – в лице Э. Хауза и Х. Вейцмана – председателя Всемирного Еврейского конгресса. Британский политик того времени Локер–Лампсон писал в одном из английских изданий: «Ллойд-Джордж, Бальфур и я – все мы были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евре-

ям». (7) По замечанию Н. А. Нарочницкой, «это ничто иное, как мессианская идея Кромвеля и его хилиастов, а также идея большинства протестантских сект и кальвинистских церквей в Америке». (8)

Невиданное единение в рамках англосаксонского проекта произошло у сил, направляющих его механизм в участии и в реакции на события Революции 1917 г. в России. Эдвард Хауз и американская элита явно принадлежали к тем силам на Западе, в пользу которых эта революция и совершалась. Разрушители-революционеры были генетически и духовно близки протестантам-преобразователям, последователям О. Кромвеля, казнившим английского короля Карла I. И не стоит недоумевать, почему британский двор – родственники российской царской семьи Романовых – отказали Николаю II в убежище и приюте в Великобритании. Пуританской Англии и кальвинистской Америке была ненавистна православная царская власть, берущая истоки в ещё более ненавидимой ими Византии.

Элита США старалась не упустить ни единого шанса в стремлении к мировой гегемонии, в попытке приватизировать роль мирового арбитра. К середине 1915 г. Вудро Вильсону была внушена идея о создании международной организации, прообраза политического института Лиги Наций, контролирующей ключевые направления мирового развития. В октябре 1915 г. Э. Хауз представил воюющим сторонам проект будущей программы, получивший известность как «14 пунктов Вильсона». Политический расчет был понятен. Если центрально-европейские державы на фоне истощения людских и материальных активов принимают доктрину Вильсона–Хауза, США получают роль третейского судьи, мирового арбитра. В случае их отказа США вступают в противостояние на стороне Антанты, что и произошло. В апреле 1917 г. В. Вильсон писал своему советнику Хаузу: «Когда война завершится, мы сможем заставить их мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем другом, будут в финансовом отношении у нас в руках». Это время ознаменовало конец американской доктрины изоляционизма. США выходят на великую шахматную доску геополитики с программой либерально-универ-

салистского проекта, взрывающей все традиции мировой политики. Программа переустройства мира, нового мышления, перестройки Вильсона (не правда ли, до боли знакомая терминология горбачевско-сахаровской эпохи), раскрытая в «Архиве полковника Эдварда Хауза», отводила России весьма незавидную участь в Новом мировом порядке. «Россия слишком велика и однородна, её надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу русских народов».(9) Э. Хауз определил основные направления американской политики в отношении России в 1918 г.

1. Признание временных правительств, которые создавались или предполагалось создать в различных районах России.

2. Предоставление военной и финансовой помощи этим правительствам.

3. Основная опора на Украинскую раду, Эстонию, Латвию, Литву, поддержка отдельно и большевиков, и Белой Армии.

4. Передача Кавказа Турецкой республике.

5. Среднюю Азию сделать подмандатной территорией, возможно протекторатом Англии.

6. Сибирь отделить и сформировать там своё правительство.(10)

Проект Хауза недвусмысленно и цинично сводился к устранению России из «Большой игры», выступал как международное закрепление грядущего расчленения страны. План был круто слобрен специями и приправами абстрактных ценностей.

По итогам Версальско-Вашингтонской системы США и англосаксы в целом, опираясь на интернациональный финансовый капитал, обеспечили себе лидерство в европейской экономике. «План Марбург» вступил в практическую плоскость. Одна из поставленных целей была реализована. Программа Хауза начала XX века не смогла получить своей полной реализации. На путях глобализаторов встала Россия в проекте – СССР. После распада Советского Союза проект Хауза вошел в открытую фазу и начал явно реализовываться неоконсерваторами в виде доктрины унилатерализма, представляющей собой, по сути дела, неовильсонизм конца XX – начала XXI века.

Попытка внедрения интернационального либерализма в России. Троцкизм.

Американский историк Дженнигс К. Уйас справедливо отмечал: «Историки никогда не должны забывать, что именно Вудро Вильсон обеспечил Льву Троцкому возможность въехать в Россию с американским паспортом».(11) Попробуем разобраться, что заставило американского президента, подталкиваемого и финансируемого из Фонда Эндрю Карнеги, так трепетно и заботливо отнестись к одной из самых ярких и противоречивых фигур грядущей российской революции. Прежде всего, следует отметить, что в этот период Л. Д. Троцкий не был ни прорусским, ни прогерманским, ни просоюзническим политическим деятелем. Троцкий активно выступал с позиций Клуба Марбург за мировую революцию, т.е. как интернационалист. Он обладал обширными и прагматичными связями в высших эшелонах интернационального движения в США и Канаде. Именно в это время у социалистов, большевиков и мирового транснационального капитала была существенная общая идейная платформа – интернационализм. В сущности, следует понимать, что революция и международные финансы не столь сильно противоречат друг другу, если в результате революционной смуты должна установиться централизованная глобальная власть, т.е. новый мировой порядок. Международные финансовые тресты всегда предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Банковское сообщество меньше всего жаждет свободного рынка и децентрализованной власти, поскольку это расплывает власть. (12) Группа банкиров, олицетворяющих мировую финансовую элиту, была абсолютно космополитичной, интернационалистской по своей сущности, нацеленной на экспорт идеи либерального мироустройства, посредством ли мировой революции, или продвижения демократии на штыках, не суть важно. По большому счету, эти элиты не имели национального характера. Они не были ни американскими, ни социалистическими, ни даже капиталистическими. Скорее, их можно назвать поборниками жесткого глобального госуправления из единого центра. Прежде всего, эти люди желали рынков,

130

точнее монополии на мировом рынке как конечной цели. Они не желали ни немецкой, ни русской конкуренции. **Все ресурсы планеты должны были принадлежать и распределяться исключительно среди избранных. Эта группа, очерченная кругом кальвинистского избрничества, была предельно аполитичной, аморальной и циничной.** Ничего личного, только бизнес. В 1917 г. она ставила предельно конкретную и прагматичную цель — захватить русский рынок. Все остальные идеологеммы и теоретические интеллектуальные нагромождения служили лишь ширмой и прикрытием для достижения этой цели.

Ставка в переустройстве России делалась этим людьми на Л.Д.Троцкого (взгляды которого во многом сегодня определяют идеологию американских консерваторов). По свидетельству Р. Уорта, «среди самых заметных эмигрантов, которые возвратились в Россию из США был и Лев Троцкий, он же был самым опасным... На руках у Троцкого находилась крупная по тем временам сумма в размере 10 тыс. \$. Как позднее выяснило специальное расследование, деньги были им получены от американской редакции газеты «Фольксцайтунг», через некоего Г.Вайнштейна, который являлся членом Советского бюро в Нью-Йорке». (13)

Ориентация Л.Д.Троцкого на защиту интересов англосаксонской олигархии подтверждается и его близкими соратниками, в частности Х.Г.Раковским: «Я во всем этом принимал участие, — отмечает он. — Октябрьскую революцию финансировали, те же люди, что и революцию 1905 года, а именно Якоб Шифф и братья Варбург: это значит — великое банковское созвездие, один из пяти банков— членов Федерального резерва... Пока не прибыл Троцкий, проездом из США в Россию, я был единственным человеком, выступающим финансовым посредником... Возвышению Троцкого в значительной степени способствовало его удачная женитьба. Он женился на Седовой, дочери Животовского, объединенного едиными финансовыми узами с банкирами Варбургами. Здесь причина, почему Троцкий одним махом становится во главе революционного списка». (14)

Троцкий активно призывал товарищей по партии сначала ограничиться лишь только нелегальной деятельностью, названной Лениным отзовизмом, затем метнулся ровно в противоположную сторону — выступал за сосредоточение только на открытой,

публичной политике, названной ликвидаторством. По оценке В.И. Ленина, отзовизм и ликвидаторство выступали как две стороны одной медали, служа одной цели – противодействию большевикам, стремлению ограничить революционный процесс достижениями Февраля, за что и заслужил прозвище «Иудушки».(15)

В целом налицо зависимость Л.Д.Троцкого не от идей и взглядов, а от источника финансирования, вполне характерная и для «пятой колонны» путинской России. Многие работы Троцкого проникнуты духом флексибельности подходов, готовностью торговать взглядами, что на деле означало отсутствие настоящих убеждений и принципов. Одним из элементов троцкизма выступал «центризм» как способ консолидации левых и правых группировок, противостоящих ЦК. Этот инструмент Троцкий активно использовал не только против В.И.Ленина, но и против И.В.Сталина. Модель диалектического единства «правого» и «левого» уклонов – универсальная троцкистская схема.

Весьма показательно глобализированный интернационализм Троцкого иллюстрирует цикл написанных им в течение 1925 года статей под общим названием «К социализму или капитализму». Л.Д.Троцкий обозначает постановку проблемы: «Сколько времени будет существовать капиталистический строй, как он будет изменяться и в какую сторону развиваться?» Он предполагает и прогнозирует три варианта развития событий.

1. Гибель капитализма в ближайшее время.
2. Окружающий нас капиталистический мир будет держаться в течение нескольких десятилетий. Его финалом станет мировая пролетарская революция.
3. Капитализм сможет найти в себе силы для дальнейшего развития производительных сил.

«И тогда весь вопрос встанет перед нами совершенно иначе. Это означало бы, что мы, социалистическое государство, хотя и собирается пересест с товарного поезда на пассажирский, но догонять нам придется курьерский. Это означало бы, что капитализм не исчерпал своей исторической миссии, и что развертывающаяся интернационалистическая фаза вовсе не является фазой упадка капитализма, а лишь предпосылкой его нового расцвета».(16) С тех пор и до конца жизни Троц-

кий неоднократно возвращался к своей гипотезе. Процессы, происходящие в США и в западном мире, всегда вызывали у него повышенное внимание. Троцкий первым в России прогнозировал восхождение США в XX веке и их ведущую роль в мировых процессах. Как отмечал он «для понимания грядущих судеб человечества нет темы значительнее, чем эта».(17) И далее, «я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества».(18) Восхищение Троцкого Америкой приводит его к выводу о том, что «капитал увеличивает свои оборотные средства и, главное, заинтересовывает рабочих в процветании промышленности». Это на деле «означает уже полное признание торжества интересов труда и капитала».(19)

Небезынтересна оценка взглядов Троцкого В.Б.Павленко, который подчеркивает, что восторг, испытываемый Троцким от Америки, т.е. от чужого проекта, переходит в ощущение этого проекта как всеобщего, без осмысления того обстоятельства, что «с принятием этой чужой проектности Россию ждет перспектива «зависимого капитализма». Отсюда до либерализма один шаг.(20) Он был проделан Л.Д. Троцким в конце 1930 г. в работе «Преданная революция». Об этих взглядах Троцкого были прекрасно информированы апологеты «Плана Марбург» и именно по этой причине делали на него ставку, подпитывая идейно и финансово. Тесное взаимодействие Запада и Троцкого, как его контрагента, подтверждается солидной источниковой базой, включающей и «Архив полковника Хауса», межуарную литературу, в частности воспоминания У. Черчилля. Институциональным аспектам глобального управления, в том числе с опорой на подрывную деятельность Л.Д. Троцкого, посвящена докторская диссертация В.Б. Павленко.(21)

На политическом счету Троцкого и поддержка высадки англичан в Мурманске и Архангельске, разжигание гражданской войны на Украине, где им было приложено максимум усилий для срыва переговорного процесса большевиков и махновцев. Л.Д.Троцкий имел прямое отношение к втягиванию чехословаков в Гражданскую войну, к созданию Омского правительства А.В.Колчака. Отдельного внимания достойна активнейшая деятельность Троцкого по торпедированию Брест-Литовского

мирного договора. В 1917 году в ранге главы российского внешнеполитического ведомства в беседе с британским генералом Д. Джадсоном Троцкий давал тому клятвенные заверения «всеми силами затягивать переговоры и иметь ввиду интересы союзников». В 1918 году Троцкий обещал английскому посланнику Б. Локкарту пропустить через Россию японские войска для борьбы с Германией.(22) Все эти действия прикрывались и оправдывались теорией «перманентной революции».

В этой связи весьма любопытно утверждение ряда зарубежных исследователей о том, что составлявшая основу троцкизма теория «перманентной революции» являлась не плодом размышлений самого Л.Д.Троцкого, а выступала в качестве теоретико-практической реализации плана, разработанного спецслужбами Великобритании, с успехом применявших его в несколько модифицированном виде на Ближнем и Среднем Востоке для противодействия консолидации ислама и противопоставления его христианству. Алгоритм действий был передан Троцкому в качестве инструкций, полученных им от небезызвестного деятеля российского и немецкого социал-демократического движения А. Л. Гельфанда-Парвуса.(23)

Помимо фактов, свидетельствующих о тесных контактах и взаимосвязи Троцкого с британской и американской разведкой, наличествуют документальные свидетельства контактов Троцкого с верхушкой нацистов Третьего рейха в декабре 1935 г. На встрече с Г. Гессом Троцкий пообещал «согласиться на территориальные уступки, развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте, которая должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским Генштабом».(24)

В контексте вышеприведенных фактов, становится совершенно очевидно, что борьба, которую твердо и решительно повел против троцкизма Сталин, означала курс на решительный отказ от внешнего управления, на защиту национальных интересов и суверенитета. Неизбежность грядущей войны И.В. Сталин хорошо осознавал. Это диктовало рекордно сжатые сроки индустриализации страны. 4 февраля 1931 г. он пророчески предупреждал: «Мы должны пробежать это расстояние в десять лет; либо мы сделаем это; либо нас сом-

нут». (25) В результате его усилий, была ликвидирована угроза финансового закабаления СССР. Советский Союз, выплатив старые займы, от новых решительно отказался, сосредоточив все усилия на промышленной индустриализации с опорой на западные технологии. В этот период Сталин отказался от идеи мировой революции, о чем сообщил американскому журналисту Р. Говарду в интервью 1 марта 1936 года.

Ответом западных агентов влияния, «пятой колонны» явился масштабный заговор, оставшихся под влиянием Троцкого групп в политической и военной элитах. Реакцией стал 1937 год, как пик репрессий в СССР. Но вопрос стоял ведь именно так: либо они нас, либо мы их. Стоит ли все списывать на паранойю вождя народов? Запад прилагал титанические усилия по сведению на нет советского проекта, действуя жестко и цинично. Ответные меры должны были быть адекватными и продуктивными.

Либерализм, как видим, активно использовал троцкизм как внешний инструмент воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в России. Именно троцкистские взгляды лежали как в основе хрущевской «оттепели», так и горбачевской «перестройки». Не изменилось ничего и в наши дни. Цель глобализаторов— интернационалистов жива и активно продолжает реализовываться. Её предельно откровенно излагает Джон Д. Рокфеллер в своей работе «Вторая американская революция», на обложке которой, кстати, изображена пентаграмма (пятиконечная звезда), цементирующей все те же вековые интересы революционеров, оппозиционеров и мирового капитала. Основная идея книги — забота от «общественном благе» через призму защиты индивидуальных прав. Однако манипуляции термином «общественное благо» производятся Рокфеллером исключительно в протестантском ключе, как средство и предлог для самовозвеличивания круга избранных. (26)

Таким образом, обман общества, а не общественное благо составляют сущность неолиберализма, в рамках которого политика является составной частью бизнеса ТНК. Правила неолибералов просты: «Во-первых, дай обществу работать на тебя, и во-вторых, делай бизнес из политики». Это, как пишет Ф. Хоув в работе «Признания монополиста», и есть основные правила либерального капитализма. (27) В общих чертах эта всеобъемлющая и все-

охватная цель была хорошо понятна Сталину, к счастью, очевидной она является и для нынешнего президента РФ В.В.Путина, который подчеркивает, что любая политика санкций, сдерживания и провокаций отзывается эффектом бумеранга.

Могли ли вдохновители «Плана Марбург» предположить, что разжигая пожар мировой революции, содействуя ликвидации православной и монархической России, поддерживая большевиков, они в результате получат совсем не желанный ими политический продукт. Вряд ли, Вашингтон и Уолл-стрит могли предвидеть результаты Второй мировой войны, усиление социалистического (совсем не троцкистского) лагеря, Корейскую и Вьетнамскую войны, развитие ближневосточного конфликта, вставание России с колен при В. В.Путине. То, что кукловодам Бильдербергского клуба и Тройственной комиссии казалось дальновидной и финансово доходной политикой, в наши дни стало кошмаром для избранных и ключительных представителей неолиберализма.

Доктрина унилатерализма. Неокконы.

Неоконсерватизм выступает в качестве идеологии части американской элиты. Первый этап становления внешнеполитической концепции неоконсервативной доктрины приходится на период «холодной войны». Истоки неоконсервативной доктрины следует искать в среде эмигрантов—кальвинистов, прибывших в США в начале XX века. Очагом неоконсерватизма стали интеллектуалы городского колледжа Нью-Йорка. Изначально они базировались на взглядах Л. Д. Троцкого, критикуя как правый, так и левый тоталитаризм. Выйдя из Первой мировой войны в клане победителей, США уверовали в преимущество либерализма, подкрепленного практикой. В мышлении американских неоконсервативов троцкистский интернациональный революционизм заместился на антикоммунистический либерализм.(28)

Следует отметить, что определяющим фактором, который способствовал формированию идеологии неоконсерватизма являлось вильсонианство, согласно которому США были

призваны осуществлять экспорт демократии, распространять либеральные ценности по всему миру.

Неоконсерватизм как стройная доктрина окончательно оформился в конце 60-х – нач.70-х гг. XX в. на фоне социального кризиса 60-х гг., потрясшего, казалось, сами фундаментальные основы капитализма. Происходит радикализация американской либеральной доктрины. В Демократической партии произошел раскол, в ходе которого от нее отпочковались «либеральные ястребы», создавшие «Коалицию за демократическое большинство» (КДБ). КДБ объединила старых нью-йоркских неоконсерваторов и новых вашингтонских.⁽²⁹⁾ Среди них все более утвердились идеи победы в войне с коммунизмом, манихейские идеалы битвы добра со злом. В основе неоконсервативной идеологии лежали мессианские идеалистическо-утопические устремления глобального распространения и утверждения в планетарном масштабе либеральной демократии, как гарантии от опасности тоталитаризма. Окончательное оформление неоконсервативной идеологии и доктрины реализовалось в «доктрине Буша–младшего». Интеллектуальной опорой для неё стали деятели «второго поколения» неоконсерваторов, отличающиеся от «первого» тем, что не имели в своих биографиях левых и марксистских увлечений.

В целом, именно неоконсерваторам принадлежит сомнительная заслуга в закладке теоретического фундамента под идею «глобальной гегемонии» США после 1991 года. Премущественное влияние на практическую американскую внешнюю политику они стали оказывать после трагических событий 11 сентября 2001 г. К наиболее видным и влиятельным неоконсерваторам последнего двадцатилетия относят: Пола Вулфовица, Дугласа Фейса, Льюиса Либби, Ричарда Перла, оказывающих беспрецедентное влияние в духе Э.Хауза на американских президентов и администрацию Белого дома.

Академик Е. М. Примаков в своей книге – размышлении о судьбах современного мира «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость» – приводит весьма характерный пример влияния неоконсерваторов на американскую внешнюю политику. С избранием Рональда Рейгана на пост президента США Р. Перл был назначен помощником министра обороны по международ-

ной безопасности. В 1986 г. миру был дан шанс коренным образом изменить обстановку в области сокращения вооружений. Состоялась встреча Р. Рейгана и М.С. Горбачева в Рейкьявике. Е.М. Примаков принимавший участие в переговорах, вспоминает: «Горбачев, уже провожая Рейгана, при открытой дверце его лимузина предложил вернуться и всё-таки подписать подготовленный экспертами документ. Рейган отказался. Очевидцы были поражены драматизмом этой сцены».(30)

Скрытые пружины механизма произошедшего были раскрыты лишь в 2003 году неоконсерватором Дэвидом Фрамом: «Горбачев изумил американскую делегацию своим предложением в обмен на отказ США от СОИ дать практически то, что добивались все 80-е годы в сфере вооружений. Рейган проводит срочное совещание своих ведущих советников по вопросам обороны. Все предлагают сказать Горбачеву «да», Перл выступает в пользу «нет». И Рейган отвечает «нет».(31) Закономерно, что Р. Перл и по сей день считается главным идеологом американского неоконсерватизма.

Характерной чертой лидеров неоконсерватизма является их переплетение и плотное сосредоточение в Пентагоне и Государственном департаменте. Во многом их политические усилия и взаимопонимание объясняются израильской ориентацией во внешней политике и учетом интересов влиятельных кругов еврейского лобби внутри страны. Нелишним будет напомнить, что вышеупомянутый Ричард Перл во времена между периодами работы в Министерстве обороны США работал главным редактором газеты «Джерусалим пост», являлся членом консультативного совета Еврейского центра по национальной безопасности. В 1996 г. Перл, Фейс и Уермер опубликовали совместное обращение к правительству Израиля, призывая его отказаться от переговорного процесса с палестинцами. Они также давали ему рекомендации по «сдерживанию и отбрасыванию Сирии».(32)

Неоконы сыграли особенно заметную роль в выработке внешнеполитического курса администрации Рейгана. Их влияние уменьшилось при Дж. Буш—старшем, практически сошло на нет в годы президентства Б. Клинтона. Однако было бы неверно считать, что произошел спад их активности. Пол Вулфовиц в 1992 г. разработал программный документ «Руководство по обо-

ронной политике», многие концептуальные положения которого начали активно претворяться в жизнь в годы президентства Барака Обамы. Этот документ представляет собой квинтэссенцию неоконсервативной идеологии, её практическое кредо:

- США не должны допустить появления глобального противника.
- Для защиты своих национальных интересов допустимо и следует применять военную силу.
- Игнорировать деятельность ООН, поскольку она не отвечает американским интересам.
- «Не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию». Принцип, предлагающий не брать в расчет позицию даже союзников, которые обязаны следовать за США.

Акцент в документе ставился на превентивном и единоличном применении силы Соединенными Штатами, в том числе с целью изменения и устранения политических режимов, не устраивающих США, в других государствах.(33)

Документ 1992 г. был доработан и получил дальнейшее концептуальное развитие в 1997 и 2000 годах в работах «Новой американский век», и соответственно «Перестройка американской системы обороны».

Приход к власти республиканца Буша—младшего снова выдвинул неоконсерваторов на политическую авансцену. Главным импульсом, придавшим им беспрецедентную активность, развязавшим им руки, стали события 11 сентября 2001 г. Террористический акт, «Атака на Америку» повергли в ужас всё американское общество, потрясли мир и были использованы неоконками для возрождения планов глобальной гегемонии США и превращения теоретических разработок в практические дела. Это нашло отражение в подготовке и осуществлении доктрины унилатерализма. Она базировалась на принципах, продвигаемых интернационалистами—банкирами в рамках «Плана Марбург» начала XX в., доработанных и расширенных П. Вулфовицем в 1992 г.:

- Построение «Нового мирового порядка», основанного на однополярном мироустройстве.
- Масштабная борьба за изменение расстановки политических сил на «Великой шахматной доске».

- Применение в случае необходимости превентивных мер в форме «гуманитарных интервенций».
- Возможность действия США в одностороннем порядке.(34)

Как отмечает Е. М. Примаков в этот период «правому окружению президента Буша все больше импонировала идея неоконсерваторов, считавших исторической миссией Соединенных Штатов силовое навязывание устоявшейся на Западе модели демократии всем странам, которые, как они полагали (опираясь на протестантский мессианизм – С.В.), испытывают в этом нужду».(35) Так в 2001 г. стартовал американский проект по экспорту демократии, имеющий сходные корни и истоки с троцкистским проектом по экспорту революции. Это сходство весьма закономерно, поскольку оба концепта замешаны на одном тесте марбургского плана, различие лишь в дрожжах, подбрасываемых на каждом временном отрезке.

Следует отметить, что доктрина унилатерализма и перехода либеральной идеологии в новую агрессивную фазу происходила спустя 10 лет после распада СССР, после исчезновения основного противника и оппонента. Идея американского доминирования, «гуманитарных интервенций», экспорта демократии с целью утверждения её в глобальном масштабе определили конфигурацию американской внешнеполитической доктрины в начале XXI века. Идеалистическо–утопическое мессианство стало доминировать в американской внешней политике в годы президентства Буша–младшего. Неоконсервативы стояли и стоят на позиции «твердой линии», жесткой гегемонии. По замечанию К.В. Блохина, «неоконсервативную внешнеполитическую концепцию можно определить как «твердое вильсонянство», отличавшееся от его леволиберальных вариантов своим недоверием к международным институтам, полагавшееся исключительно на использование лишь американской мощи».(36)

Наряду с мессианскими нотками неоконсервативы проводят в жизнь весьма прагматичные установки. Так, сама идея «гуманитарных интервенций» является весьма противоречивой, пропитанной духом маккиавелизма, и применением двойных стандартов. Авторитарные режимы, изобилующие массовыми примерами нарушения прав человека, при условии предоставления территории своих государств для базирования американских войск

и открытия доступа к ресурсам, объявляются вполне демократическими. А демократические, но отказывающиеся подчиняться американскому диктату, объявляются тоталитарными и нередко физически уничтожаются. Новым компонентом либерального неоконсерватизма в начале XXI века стала идея имперства. При этом очевидно то обстоятельство, что статус империи довольно трудно совместить с либеральной аксиологией. Следует также понимать, что насильственное насаждение демократии в планетарном масштабе чревато подрывом самой природы провозглашаемых ценностей либерализма, признающих многообразие человеческой природы.

Неоконсерваторы, как и троцкисты, в контексте «Плана Марбург» усматривают ключевое противоречие современной эпохи в борьбе либеральной демократии и авторитаризма, что выразилось в создании проекта «Лиги демократий» (Дж. Маккейн, В. Кристол),⁽³⁷⁾ призванного консолидировать европейских союзников с США в усилиях по сдерживанию России и Китая. Основным инструментом по «отталкиванию» России от ЕС выступает НАТО, подменяющая, зачастую, ООН.

В целом, идеология либерального неоконсерватизма, логически продолжая традиции, заложенные более ста лет тому назад Э. Карнеги, отрицает традиционное понимание национального суверенитета, поскольку идея экспорта либеральных ценностей неизбежно вступает в конфликт с национальными интересами и традициями, что равнозначно утверждению права силы вместо силы права в современных международных отношениях. Такая ситуация не может длиться вечно и неизбежно подталкивает других участников международных отношений к пересмотру односторонней конфигурации мироустройства.

Примечания

(1) Eichengreen Barry. Exorbitant privilege. The Rise and Fall of the dollar, N-Y, 2011, p. 42-43

(2) Ibid, p. 48

(3) Wise C. Jennings. Woodrow Wilson: Disciple of Revolution, N-Y, 1938, p. 46

(4) Hillguit Morris. Loose leaves from a Busy Life, N-Y, 1934. p. 81

(5) Wise Jennings. Op.cit, p. 647

- (6) О роли Троцкого Л.Д. Подробнее будет сказано ниже.
- (7) Цит. по Нарочницкая Н.А. Россия и мировой восточный вопрос//Анализ глобальных проблем, М, 1999, с. 26
- (8) Там же.
- (9) Архив полковника Хауза, М, 1945, т.4, с. 150-151
- (10) Там же
- (11) Wise J. op.cit. p. 647
- (12) Trotsky L. The Bolsheviks and World Peace, N-Y, 1934, p. 81
- (13) Уорт Р. Антанта и русская революция. Россия в переломный момент истории, М, 2006, с. 52-54
- (14) Цит. по Карпов В.В. Генералисимус, М, 2006, кн. 1, с. 40
- (15) Ленин В.И. О краске стыда у Иудушки Троцкого. Полное собрание сочинений, М., 1971, т. 20, с. 196
- (16) Троцкий Л.Д. К социализму или капитализму?, М, Л, 1926, с. 60-62
- (17) Троцкий Л.Д. Моя жизнь, М, 1990, с. 262
- (18) Там же, с. 262
- (19) Троцкий Л.Д. Европа и Америка, М, 1926, с. 42
- (20) Павленко В.Б. Цит. соч. с. 267
- (21) Павленко В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами. Диссертация на соискание степени доктора политических наук, М, 2008
- (22) Архив полковника Хауса в 2 т., М, 2004, т. 2, с. 258-259., Черчилль У. Мировой кризис, М, 2004, с. 88, 140.
- (23) Майкл Ледин и неоконсерваторы// Завтра , 2006 № 30, с. 1
- (24) Личная секретная служба И.В.Сталина // Сб. документов, М, 2004, с. 27-28
- (25) Сталин И.В. Соч., М, 1951, т.13, с. 39
- (26) Rockefeller Jonh D. The second American revolution, N-Y, 2005
- (27) Howe F. Confessions of a monopolist, Chicago, 1939, p. 41
- (28) Блохин К.В. Внешнеполитическая концепция американского неоконсерватизма и её реализация в отношении СССР и России (1945-2012 гг.) Автореферат к.и.н., М, 2013, с. 15
- (29) Там же.
- (30) Примаков Е.М Мир без России? К чему ведет политическая близорукость., М, 2009, с. 33
- (31) The National Review. 2003. 21. 05
- (32) Примаков Е.М. Цит. соч., с. 34
- (33) Перл Р. Твердая линия, М, 2001, с. 147
- (34) Перл Р. Цит. соч., с. 310
- (35) Примаков Е.М. Цит. соч. с. 37
- (36) Блохин К.В. Цит. соч. с. 16
- (37) Там же, с. 18-19

Глава 6. Глобализация и неолиберализм.

В этом разделе нашего исследования мы попробуем выяснить основные причины резкого неприятия Западом византийского наследия, дать характеристику трансформации неолиберализма в современных условиях, рассмотрим девиацию западного аксиологического проекта, проясним вопрос о демократических ценностях и их носителях в современном мире. Автор далек от мысли, что на все поставленные вопросы удастся найти ответы. Однако постановка проблемы уже наполовину приближает нас к её решению. Вовсе не зря выдающийся философ А. Зиновьев призывал нас к главному занятию жизни: «Думать, думать, думать!» Постараемся задуматься, устранить мировоззренческие химеры и разрушить устоявшиеся стереотипы. Проще говоря, назовем вещи своими именами. И вдруг сразу все станет на свои места.

Самир Амин и Джон Кампфнер об эпидемии либерализма и игре по правилам.

Как было отмечено ранее, в Декларации прав человека и гражданина впервые законодательно было зафиксировано понятие естественных прав человека. Свобода, равенство и братство в совокупности с революционным террором прокатилось по Европе. Французская революция подвергла сомнению и поруганию базовые ценности традиционных обществ: легитимную, дарованную Богом, власть монарха и место церкви в государственной системе. Монархи взошли на эшафот, а место религии занял воинствующий атеизм. В годы папского престола Пия IX (1846-1878 гг.) папство потеряло контроль над Папской областью, и было раздавлено национально-ос-

вободительным движением, апеллирующим к либеральным правам свободного гражданина свободной церкви свободного государства. В связи с этим Пий IX в 1864 г. опубликовал свой знаменитый и широко известный «Силлабус Эррорум» – «Перечень главных заблуждений нашего времени». Среди главных пороков середины XIX века числились: либерализм, рационализм, протестантизм и многие другие.(1) Более 150 лет назад вирус либерализма был весьма трезво оценен как опаснейшая ересь, способная подвергнуть коррозии любую систему. Что же представляет собой в самых общих чертах современный либеральный взгляд на общество?

Весьма примечательны в этой связи взгляды и оценки директора ассоциации «Форум Третьего мира», известного египетского экономиста и политолога Самира Амина, изложенные им в серии статей и монографий. Квинтэссенцией его подходов стала работа «Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира».

По мнению египетского ученого, вирус появился в XVI веке в треугольнике с вершинами в Париже, Лондоне и Амстердаме и вызвал широкомасштабную эпидемию, приобретающая форму социальной шизофрении.(2) При этом Амин уверен, что Новое время, породившее капитализм и либерализм, сформировало псевдонауку, т.е. мир чистого экономизма и идеологии постмодернизма. «Всё это было придумано в Европе на протяжении трёх столетий между Возрождением и Французской революцией». Придумано и навязано миру, приобретая черты, якобы, неотвратимой глобализации под лозунгом либерализма.

В основе либерального взгляда на социально-экономические системы лежит безусловное доминирование экономики над всем остальным. Выставляется знак равенства между социальной и экономической эффективностью, которая, в свою очередь, отождествляется с финансовой доходностью капитала. В этом видится рациональность и стабильность системы. Такой подход основан на просвещенческих истинах Разума (вечных истинах), что, в конечном счете, ведет к торжеству исторического разума,(3) концу истории, т.е. победе глобализации и либеральной идеологии. Не случайно, западные эко-

номисты и политики рассматривают рынок только в совокупности с либерализмом и наоборот.

Самир Амин решительно подвергает критике эту базисную установку, вскрывает её противоречивую сущность. По мнению глобализаторов, капитализм и либерализм это гарантия стабильности и процветания человечества. Однако, это не так. Амин отмечает, что не следует путать рыночную и капиталистическую экономики. **Рынок это конкуренция, а капитализм это границы конкуренции, устанавливаемые монополиями. Отмена регулирования рынков приводит к появлению нерегулируемых рынков либерализма, на деле регулируемых властью ТНК, находящихся за пределами рынка.** Воспроизводство экономической системы капитализма никогда не стремится к равновесию, а переходит от одного состояния к другому. Иными словами, «капитализм синонимичен постоянной нестабильности».(4)

Вульгарный экономизм, неоднократно критикуемый Марксом, является, по замечанию С. Амина, теорией вымышленного мира. Экспансия капиталов абсолютно не содействует гармонизации социальной сферы, не подразумевает никакого общественного развития. Нет никакой занятости, покрытия разрыва между доходами.(5) Отсюда он делает вывод, сводящийся к тому, что капитал и государство неотделимы друг от друга, ибо само функционирование системы капитализма требует постоянного внимания и вмешательства государства, т.е. госрегулирования. Сутью современной эпохи является, таким образом, продукт столкновения экспансии капитала и общественных сил, противостоящих его экспансии.(6) Наступление либерализма в глобальном масштабе, по мнению Амина, «имеет целью преодоление наступающих противоречий современного капитализма, который отжил своё и не может предоставить человечеству никаких перспектив помимо самоуничтожения».(7) Либерализм выступает в виде упрощения всего. В основе этого упрощения – фальсификация, подмены и двойные стандарты, сведение мировоззрения к вопросам, касающимся сиюминутности выбора. Экономизм либерального мышления неизбежно ведет к угасанию и деградации политической жизни.

Очевидно и даже банально утверждение о том, что демократия это возможность альтернативного выбора. Но глобальная экспансия либерализма неизбежно формирует убеждение, что альтернативы не существует. Либерализм объявлен принципом высшей рациональности, т.е. устранена сама возможность и необходимость выбора. А коли так, нет и необходимости в демократии. **Устанавливается диктатура неолиберализма.** Это приводит к рождению явления современного мира, которое С. Амином названо «демократией низкой интенсивности», что приводит к обесмысливанию политики. Глобализированный либерализм вовсе не путь к спасению человечества, вовсе не лекарство от всех болезней. **В реальности западный проект, преемственно развивающийся на протяжении нескольких столетий, может сегодня предложить миру только усугубление неравенства между народами, тотальное обнищание, невозможность демократии.** Весьма примечательно, что «закон обнищания» современные западные экономисты и политики называют «борьбой с нищетой». Всё по Оруэллу, «мир – это война». Капитализм вовсе не тождествен либеральной демократии. В самой природе капитализма скрыт авторитарный потенциал. Это вопрос о связи коллективного и индивидуального. Современный неолиберализм окончательно разрушил традиционную формулу подчинения индивидуума обществу. Современность утверждает приоритет индивидуальных прав над общественным правом. Пусть победит сильнейший. Закон социального дарвинизма в действии.

По утверждению Самира Амина, «идеология прав индивидуума выливается в сущий кошмар», и разрешение на ношение оружия в США, в этом смысле, худшая иллюстрация крайней формы варварской свободы.(8) В традиционном обществе под социализацией понимается примирение индивидуального и коллективного, взаимный учет интересов, социальный компромисс, гражданский консенсус. В глобальном мире социализация происходит через рынок. Люди автоматически превращаются из граждан в участников социально-политических процессов, в потребителей и наблюдателей.

В итоге своих наблюдений и размышлений С. Амин дает характеристику, ёмко включающую в себя квинтэссенцию

современного либерализма, основными чертами которого являются:

- требование эмансипации;
- освобождение от ига социальных традиционных ограничений (в семье, в религии и т.д.);
- радикальная секуляризация (раскол алтаря и трона);
- освобождение экономической жизни от политической;
- капитализм заменяет традиционную прямую зависимость от власти. Ранее власть являлась источником богатства, ныне богатство – источник власти;
- наличие одной абсолютной категории – личной свободы, которая в целом иллюзорна.

В этой своей оценке С.Амин близок к мыслям, изложенным Джоном Кампфнером в работе «Свобода на продажу», который пишет: «Существует пакт государства с гражданами. Это тайная сделка направлена на то, чтобы всех осчастливить. Цена – спокойствие и тишина не кажется столь высокой... Альтернатива? Попробуйте открыть рот, и вам вменяют судебный иск, задавят налогами, сотрут в порошок. Играйте по правилам и будьте в порядке. Свободный выбор может привести к тому, что вы останетесь за бортом».(9)

По саркастическому замечанию Кампфнера, Маркс был не прав, **«опиум для народа – это не религия, а капитализм. Предоставьте людям возможность вволю делать покупки, и они забудут о свободе, равенстве и братстве, перестанут задумываться о том, кто и как ими правит»**.(10)

Освальд Шпенглер примерно 90 лет тому назад предсказал в «Закате Европы», что «эра индивидуализма, либерализма и демократии, гуманности и свободы приближается к концу... Массы с покорностью примут победу Цезарей, сильных людей, и будут повиноваться им».(11) Солидаризируясь со Шпенглером, Кампфнер ставит в своём исследовании вопрос: «Почему столь многие из нас готовы поступиться свободой в обмен на процветание и безопасность? Возможен ли капитализм без демократии, а демократия без свободы? И велика ли дистанция между демократией и капитализмом?» Это вопросы, которые тревожат, волнуют и нас. Какое качество современного мира мы получили спустя 20 лет после «Вашингтонского консенсуса». Последнее

двадцатилетие проповедовалось соединение поддерживающих друг друга кредо: свободного рынка и либеральной демократии. Подъём авторитарного капитализма разрушил эту связь. Западная проектная преемственность дошла до своей кульминации. Мы становимся очевидцами агонии и перерождения Западной социально-экономической модели, глубокого кризиса англосаксонской неолиберальной экономической школы, ставшей причиной политического кризиса современного Запада. Попробуем разобраться, как произошла эта трансформация.

Глобализация и неолиберализм. Суть взаимодействия.

Основной задачей нашего исследования, как отмечалось, является не только выявление сущности и критическая оценка либерализма как идеологии, но и выяснение исторической преемственности и эволюции либерального проекта как основного идеологического проекта западной цивилизации. Цепочка западной проектной преемственности выглядит следующим образом.

I. Латинский (католический) проект в Риме, в римско-католическом Святом престоле. (XI в. — XVIв.).

II. Капиталистический (протестантский) проект с центром в Лондоне. (XVII в. — нач. XX в.).

III. Либеральный (империалистический) проект с центром в Вашингтоне. (нач. XX в. — 1945 г.).

IV. Западный (англосаксонский ультраимпериалистический) проект (1945 г. — по наши дни). Он же «глобализационный» проект.

V. Новый мировой порядок. Конец проекта.

Говоря о глобализации, важно понимать и различать два смысла и два значения глобализации, как **процесса** и как **проекта**. Глобализация в самом широком смысле слова означает объективный процесс всемирного распространения достижений науки, расширение коммуникаций, создание мировой культуры, мирового рынка, формирование общемирового сознания и понимания справедливости, добра и зла. Таким

образом, глобализация выступает как естественный процесс универсализации жизнедеятельности народов планеты. И с этим абсурдно и бессмысленно спорить. Мир, действительно, неотвратимо глобализируется.

Однако глобализация выступает и как проект Запада, как искусственно продвигаемый процесс, как «миростроительство». Основными «ценностями» здесь выступают вестернизация, американизация, секуляризация и подгон под этот шаблон мировой культуры и экономики. По мнению, профессора Тегеранского университета Хасана Азгади, **«проблемы глобализации возникают тогда, когда вместе с приемлемым её реестром предлагают и реестр, который содержит такие моменты, как либерализм, секуляризация и т.д. и предлагают принять все это вместе... Теория либерального капитализма не предусматривает понятие «справедливость».** Эта теория основана на логике индивидуализма, «вещизма», на исключительно экономическом определении самого человека... Проповедники глобализации ратуют за несправедливость под личиной модернизма».(12) С такой оценкой трудно не согласиться.

Особенности Запада как проектной цивилизации сфокусированы в двух ключевых аспектах. Прежде всего, в общности проекта от остального мира: России, Азии, Африки и Латинской Америки. Как отмечает Э.А.Азроянц: «Запад — единственная нетрадиционная цивилизация, которая превыше всего ставит не консенсус и традиции, а право, законы и контракты».(13) Вторая особенность заключается в уверенности идеологов западного проекта в наличии нецивилизованных цивилизаций, а, следовательно, в возможности формирования проекта общечеловеческих ценностей. Иными словами всему миру предлагается, а зачастую навязывается идеологический симулякр, призванный оправдывать глобальную корпоративную экспансию, с помощью которой Запад транслирует остальному человечеству свою секулярную проектную идею.(14) Глобализация призвана сформировать социально-экономические условия для завершения западного проекта — воплощения в жизнь концепции «нового мирового порядка», т.е. создания международной классовой системы, в которой власть, опираясь на олигархов, принадлежит долла-

ру, контролируется международными институтами СБ ООН, МВФ, Всемирным банком и многочисленными правовыми организациями. После распада СССР эти организации в условиях однополярного мира заняли одностороннюю позицию, причисляя каждое государство, народ, лидера, действующих вопреки воле Запада, к фундаменталистам, террористам, а взгляды представителей научной элиты, выступающих против идеологии либерализма, были объявлены ненаучными. Очевидно, что РФ не субъект, а объект западного аксиологического проекта. Выжить, укрепить, сохранить себя Россия может только с помощью разработки контридеологии либерализму, вскрыв его деструктивную сущность. Чем, собственно, мы с вами и пытаемся заниматься.

Проект космополитизации человечества создает колоссальные возможности управления и манипуляции им. Однако глобализация уже дает сильные сбои, имеет крайне негативные последствия, так как разрушает основы независимости, самобытности и суверенитета народов. Не происходит никакого слияния во «всемирную цивилизацию», так называемую, «мировую деревню». Разве сегодня Запад, Восток, Север и Юг полагают равными правами в использовании средств массовой информации? Скорее всего, незападные страны становятся объектами информационно-психологических войн со стороны цивилизованного Центра. Разве все имеют равное право выразить свою позицию, не подвергаясь цензуре? Сегодня часто говорят о «мировой деревне». «Но кто является хозяином этой деревни? — задаётся вопросом Хасан Азгади. Разве избран действительно демократический путь развития этой деревни? Все ли имеют право участвовать в управлении современным миром или некоторые вынуждены существовать на правах граждан второго сорта? В мире доминируют двойные стандарты и право сильнейшего. Азгади продолжает: «Какие меры принимаются сегодня для обуздания милитаризма и насилия? Если бы в период борьбы против нацизма ваших отцов объявили террористами за то, что они сопротивлялись фашистам, кого следовало бы считать цивилизованными людьми?»(15)

Содержание современной эпохи, называемой европоцентристами постмодерном или неолиберализмом, на самом деле,

является высшей и возможно конечной точкой в развитии империализма — а именно — глобализмом, как вернее и точнее именовать глобализацию в её постмодернистском прочтении. Главным содержанием глобализма стал, как отмечает В.Н. Березовский, процесс виртуализации, который позволяет действовать и использовать манипуляции и симуляции «для прикрытия вполне реальных процессов эксплуатации и неэквивалентного обмена, для получения сверхприбылей путём откачки ресурсов с всё новых, присоединяемых к системе «цивилизованного мира», территорий.(16)

Основным инструментом глобализма становится виртуализация жизни, подмена реального виртуальными образами, то есть симулякрот. Итогом такой манипуляции выступает исчезновение материальных, осязаемых благ и ресурсов, уход человечества в компьютерные облака. Так, например, переход на расчеты через безналичные счета на банковских картах позволяет мировой финансовой элите держать фактически под прицелом личные счета, доходы и расходы каждого индивидуума. Наличные объявлены архаикой, фактически, поставлены вне закона. Ведь они делают человека относительно независимым. Глобалисты не заинтересованы в этом. Нужен тотальный контроль и прямая зависимость «глобального человеконика» от ТНК.

Конечной целью этих манипуляций является изменение всей системы восприятия человеком себя и всего окружающего мира, превращение его в легко управляемую единицу манипулируемого общества. Производство имиджей, брендов вытесняет производство реального продукта. По меткому определению Ж. Бодрийяра, культура подменяется миром культурных знаков, которыми никогда нельзя насытиться. Что неизбежно приводит к неутолимой жажде потребления.(17)

Виртуальный империализм или глобализм использует в качестве своей идеологической базы агрессивный неолиберализм, требующий устранения любых барьеров на пути «движения» капиталов и ресурсов. Движущей силой глобализма стали международные финансовые институты и ТНК. Катализатором выступают местные либеральные элиты. В обмен на сдачу национальных интересов страны, они получают шанс на выживание и сохранение своего положения в формирую-

щемся глобальном пространстве. Порождение глобализации вовсе не новое философское видение мира, скорее это кризис идеи западной проектной преемственности. Напомним, что кардинальные изменения в природе капитализма произошли в начале 70-х годов XX в., именно тогда был опубликован пресловутый прогноз Римского клуба «Пределы роста». На уровне крупнейших компаний и финансистов было принято и легитимировано решение об отказе от какого бы то ни было реального обеспечения денег и привязки рынка к производственным процессам.

«Из производительной силы капитал перешел в сугубо «извлекательную» – подчёркивает В. Н. Березовский. С этим трудно не согласиться. Западный проект фактически встал на экстенсивные рельсы, вынося производственную сферу за границы «цивилизованного мира» и экспортируя технологии и знания. В конечном счете, западный проект потерял интерес к сохранению и развитию индустрии, трансформируясь в финансово-спекулятивную пирамиду.

Чистый или вульгарный экономизм глобализма определил и характер политической власти, опирающейся на идеологию неолиберализма. Глобальная модель Запада это вне территориальная пирамида, опирающаяся на денационализацию в самом широком понимании. Это и разрушение национальных суверенитетов и денационализация капиталов. «Никем не избранная власть, стремящаяся к национальному господству над миром, – таково, по мнению В.Н. Березовского, существо нынешнего мирового капитала, уступившего соблазну легкого, экстенсивного пути развития, который открылся благодаря новым способам контроля над сознанием масс и одновременно сдачей позиций прежними антагонистами в обмен на возможность присоединиться к близким по духу паразитическим элитарным кругам новой пирамиды».(18)

Третья мировая война давно реализуется как проект, разворачивающийся последние 23 года. Если войны XX века конечной целью ставили передел поделённого мира, пересмотр национальных границ, то современная специализация Запада в качестве итога стремится к перераспределению мировых

ресурсов и устранению суверенитетов. Главным инструментом неокOLONиальной системы является отрицание норм международного права и принятие решений в одном центре во имя и исключительно ради удовлетворения собственных геополитических амбиций. В основе запущенной Западом манипулятивной схемы лежит уже упомянутая система создания культурных знаков и образов, выступающих несоразмерным по значению эквивалентом материальных и интеллектуальных ресурсов, периферийного мира в координатах «Запад и все остальные». По сути дела, за печатный долларовый станок, за наименование брендов, приправленных назойливой пропагандой демократии, прав человека и либеральных, открытых рынков, современный расширенный Запад изымает у незападного мира природные ресурсы и материально-производственные активы, ничуть не заботясь об их воспроизводстве или экономии. «Глобализм опирается на абсолютно неограниченное передвижение капитала и ресурсов. Власть капитала без каких-либо границ поставлена в качестве аксиомы. Передвижение, естественно, не означает притока капиталов и ресурсов в присоединяемые к системе страны, а совсем наоборот».(19) Происходит обескровливание и медленное умерщвление национальных экономик.

Следует осознавать, что **глобализм по своей природе антигосударственен**, поскольку национальные правительства и национальные территориальные границы препятствуют разграблению и изъятию ресурсов. В силу этого глобализация как этап в развитии новейшей истории так тесно хронологически совпадает и переплетается с массовой вспышкой терроризма. **Глобалисты готовы поддерживать любые антигосударственные силы вне зависимости от их природы и характера.** «Арабская весна» 2010–2011 г. и события на Украине в феврале–октябре 2014 года тому яркое свидетельство. Транснациональная глобальная элита, разрушая и взламывая национальные суверенитеты, не заинтересована в создании компенсирующей государственной власти. Результатом борьбы за либеральную демократию и права человека зачастую становится формирование хаоса, анархии и террора племенных и клановых группировок, как это было в Югославии, Ираке, как это происхо-

дит в некогда процветающей при Муаммаре Каддафи Ливии и в наши дни на Украине.

Создание таких очагов и эпицентров «управляемого хаоса» планируется на уровне АНБ для подрывной деятельности, направленной на любую возможную проектную конкуренцию в сфере перспективных и крупных государственных и надгосударственных проектов. **Уничтожая джамахирийскую модель в Ливии, борясь с режимом Асада в Сирии и так называемой муллократией в Иране, осуществляя государственный переворот на Украине, Запад в качестве окончательной цели видит современный российский государственный проект, ориентированный на формирование евразийской интеграции.**

Глобализация как идеологический концепт направлена на формирование людей мира, космополитов. В сущности, их жизненное кредо — «Родина там, где меньше налоги». Вульгарный экономизм неолиберальной схемы рассматривает мир как единое, вненациональное пространство, в котором нет места патриотизму, Родине и национальным суверенитетам. **Современный неолиберализм глобализации через подрыв и отрицание моральных устоев, продвижение вызывающих, эпатирующих общество форм поведения, призывает к гедонизму, удовлетворению примитивных инстинктов, продвигая философию социал-дарвинизма. Достижение успехов любой ценой во имя удовлетворения все более возрастающих потребностей становится нормой в глобальном мировом порядке.** По оценке В.Н. Березовского, «глобализм включает присоединяемые страны в последовательно все более низкие слои паразитической пирамиды, делая их заложниками виртуальной империи, ... ведет к деиндустриализации присоединяемых стран, где разрушается социокультурная база реальной экономики, ликвидируются «нерентабельные отрасли образования и науки».(20)

Новая глобалистская этика зиждется на презрении к людям труда, обесценивании материального производства. Офисный планктон, умеющий «делать деньги», идет в авангарде глобализации, ибо материальное производство — дело отсталой Периферии. Во главу угла поставлено потребление и потребитель. Любые моральные ограничения объявляются нарушением прав

и свобод. Трудиться и работать в таком обществе попросту не модно и не престижно. Но не этим тенденциям суждено определять мейнстрим грядущего развития.

В неолиберальном сознании рожден специальный термин, заменяющий понятие Отечества — страна пребывания. Либералы используют ресурсы места пребывания, отправляя заработанные капиталы в тихие зарубежные финансовые гавани. В силу того, что спекулятивные сделки и торговые биржевые операции составляют «соль» глобальной экономики, ключевой фигурой глобальных рынков становится трейдер (продавец). Деятельность транснациональных элит направлена на деиндустриализацию и подрыв системы образования, внедрение новой, иной аксиологии стран-объектов глобальной интервенции. Производительные, научные и творческие силы глобализируемой, поглощаемой страны либо приглашаются к сотрудничеству на основе безусловного признания и продвижения либеральных ценностей, либо исключаются из профессионального сообщества, объявляются изгоями.

Агрессии подвергаются все традиционные ценности, в особенности семья и религия. Индивидуализм противопоставляется коллективизму, объявленного толпой со стадным инстинктом, и рассматривается как идеальное воплощение гражданских свобод. В СМИ продвигаются шоу, в которых высшей доблестью становится подлость, эгоизм и предательство. Глобализм в качестве таргетируемой мишени видит, прежде всего, историзм нации. Её культуру и язык. Поэтому **всячески поощряется отказ от своего языка, в пользу некоего «международного».**

Неолиберализм насаждает мироустройство, которое во всем утверждает приоритет меньшинств: как властных, так и сексуальных. Обобщенный портрет героя либерального времени это нечто свободное от труда, ответственности, морали, не терпящее возражений и препятствий к удовлетворению своего эго—потребления, не имеющего историко-культурного фундамента, родства не помнящего. Неолиберализм понимает демократию как диктатуру индивидуальной свободы, а не демократию для всех членов социального организма. Осно-

вываясь на примитивном экономизме, философии потребления и комфорта, неолиберализм неизбежно приходит к состоянию вещей, когда экономическая детерминанта подчиняет себе все остальное. «В этом весь секрет его духовной нищеты».(21)

Следует сфокусировать внимание на том обстоятельстве, что либерализм в современном мире находится на стадии исчерпания легитимности, по сути дела, утратив свое системообразующие предназначение, направленное на четкую юрисдикцию и нациестроительство, характерные для Нового времени. **Либерализм утрачивает самостоятельную идеологическую роль, обслуживая интересы глобалистов и вырождаясь в свою противоположность, обрекая глобализацию на неизбежное перерождение в тоталитарную диктатуру ТНК.** Эти процессы дают веские основания И. Валлерстайну констатировать эрозию легитимности и исчерпание либерализма. По его мнению, «основная причина краха либерализма – это неустранимые противоречия, имманентно заложенные в самой структуре капиталистического мира – экономики».(22)

Глобализация – это время, наступающее после либерализма. В современном мире требуется лишь институциональное подтверждение гибели либерализма, ибо сам факт его краха и перерождения налицо. В основе либерального капитализма лежало общество комфорта, всеобщего благоденствия. Сегодня эта идея трещит по швам. Мир становится все более жестким, силовые спецоперации, гуманитарные интервенции, нарушающие международное право, стали атрибутом современной политики. Углубляется всемирная экономическая и демографическая поляризация. Широкое обеспечение социальных благ неизбежно наносит удар по столпу либерализма – комфорту. А раз нет комфорта – нет и социального консенсуса. Эпоха либерализма завершилась. И это факт, с которым трудно спорить. Началась эпоха неолиберализма, которая по логике исторического парадокса, продолжает и одновременно разрушает традиции западного проекта, сформированные в течение нескольких столетий, являя собой, даже с формальной точки зрения, высшую и последнюю стадию западного аксиологического проекта.

Византийское наследие и девиация западного проекта.

И в заключение главы поговорим о Византии. Возможно, обращение к этому вопросу приблизит нас к пониманию, за что же российский государственный проект так не любим на Западе. Для начала следует вспомнить, что гуманизм Ренессанса вовсе не единственный и феноменальный. В тени Возрождения остается гуманизм Византии XI – XIV вв., берущий истоки, как видим, значительно ранее. В это время в Византии возрождается и расцветает религиозный гуманизм, также базирующийся на основополагающем концепте атропоцентризма, но имеющий принципиальные отличия от культурной западной проектности.

Водораздел западноевропейского и византийского гуманизма проходит по линии, основанной не на отрицании и умалении божественного начала, а на утверждении возможности обожения человека. Речь идет о возрождении и восстановлении канонов раннего христианства, получившего развитие в течении исихазма, призывающего к покою, созерцанию, безмолвию, что является неизменными атрибутами восприятия душой духовной реальности. Как справедливо отмечает С. А. Нижников: «Если Возрождение обожествляло самого человека, развивая учение о человекобожестве, то исихазм говорит о возможности его обожения, т.е. развивает учение о богочеловеке».(23)

Свои истоки исихазм берет с творчества Симеона Нового Богослова и получает концептуальное развитие в трудах Григория Паламы. После падения Византийской империи, идеи восточного гуманизма не пресеклись, а перешли на Русь. Таким образом, следует понимать, что гуманизм сформировался и существует в двух различных формах, ипостасийных явлениях: светской и религиозной. Следовательно, **для поиска мировоззренческих ориентиров в современности следует не противопоставлять светский гуманизм религиозному, а настойчиво искать точки их соприкосновения в борьбе за истинную демократию и защиту прав человека.**

Как отмечалось ранее, логика рассуждений данного исследования построена на выявлении особенностей западно-

го аксиологического проекта от Возрождения, Реформации, Просвещения до неоллиберализма в условиях глобализации. Глобализация, глобализм ассоциируются, априори, исключительно с западными ценностными подходами. Однако стоит задуматься над вопросом о том, является ли западный проект глобализации, западный глобализационный вектор единственным. Более того, возможно сформулировать проблему ещё более смело, остро и перспективно: **Является ли сегодняшний западный проект западным, цивилизационно близким и продолжающим традиции Древнего Рима, о чем постоянно напоминают современные западные глобалисты?**

Попробуем выстроить цепь рассуждений и приблизиться к пониманию этой непростой проблемы. Если допустить, а исторические факты позволяют нам это сделать, что существуют два вектора глобализации, то следует, прежде всего, отметить их принципиальную разницу. Восточный глобальный проект явление сугубо идеологическое, а потому нередко завершающееся крахом в конечном итоге. (Персия, Карфаген, Монгольская империя и т.д.) Западный проект опирается на экономику, зачастую вырастает из технического задания, прикладного характера первоначального замысла, Великие географические открытия, экспедиции испанской и португальской короны в Америку, формирование Британской колониальной империи и т.п. имеют конкретное экономическое обоснование, проводились во имя наживы, приобретения материальных активов, усиления ресурсной базы.

На Востоке идеология инициировала запрос на овладение ресурсами, задавая тональность активности. На Западе идеология служила оправданием уже состоявшегося обладания ими. В чем нельзя не заметить фундаментальную разницу.(24) Таким образом, в экономической сфере Запад всегда был успешнее. Ситуация становится прямо противоположной, когда мы обращаемся к сфере духовного, культуры. В доантичный период и средневековье подавляющее большинство открытий совершались в рамках восточного проекта. Возвращение знаний о себе Запад осуществлял лишь через арабскую и византийскую традиции, далее двинувшись по пути секуляризации, обмирщения мышлений и потребностей. Вследствие чего в

современном западном проекте возник дефицит распространения широкого гуманитарного образования. На этом фоне, подкрепленным философией потребления и вульгарного экононизма, на Западе возникла полная утрата объективного и адекватного восприятия реального мира во всем его многообразии. Латинская пословица «ex oriente Lux» права: духовный свет доподлинно исходит с Востока. Весьма небезынтересным явлением в контексте противоборства двух проектов является византийский проект. Каково его место и где оно? На Востоке или Западе?

Византийская империя или Восточная Римская империя, прежде всего, оставалась в варварском западном мире после падения в 475 г. Западного Рима, единственным легитимным представителем, продолжателем и хранителем традиций классического Рима. Эту простую и очевидную констатацию весьма часто забывают западноевропейские историки. **Варварское нашествие прервало римскую традицию на Западе, отбросив его на периферию развития, варваризировав Запад. Падение же Византии в 1453 г. и подхватывание исторической преемственности Московской Русью, Третьим Римом перенесло традицию византийской духовности и учености в Россию, тем самым сделал Русь, продолжателем традиций цивилизованного центра, противопоставленного варварской периферии. Именно в этом смысле противостояния Востока и Запада, секрет многовековой ненависти варварского Запада к Византии и Руси-России.**

Эгоизм, алчность, зависть к блистательному византийскому веку, бесспорному моральному авторитету Византии объединили Запад в борьбе с великой империей. По замечанию Ф.В. Шелова-Коведяева, «непроходящая общеевропейская ценность её (Византии) культурного наследия после её исчезновения, быстро забылась. Что позволило идейным последователям тех, кто с черной неблагодарностью наблюдал за её гибелью, ученикам Вольтера и Гиббона, оболгать её как сугубо восточную сатрапию. Последствия чего сильно дают о себе знать как в западноевропейском, так и отечественном сознании».(25)

Важно акцентировать внимание на том факте, что Византия или Восточная Римская империя была продолжателем западного имперского политического проекта, а император в

Константинополе оставался единственным легитимным цезарем. Стремление романо-германцев испепелить Византию ярко демонстрирует двойные стандарты средневекового Запада. **Ненависть к Византии во многом базировалась на её легитимности, величии, могуществе и блеске. В силу этого византийские императоры были объявлены деспотами и тиранами. Варварские династии Запада стремились через уничтожение Византии присвоить себе право законных продолжателей традиций Рима.**

Пороки, выявляемые и критикуемые в Византии, были далеко не чужды и западному обществу. Деспотизм, раболепие, произвол власть имущих, униженность низших сословий и бюрократизм ярко проступают на страницах произведений Джонатана Свифта и Франсуа Рабле. Пороки природы человеческой были общими для средневекового менталитета, как Византии, так и западной цивилизации. На этом фоне упускается из вида то, что, несомненно, в Византии было прогрессивно, и чему Запад у неё научился. «Партии, сенат, муниципальное самоуправление, унаследованные ею от античного периода, продолжали в ней функционировать тогда, когда в Европе о таких формах и не подозревали».(26) Немаловажно отметить, что эти формы политической организации раньше всего возникли в европейских городах, находившихся под византийским контролем, в Венеции и Флоренции. Не стоит также забывать, что классический английский парламентаризм сформировался под непосредственным византийским влиянием. В Византии сохранялось и бережно передавалось наследие философских и политических школ античности, фундаментальные естественнонаучные знания, ставшими эталонными для монастырей и университетов Запада. В VII в. в Византии существовали мастерские по изготовлению глобусов, тогда как аналогичное производство и не без влияния Византии открылось в Англии лишь в конце XI в. Система права, адаптированная Юстинианом под потребности и запросы восточнохристианского общества, легло в основу концептуальных юридических систем Запада. Фресковая техника, романский стиль оказали огромное воздействие на изобразительное искусство Западной Европы. Сам Ренессанс был бы не возможен без византийского наследия. Его попросту бы не было.

Исходя из вышеизложенного, налицо проступает цивилизационный комплекс Запада перед Византией, сводящийся к осознанию непреложного факта, что перед ними легитимная наследница истинных европейских (римских) порядков, а они сами — варвары, сокрушившие Западную Римскую империю, но не одолевшие Восточную. Конечно, Запад хотел и хочет поныне освободиться от своего несовершенства, от комплекса нерадивого ученика. Однако преодоление этого комплекса «пошло не по пути изгнания из себя дикаря, а уничтожения зеркала, в котором тот отражался».(27) Отсюда и вполне читаемая ненависть к русскому проекту, наследующему византийский.

Основным обвинением в адрес Византии, восточной сатрапии всегда было то, что Восток (Китай, Византия, Россия и т.д.) в качестве основного приоритета выдвигает идеологию, вследствие чего неизбежно страдает экономика. Все восточные проекты — идеократии. Предположим, что это утверждение верно. Тогда что же мы наблюдаем сегодня? Девиацию западного проекта, который на наших глазах, участвуя в санкционной войне, превращается в восточный, то есть абсолютно идеологизированный. И это ставит под большое сомнение успешность его завершения. США, достигнув статуса Римской империи, поддались восточному соблазну. Их действия утратили прагматизм, и конечной целью внешней политики стал объявленный ими поход за всемирной демократией. В последнее десятилетие Америка впервые выдвинула идеологию в качестве обоснования своих прерогатив. С неуёмным азартом США участвовали и участвуют в локальных конфликтах и спецоперациях по всему миру от Югославии, Ближнего Востока до Украины. Такой неуместный безоглядный кураж государства с походкой шатающегося пьяницы, нетвердо идущего за очередной порцией хмельного пойла, делает перспективу гибели западного проекта обоснованной реальностью. Не будем забывать, что именно за этот грех древнегреческие боги смертельно карали счастливых.

Если принять вышеуказанную доказательную базу, что же мы увидим в сухом остатке? Византия законная наследница Рима и его ценностей. Россия — наследница Византии, Третий Рим, а четвертому не бывать. Россия делает ставку на эко-

номическое развитие, никому не навязывает свои ценности и смыслы, пытаясь лишь донести до мира правду о себе и своих намерениях.

Запад выступает как продолжатель традиций гуннов, готов, т.е. варваров, старательно век от века, бьющий зеркала, в которых отражается его истинное обличье, ненавидящий ненавистью нерадивого ученика своего строгого и справедливого наставника — Византию и Россию.

Таким образом, совершенно очевидно, что в последнее десятилетие западный проект, поставив на идеологию, переродился в восточный, а российский — открывшийся миру, со ставкой на экономическое развитие и гражданские свободы — в западный. Так тогда, кто же кого учит? Варвары и дикари (Запад), экспортирующие демократию, легитимную наследницу Римской империи — Россию? Ведь можно и так сформулировать вопрос. Однако воздержимся от любой абсолютизации и апологетики. Ведь наше рассуждение имело целью лишь несколько отрезвить тех, кто активно указывает нам на наше место в мире, сбить накал дискуссии и начать поиск к сближению, к диалогу, поскольку кто на сегодня законный наследник высокой цивилизации — вопрос, однозначного ответа, на который нет, да и не будет. Это и не главное. Главное понять друг друга, попытаться начать с чистого листа на принципах взаимного уважения строить новую мировую архитектуру, мировой порядок, в котором будут созданы условия для того, чтобы ни одно государство мира не заняло господствующее положение сюзерена, диктующего свою волю вассалам.

Примечания

(1) *Le encicliche sociali dei Papi. Da Pio IX u Pio XII (1864-1946)*, Roma, 1946, p. 3-13, 737-749

(2) Самир Амин *Вирус либерализма*, М, 2007, с. 6-7, с. 75

(3) Там же, с. 13

(4) Там же, с. 18

(5) Там же, с. 21-22

(6) Там же, с. 23-24

(7) Там же, с. 26

- (8) Там же, с. 69
- (9) Кампфнер Д. Свобода на продажу. Как мы разбогатели и лишились независимости, М, 2012, с. 14
- (10) Там же, с. 113
- (11) Шпенглер Освальд. Закат Европы, М.,1995, с. 321
- (12) Азгади Хасан Рахимпур. Справедливость и глобализация// Глобализация и справедливость, М, 2007, с. 88-92
- (13) Глобалистика. Под ред. Мазур И.И., М, Спб, Нью-Йорк, 2006, с. 101
- (14) Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития», М, 2011, с. 1-52
- (15) Азгади Х. Цит. соч. с. 94-95
- (16) Березовский В.Н. Россия и её ориентиры в современном мире//Главная тема № 7, 2005, с. 25-26
- (17) Бодрияёр Жан Общество потребления., М., 1999, с. 212
- (18) Березовский В.Н. Цит. соч., с. 31-32
- (19) Там же, с. 33
- (20) Там же, с. 35
- (21) Там же, с 41
- (22) Валлерстайн И. После либерализма, М, 2003, с. 110
- (23) Нижников С.А. Цит.соч. с. 106
- (24) Шелов-Коведяев Ф.В. Цивилизация на перекрестках глобальных парадоксов//Главная тема, М, 2005, № 7, с. 225
- (25) Там же, с. 254
- (26) Там же, с. 225
- (27) Там же, с. 256.

Глава 7. Петр I и протестантизм. Начало болезни русской жизни.

Резкое обострение отношений России и Расширенного Запада в 2014 г. на фоне государственного переворота и гуманитарной катастрофы на Украине обнажило саму сущность фундаментальных противоречий, носящих цивилизационный характер. Маски сорваны, исчезли мнимые предлоги и объяснения, вроде того, что расширение НАТО на Восток не против России, а размещение систем ПРО в Восточной Европе против Ирана, разрабатывающего ядерное оружие, и истинные апостасийные оппоненты оказались лицом друг к другу. Вновь, как и столетия тому назад, протестантский Запад и наследница Византии Россия разошлись в оценках будущего вектора развития мира, а Украинский кризис как лакмусовая бумажка и катализатор обнажил, сделал явными эти противоречия. И снова те же фантомные боли, отзывающиеся в сознании Запада: русофобия, неприкрытая экспансия, геноцид, подкрепленные риторикой расистских неолибералов.

В очередной раз усиливающуюся Россию Запад пытается окружить санитарным кордоном, изолировать от «цивилизованного» мира. Россию продолжают бояться как образа «ино-го», «другого». Россию пытаются оболгать, выставить в самом пагубном и омерзительном свете, парализовать экономической блокадой. Эти трудности наша страна, без сомнения, преодолеет и выйдет из них лишь более сплоченной и экономически более самостоятельной.

При этом, что, на мой взгляд, крайне важно, Запад, сам того не желая, оказывает всему Русскому миру неоценимую услугу – саморазрушает свой вчерашний, в глазах особенно либеральной российской интеллигенции, имидж. Из-за демократического фасада, в местах обсыпания, а кое-где и обрушения штукатурки, проглянуло истинное обличие зверя,

пышущего ненавистью ко всему русскому. В этой связи накал либеральной риторики стал стихать. Аккуратнее стали высказывания даже в цитадели и оплоте либерализма на радиостанции «Эхо Москвы». Однако очередной виток напряженности, рожденный, как справедливо отмечает В.В.Путин, не по нашей вине, снова ставит вопрос о том, что же так отличает Россию и Запад, стоит ли нам так стремиться на Запад, где мы не нужны, и может быть полезны лишь в качестве лакеев, пастухов, свинопасов и горничных, почему столь сильны последние 200 лет либеральные настроения в среде русской интеллигенции, и когда впервые семена либерализма упали на российскую почву.

Многие западные философы понимают и отмечают различия Запада и России как различия не народов, а миров. О. Шпенглер отмечал: **«Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир... Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам это всегда осознавал, проводя разграничительную черту между «матушкой Россией» и «Европой». Для нас русская душа... остается чем—то непостижимым. И это не заставляет сомневаться в той неизмеримой пропасти, которая лежит между нами и ними».**(1) «Не ново открытие, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому её ослаблению», — писал с горечью Иван Ильин. И современная Европа, построившая свой земной рай, все ещё не избавилась от неуверенности перед Россией.

Несмотря на это, столетиями Запад прилагал и прилагает титанические усилия встроить Россию в Запад, осуществить перекодировку цивилизационных кодов, разрушить российскую традиционность и самобытность. Когда военная экспансия не приносит ожидаемых плодов, Запад пытается действовать информационно-психологическими методами, внедряя в российскую политическую элиту кураторов, проповедующих

западные ценности, как это было в годы Перестройки, когда идеи Реформации (именно так и называлась его книга) внедрил в сознание М.С.Горбачева А.Н.Яковлев. Однако истоки процесс берет значительно раньше в XVIII веке, поскольку такие кураторы были и у Петра I Великого.

Аксиоматично эпоха Петра I Великого ассоциируется в российском сознании и русской истории как время великих и масштабных преобразований. И это, действительно, так. В сфере внешней политики они хорошо известны, и нет ни малейшего резона ставить завоевания Петра I под сомнение. Произошло основательное расширение России, ставшей империей, был построен флот, прорублено окно в Европу, Россия стала серьезным конкурентом британской талассократии. Однако, несмотря на то, что заслуги Петра I чрезвычайно велики, многие его внутренние реформы носили далеко неоднозначный, а зачастую и весьма противоречивый характер. Такие внедренные им новации, как Всешутейший собор, самоличное участие в казнях и брандобритиях, нередко трактуются историками как курьезное, потешное отклонение от нормы. На наш взгляд, эти оценки страдают либо методологической близорукостью, либо исторической наивностью. Ибо в основе реформирования всего уклада русской традиционной жизни Петром I, лежали весьма глубинные и фундаментальные причины, базирующиеся как на психологии самого русского сударя, так и на рекомендациях, советах, подсказках окружавших его иностранцев, наводнивших нашу страну в те времена. За изменениями в быту, образовании, церковной реформой стояли не шалости Петра, а трудный выбор во впервые сформулированной для Руси дилемме: протестантская модель или византийское преемство?

Подробно и детально эта проблема рассмотрена в трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В. Бергмана, Н. Устрялова, Н.О. Ключевского, Ю.Ф. Самарина, Н.Я. Данилевского, современным отечественным историком С.И. Реснянским, выводы которого представляют для нашего исследования несомненный и немалый интерес.

Как уже отмечалось, основной удар современного неолиберализма направлен на традиционные вековые ценности, на

православие и сами духовные устои и скрепы российской государственности, на десакрализацию мировоззрения, на высмеивание патриархальных устоев. Генезис этого процесса, несомненно, берет начало в петровские времена.

Первым давшим резко негативную оценку этой стороне петровских реформ был Н.М.Карамзин, который в «Записке о древней и новой России» писал: **«Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранное, государь унижал россиян в собственном их сердце»**.(2) Крайне важным представляется и следующее наблюдение Карамзина: «Петр ограничил своё преобразование дворянством. Дотоле от сохи до престола, россияне сходствовали между собой некоторыми признаками наружности и в обыкновениях, — со времен петровых высшие отделялись от низших, и русский увидел немцев в русских дворянах».(3) Таким образом, задача Петра заключалась в отчуждении сословий, в атомизации общества, разрушении представлений о коллективной общей жизни и коллективном спасении.

На активное внедрение в российское сознание концептов, направленных на обмирщение, десакрализацию при Петре I, обращает пристальное внимание С.М.Соловьев, конечно же, не употребляя самого термина «десакрализация». Он пишет: «Петр бросился на улицу и попал в Немецкую слободу — и преобразование приняло другое направление... Славяно-греко-латинская академия отходит уже на второй план; **являются другого рода учителя... немцы-протестанты; и блюститель патриаршего престола Стефан Яворский считает нужным бороться с протестантскими стремлениями, протестантскою пропагандою**»(4)... (выделено мной — С.В.) По мнению С.И.Реснянского, у Соловьева здесь в завуалированном виде едва ли не впервые в отечественной историографии высказывается мысль о богословско-догматической подоплеке десакрализации быта, осуществленной Петром I, которую следует рассматривать как привнесение в него протестантских воззрений в ущерб православию.(5)

Среда, сформировавшая Петра, это Немецкая слобода, в которой решающее воздействие на Петра оказывал швейцарец-кальвинист Франц Лефорт. С.В.Соловьев на богатом фактичес-

ком материале показывает, что Петр I, прежде чем перейти к масштабной десакрализации, проделал все это в личном быту. Наряду с традиционными сакральными формами времяпрепровождения московских царей Петр утверждает элементы чуждого, неправославного быта. Быт расщепляется, трещина между сословиями увеличивается, появляются исключительные и богоизбранные, предназначенные к спасению и чернь. В жизнь традиционного русского общества, строго иерархичного, упорядоченного, Петром внедряется карнавал, шутовство, получает реабилитацию смеховая культура Западной Европы, разрушающая устои, переворачивающая всё и вся вверх дном, с ног на голову. Эти инновации особенно ярко проявились в деятельности скандально известного Всешутейшего и Всепьянейшего собора. На свадьбе шута Якова Тургенева бояре и окольные ехали на быках, на козлах, на свиньях, на собаках в шутовских нарядах, сам жених ехал на царской карете. К этому эпизоду не стоит относиться как к невинной потехе. В данном случае невозможно не заметить тройного кошунства над русским бытом той эпохи: насмешка над церковными соборами, пародия на таинство брака, издевательство над социальной иерархией — бояре поставлены ниже шута.(6) В.О.Ключевский также описывает картину масштабной пародии на уставы и обряды православной церкви в деятельности Всешутейшего собора, производившую эпатазирующее впечатление на все русское общество: «Раз на Масленице царь устроил служение Бахусу. Патриарх, князь—папа Никита Зотов пил и благословлял гостей, осеняя их сложенными накрест двумя чубуками... Предметом шутки он делал и собственную власть, величая князя Ф.Ю. Ромодановского королем, государем, а себя рабом и холопом».(7)

С.М. Соловьев настаивает на особой роли Ф. Лефорта, своеобразного куратора русского государя, во всех этих новациях, который постоянно находился рядом с царем и подсказывал идеи и общее направление преобразований. Важными вехами в процессе десакрализации света стали отправка молодых людей на обучение за границу и поездка самого Петра I в составе Великого посольства в 1697-1698 гг. По мнению Соловьева С.М., само авторство этой идеи принадлежит Ле-

форту. Хотя Соловьев и не приводит конкретных аргументов в пользу этой гипотезы.(8)

Ропот в народе вызывали не только инициативы по реформированию сословного быта, но и десакрализация самого образа жизни государя. Царь не живет в царских чертогах, идет пешком во время триумфального въезда в Москву после взятия Азова, то есть совершает неподобающие Помазаннику Божию поступки. В трактовке С.М.Соловьева коренные изменения быта Петр I начинает сразу же по возвращению из-за границы в 1698 г. После «репетиции» теперь его действия приобретают уже характер государственных изменений. 26 августа 1698 г. последовал указ о брадобритии. Стоит напомнить, что в то время мужчину без бороды на Руси мужчиной не считали. «С гладким как у бабы лицом», такие характеристики звучали в те времена. Борода, таким образом, выступала как один из половых признаков идентификации. Без бороды – не мужчина. Интересен следующий, в общем, очевидный факт. Если в допетровской Руси брадобритие было личным делом каждого и, безусловно, порицалось общественным мнением, то теперь оно становилось делом государственным, проводящимся по инициативе самого государя. Автор исследования с большой осторожностью относится к попыткам модернизации истории, перенесению современных установок в XVII век. Но аналогии столь очевидны, что невольно рождаются ассоциации, в которых все же имеется рациональное зерно. Ну как не сравнить кощунства Всещутейшего собора с кощунством «Пусси Райот», а пропаганду брадобрития с пропагандой гей-парадов и однополых браков. Правда, Запад по-прежнему выступает в авангарде преобразований в сфере морали и сексуальных отношений, теперь там женщины носят бороды. Чудны твои дела, Создатель.

Панорама насилий над бытом и антисакральное поведение самого Петра I дополняется самоличным участием государя в казнях. Выходило что-то немислимое. Царь освящает посредством своего участия пытки и казни, вместо традиционно милостивого монаршего стиля поведения. Петр, как известно, открыто сожительствовал с немкой Анной Монс, а свою законную супругу – Евдокию Лопухину отправил в монахини.

Это коробило и раздражало, рождало в народе самые невероятные слухи и сплетни, явно не способствующие укреплению имиджа государя. Своими манифестами об упразднении патриаршества, о мерах по ограничению монашества, о преследовании нищих и кликуш, Петр прямо следовал по протестантскому кальвинистскому мировоззренческому и религиозному коридору, в котором нет места беднякам и неудачникам. Сохранились свидетельства о попытке немецких полковников в Астрахани заставить людей есть мясо в постные дни. Все эти новации воспринимались населением как прямое покушение на православие. Отсюда и курьезный народный слух о «подмене царя», о том, что Петр — ненастоящий царь. Прямые аналогии с перестройкой, распадом СССР, с покушением на советское наследие, со слухами в народе о подмене Генсека.

Ю.Ф.Самарин одним из первых среди исследователей обратил пристальное внимание на протестантские симпатии Петра I и его попытки привнести в церковный уклад и народный быт элементы протестантизма. В его трудах десакрализация быта предстает не как бытовое обмирщение, а как попытка искусственной замены православной основы быта на протестантскую. Упразднение патриаршества в этом случае не является следствием эмоций, сиюминутной вспышки раздражения государя, а выступает как продуманная мера, навеянная вывезенными из Западной Европы впечатлениями. По сообщению русского посла в Риме князя Куракина, имела место беседа Петра I и английского короля Вильгельма, «который советовал, взяв в пример Англию, сделаться самому главой религии в своей стране, без чего он никогда не будет у себя полным господином».(9) Ещё один куратор? Ещё один пример англосаксонского «убийства на расстоянии»? Не исключено.

Ю.Ф.Самарин выстраивает следующую причинно-следственную цепочку связей. Обстоятельства юности и молодости Петра выбили его из чопорных, патриархальных порядков и устоев кремлевского двора. Он оказался на «улице». Маргинальное окружение сделало его заклятым врагом всякого церемониала. Его десакрализованные привычки и сознание привили с помощью «доброжелателей» из ближнего круга ему

симпатии к протестантизму, чем и объясняется насаждение взглядов, кощунственных с точки зрения православия, но допустимых и безвредных с позиций протестантизма, учившего о «спасении верой» для избранных.

Петру I, по мнению Самарина, была недоступна глубокая религиозность, он не понимал предназначения церкви вне государства. Именно в этом выразилась «его протестантская односторонность с своей точки зрения, он не понимал, что такое церковь, он просто её не видел; ибо сфера её выше сферы практической...» Вместе с иностранным Просвещением проникли в Россию и протестантские мнения ... Тут и там слышались насмешливые укоры на все старое, не шадившее и веры православной». (10) Глубокий анализ, осуществленный Ю.Ф.Самариным, по сути дела, привел к выделению двух основных этапов масштабной петровской десакрализации: десакрализации сознания и десакрализации образа жизни, причем первостепенное значение им отводится именно изменениям в сознании, которые затем проецируются на реальную жизнь. (Те же политехнологии внедрялись в конце 80-х — нач. 90-х в XX в. в СССР, активно обкатываются на современной Украине). Именно в этих петровских преобразованиях кроются истоки вируса либерализма в России, давшие обильные всходы и сомнительные плоды в XIX, XX и начале XXI века, заразившие русское общество «европейничаньем», стремлением на Запад. Н.Я.Данилевский констатирует: «Петр I нанес величайший вред будущности России... Русская жизнь была насильственно перевернута на иностранный лад... Мало-помалу, это искажение стало распространяться и вширь, и вглубь..., проникать в самый строй чувств и мыслей, подвергшихся обезнародывающей реформе». Заимствования приводили к подражательному характеру отечественной культуры, оценивались Данилевским как «болезнь русской жизни». В частности, перенесение на русскую почву технических приемов западноевропейской живописи, возвращенной Гуманизмом и Реформацией, уводило русских художников от иконы как идеала всякой живописи, т.е. при Петре I в России XVIII в. в культуре происходили процессы, которыми Запад был охвачен два столетия назад. Так зада-

вался догоняющий вектор псевдоразвития, формировались неравноправные, пока лишь в сфере культуры, отношения Запада как Центра и России как Периферии. Задача «догнать и перегнать Запад» не оригинальна в российской истории. Этим ложным путем двигался и Н.С.Хрущев, реформы которого были изначально обречены, поскольку в идеократической стране он провозгласил чисто материальную цель, подменив Высокое бюргерскими идеалами потребления. Добровольно отдавая лидерство в сфере культуры и идеологии, Россия неизбежно со временем должна была пересест в прицепной вагон, следующий в экономике и геополитике в арьергарде англосаксонского Запада. В петровскую эпоху, несмотря на выдающиеся внешнеполитические прорывы, достигаемые опорой на силу воли и духа русского солдата, началось унижение народного духа, поскольку унижению и осмеянию подвергалась сама его основа – православная вера. Данилевский горько отмечает: «Все чему придается название русского, считается теперь как бы годным лишь для простого народа, не стоящим внимания людей более богатых или образованных».(11)

Подведем некоторые итоги петровских преобразований.

1. В эпоху Петра I началось активное втягивание России в чуждую ей протестантскую аксиологическую модель, обрекающую наше государство на периферийный, догоняющий путь развития.

2. Этот процесс был облегчен психологией самого русского государя, ужасными впечатлениями его детства. Стрелецкий бунт 1682 года, в ходе которого на глазах у Петра были растерзаны два его родных дяди Алексей и Иван Нарышкины, оставил в его сознании болезненный след и отвратил его от древнемосковского христианства.

3. Всем этим умело воспользовались на Западе, вовремя посоветовав Петру как реформировать невежественную Русь, направив её по пути Просвещения и Гуманизма под знаменем протестантизма, через Франца Лефорта и других иностранных деятелей в его окружении.

4. Петр I упразднил патриаршество, учредил Синод, фактически и юридически самопровозгласил себя главой и церк-

ви, и государства по англосаксонскому принципу, внедрив на Русь невиданный дотоле принцип цезарепапизма.

5. Как отмечает архиепископ Серафим (Соболев): «Петр I окружил себя протестантами, относился к ним с особенным вниманием, предоставлял им важные места на государственной службе, несмотря на то, что держали они себя высокомерно, с презрением относились к русской старине и даже к самой вере русского народа».(12)

6. Бытовые нововведения Петра разрушали традиционный уклад жизни, вытесняя из него сам дух православия.

7. Петр I буквально за уши втягивал Россию на Запад, сближая русский народ с европейцами.

8. Петр отворил ящик Пандоры, подвергнув осмеянию и поруганию традиционные российские ценности посредством Всешутейшего и всепьянейшего собора.

9. Петр I содействовал распространению на Руси табакокурения, алкоголизации русского народа. В уставе Всешутейшего собора прямо указывалось требование каждодневно не ложиться спать трезвым. Шла прямая и открытая пропаганда пьяного образа жизни. В допетровские времена Русь пила медовуху, и пьянство считалось тяжелейшим грехом. В этой связи совсем нелишне будет вспомнить, что алкоголизация на Западе носила всеобщий, всеохватный характер. Эпидемии чумы и других заболеваний диктовали необходимость постоянно поддерживать организм в состоянии дезинфекции, употребляя крепкие алкогольные напитки. Пили все и помногу, от мала до велика. Лишь колониальные захваты, в ходе которых Запад открыл для себя чай и кофе, спасли его от вымирания в ходе масштабной алкоголизации.

10. Раскрепощение сексуальных отношений также сомнительная заслуга русского монарха.

11. В ходе противощерковных реформ Петр I добивался охлаждения в русском народе к православной вере. Результатом стало умножение вольнодумства, распространения в России масонства, сектантства, нигилизма, социализма и других опасных либеральных заблуждений.

12. Петр I развернул штурвал курса российского государства от семьи, общины и коллектива к возвышению че-

ловеческой личности, индивидуализму, к атомизации общества.

13. Русский император обладал психологией революционера, и её не могли не увидеть на Западе. Он страстно хотел, чтобы все в России обновилось до неузнаваемости. Петровская реформа означала сдвиг и подрыв в душевных глубинах российского менталитета. Знаковым явлением, ломавшим традиционные воззрения и привычки, стало учреждение Кунсткамеры. Монстров на Руси всегда считали сатанинским отродьем, а Петр всеми силами завлекал народ на просмотр этих уродств и перверсий.

14. В эпоху Петра производство вещей потеснило производство слов, были заложены основы материализации России. Через обмирщение и десаκραлизацию прокладывалась дорога к грядущему культу потребления и гедонизму как образу жизни.

15. В ходе секуляризации образования впервые у обеспеченных слоев на Руси возникла тенденция давать детям образование за рубежом, на Западе.

16. В общем, реформа Петра I была направлена на изменение нравственного идеала русского народа. На место «Святой Руси» надлежало поставить идею Великой России, т.е. осуществить секуляризацию идеала государственности.

17. И наконец, последнее обстоятельство. В эпоху Петра во времена величайшего прорыва России, расширения географии российского государства, блестящих воинских побед, строительства мощнейшего флота, Запад впервые применил к России рецепт информационно-идеологического убийства на расстоянии. Бисмарк очень верно в своё время подметил: «Победить русских в открытом бою невозможно. Однако можно внедрить в их сознание чуждые им ценности, и тогда русские победят себя сами». Именно в рамках этого тезиса Запад и выстраивал свои отношения с петровской Россией, отчетливо понимая и видя силу и мощь созданного Петром государства. Запад пошел по пути взлома исторического кода, нашептывая на ухо Петру рекомендации то голосом Ф. Лефорта, то английского короля Вильгельма. При Петре крушения России не случилось. Однако посеянные зерна дали свои всходы через несколько столетий при М.С.Горбачеве. И тогда

случилось непоправимое. Волею одного человека было разрушено мощнейшее и весьма жизнеспособное государство, собирать которое, через кровь, пот и слезы приходится вот уже четверть века. Дай, Бог, нам сил и терпения.

Примечания

- (1) Шпенглер О. Пруссачество и социализм, М, 2002, с. 147-148
- (2) Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России// В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, М, 1997, с. 27-29
- (3) Там же, с. 29
- (4) Соловьев С.М. История России с древнейших времен, М, 1991, кн. VII , с. 428-436
- (5) Реснянский С.И. Церковно-государственная реформа Петра I, М, 2009, с. 147
- (6) Там же, с. 148
- (7) Ключевский В.О. Исторические портреты, М, 1990, с. 175
- (8) Соловьев С.М., Цит. соч., с. 467
- (9) Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России М, 1880, с. 214
- (10) Там же, с. 240-241
- (11) Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М, 1991, с. 217
- (12) Арх. Серафим (Соболев) Русская идеология, М, 2000, с. 31

Глава 8. Россия в поисках себя.

Процессы глобализации неизбежно ставят человечество перед проблемой унификации ценностей, аксиологических ориентиров, духовных скрепов. Однако предметом серьёзной дискуссии является вопрос о том, что понимать под «унификацией». Является ли это формированием некоей единой заданной матрицы для планетарного менталитета? Кто формирует новые смыслы, внесенные в повестку дня? Что является общечеловеческими ценностями и существуют ли они в действительности? Сегодня очевидно, что мир активно движется в сторону англо-саксонского проекта либерального мира, «плавильного котла».

Небезынтересно вспомнить, что это понятие вошло в политическую лексику после премьеры в 1908 г. в Колумбийском театре Вашингтона одноименной пьесы. Автором произведения был известный британский драматург, выходец из России Израил Зангуилл. Весьма знаковым было присутствие на премьере президента США Теодора Рузвельта. В финале главный герой произносит патетическую речь: «Вот он великий плавильный котёл!... Кельт и латинянин, славянин и тевонец, грек и сириец, черный и желтый ... Здесь все они и объединяются, чтобы создать Республику Людей и Царство Божие...».(1) Т.е., следуя логике автора, американцы воплощают в себе достоинства всех людей, следовательно, обречены логикой исторического развития, следовать в авангарде социально-политических процессов создания Царства Божия на земле. К этому активно призывал и протестантизм, призывающий брать от жизни все: здесь и сейчас. Так, по сути дела, формировался американский мессианизм, заложенный в концепции Божьего града на земле ещё первыми переселенцами. Значит унификация мира в его американизации. Либе-

ральный проект был сначала предложен, а в конце XX – начале XXI в. навязан как стандарт.

Однако очевидным остаётся факт, что не всякий успешно функционирующий в одних цивилизационных границах проект может быть успешен при механическом перенесении его в инокультурную среду. В своё время К.Маркс в фундаментальной работе «Британское владычество в Индии» показал деструктивные последствия внедрения колонизаторами в Индии демократических принципов и разрушения традиционного общинно-иерархического уклада.(2)

Катастрофой и провалом заканчивались и попытки «демократического транзита» на российской почве. Отмечается устойчивая связь попыток западных, либеральных реформ российского государства с феноменом «русской смуты»: от Лжедмитрия I до М.С.Горбачева. Парадигма российской государственности вот уже не одно столетие блуждает в лабиринте политических систем и цивилизационных моделей в поисках обретения смысла, пути развития, пытаясь выявить устойчивые ориентиры, определить демаркационные линии цивилизационных разломов. Современная Россия, по-прежнему, пребывает в сомнениях относительно выбора между западничеством и славянофильством, оставаясь государством с непонятным будущим и непредсказуемым прошлым. Если пользоваться терминологией А. Дж. Тойнби, то в начале 90-х XX века в России спало «напряжение границы» и «платой за свободу стала опасная потеря равновесия».(3) Развернулись дискуссии, всколыхнувшие гражданское и научное общество, о том какое будущее нас ожидает, каково соотношение формационного и цивилизационного в методологии познания истории. Снова обрели актуальность извечные российские вопросы: Кто виноват? Что делать? Хотя логичнее было бы задаться вопросом: Куда идти? Какова конечная цель пути? В чем самобытность нашей национальной идеи и в чем, наконец, заключается русская национальная идея, которая должна стать скрепом нашего народа и российской государственности.

90-е и 2000-е принято называть «переходным периодом». Это выражение давно уже стало фигурой речи и употребля-

ется столь часто и бездумно, что потеряло смысл. Однако в этой фразе сокрыт большой смысл. Если период переходный, то это переход от чего к чему? От коммунизма к капитализму? От периферии к центру или наоборот? От традиционного общества к современному? От православия к протестантской этике? От национального государства к своему месту в глобальном мире (бензоколонке Европы, как вариант). Вопросов много, но очевидно одно обстоятельство. Как справедливо отмечает С.Г.Кара-Мурза: «Сегодня мы застряли в пространстве между двумя разными типами государства и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где главным и почти тотальным средством господства станет манипуляция сознанием»,⁽⁴⁾ информационно-психологические войны, уже наглядно проявившиеся в Арабской весне 2011 года.

В начале 90-х годов российские обществоведы приступили к самобичеванию, подключив к процессу самоистязания всё общество. Россия проклинала прошлое, забыв о предостережении Ф.М.Достоевского, прозвучавшего в «Бесах»: «Кто проклянет прошлое, тот уже и наш». Мы отказывались от самих себя, от своих традиций и ценностей, забыв о долге, морали, патриотизме, чести и достоинстве. Мы, наконец-то, порывали с проклятой деспотией, азиатчиной и вступали в ряды цивилизованного человечества, т.е. Запада, который призвано манил россиян обществом потребления, массовой культурой, джинсами, жевательной резинкой, вседозволенностью и одновременно правами человека. Демократы, пришедшие к власти в постсоветской России, выдвинули задачу добиваться «превращения России из большого гиганта Евразии в члена западной зоны сопроцветания», «учиться у передового клуба как жить цивилизованным образом, в частности при прямом участии на всех этапах западных экспертов подготовить и осуществить совместные программы реформ в сферах экономики, безопасности и конверсии». (5)

За двадцать лет родилось и выросло новое поколение, генерация с совершенно новым культурно-историческим кодом, ставшая продуктом глобального мира. Это – то поколение, которое, позабыв о былых заслугах своих национальных лидеров, позарившись на западные глянцевые картинки «Twitter» и

«Facebook», растоптав традиционность и веру, снесло политические режимы Бен Али в Тунисе, Мубарака в Египте, Салеха в Йемене, растерзало Каддафи в Ливии. И как здесь снова не вспомнить слова Тойнби: «Может ли кто-либо заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть поглощённым ею целиком и полностью». (6)

Преодоление «переходного периода», таким образом, состоит, прежде всего, в том, чтобы обрести культурную идентичность, овладеть новой ситуацией в духовном пространстве и «восстановить присущее нашей культуре координаты для ориентации в вопросах Добра и Зла». (7) Необходимо снять розовые очки, западнцентричные шоры. Словом, вместо того, чтобы бесконечно теоретизировать, необходимо взять и измерить гипотенузу и катеты десятка треугольников российской социально-экономической системы и вывести, сформулировать эмпирическое правило.

В начале 90-х гг., пожалуй, наиболее резонансными и обсуждаемыми стали две концепции, выдвинутые известными американскими учеными Ф.Фукуямой и С.Хантингтоном. Распад, саморазрушение СССР убедил Запад в силе и прогрессивности его идеологии. Ведь СССР не проиграл в войне, горячей схватке, а «развалился» именно в силу, как утверждали на Западе, ущербности и бесперспективности своей идеологии. Как обоснование «нового мирового порядка» и возникла концепция Фукуямы о «конце истории», т.е. об абсолютном торжестве западной либеральной демократии. Ф.Фукуяма не был первым, и наверняка не будет последним апологетом истории. Когда-то Гегель видел политический идеал, совершенство в прусской авторитарной монархии, называя её венцом исторического развития. Однако Фукуяма, увлекшись теоретизированием, как-то не заметил главное диалектическое противоречие своей научной гипотезы. Конец истории – это её смерть, а сущность исторического процесса – движение, жизнь во всем многообразии, не поддающаяся тотальному контролю и абсолютному прогнозированию. Эволюция российской политической системы последнего десятилетия и поиски РФ своего места и роли в международных отношениях убедительно свидетельствуют о том, что Фукуяма явно пото-

ропился с прогнозом. Его взгляды, навряд ли, приведут человечество к светлому будущему. «Если слепой ведёт слепого, то они оба упадут в яму». (Матфей. XV. 14)

Контраргументом теоретизированием Ф.Фукуямы стала концепция С.Хантингтона, который, напротив, усмотрел в постбиполярном мире новые вызовы и угрозы. Столкновение цивилизаций, основной водораздел между которыми проходит по линии евро-атлантической цивилизации и остального мира, по прогнозу Хантингтона, неизбежно, ибо цивилизационный экспансионизм Запада обернулся против него самого. Обретают силу и мощь исламская и православная цивилизации, все настойчивее заявляющие о себе. С.Хантингтон подчеркивает: «С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к своим собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации» Ближнего Востока, а в последние годы и споры о вестернизации или русификации новой России. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик». (8)

Не вдаваясь в методологические аспекты формационного и цивилизационного подходов, суть дискуссии между которыми в примирительном, по мнению автора, ключе заключается в тезисе «Нет формации вне цивилизации, нет цивилизации без формации», стоит лишь отметить аксиологическую сторону вопроса.

Сама идея множественности, а не многообразия, является полярной идее унифицированной цельности, единства. Абсолютизация вариативности имеет самые деструктивные последствия для осознания духовного единства человечества, т.к. смещает систему с оси координат, размывает границы между добром и злом. Осознавая угрозы, содержащиеся в концепте множественности миров, суд инквизиции принимает в 1600 г. решение о сожжении его автора – Джордано Бруно, поскольку его постулат подрывал традиционную систему ориентиров «Бог – Дьявол». (9)

Теоцентричная модель мира, таким образом, выстроена на основе противостояния добра и зла. Концентрация цивилизационной вариативности, предложенная А.Дж.Тойби и продолженная С.Хантингтоном в ценностном аспекте, противоречит теоцентристскому подходу, т.к. множественность цивилизаций предполагает множественность подходов к определению «добра и зла». Перспектива для духовного единения на основе базовых традиционных ценностей при такой постановке вопроса упраздняется. Понятие «добра и зла» в современном глобальном мире монополизируется глобализаторами и устанавливается только в их трактовке и понимании.

Таким образом, духовное единство глобализирующегося мира возможно либо на основе американской модели, либо на основе традиционных ценностей, под лозунгом индонезийского поэта XIV Мпу Тантулара «Единство мира в его многообразии». Каково же место России в этих процессах?

Итак, вопрос о поиске и обретении себя в мире для России сводится к формулировке пресловутого эмпирического правила. Опыт погружения в западноцентричную модель результата не дал, зато дал опыт и понимание его неэффективности при внедрении на российской почве. Хотя российский политический истеблишмент и бизнес-элита, все еще заражены вирусом западофилии, американозависимости. Азиатчину, тиранию и деспотизм российское общество решительно отвергает. Так с какой же политической системой Запада или Востока ассоциирует себя гордый двуглавый орел российской государственности, внимательно вглядывающийся и на Восток, и на Запад? Что нам стоит заимствовать и перенимать у Запада и Востока, каков цивилизационный фундамент для обретения самоидентичности? Так ли страшен азиатский деспотизм? Может быть, мы снова оказываемся в плену стереотипов, ложных представлений, становимся игрушкой в руках манипуляторов сознанием, громогласно разделяющих мир на цивилизацию Запада, основанную на священной частной собственности и правах человека, либеральной демократии и традиционного дикого средневекового отсталого Востока, представленного режима—изгоями Ирана, Сирии, коммунистическо-капиталистического Китая и др. Испытываю надеж-

ду, что рациональный анализ позволит выявить сухой остаток, а российское общество вместо восторгов и умиления западно-центричностью и проклятий, посылаемых в адрес азиатчины, наконец-то, придет к объективной оценке политических систем Запада и Востока, а вопрос выбора пути развития станет значительно более ясным, если мы попробуем разобраться в дефинициях, уточнить смысл смыслов. Задача амбициозная, но достижимая. Попробуем приблизиться к её решению.

Проблема общественного строя стран Востока неразрывно связана с методологической концепцией «Азиатского способа производства» или азиатского деспотизма, которая и является «ключом к восточному небу». (10) Суть её сводится к отсутствию на Востоке частной собственности, господстве сельской общины и безраздельной политической деспотии. Наша задача заключается в том, чтобы на конкретном историческом материале предельно лаконично (что обусловлено самим жанром статьи) показать как осуществлялась индокринация понятия «восточный деспотизм» в европейской историографии, и выявить корректность сопряжения понятия «деспотия» с определением «азиатская» или «восточная». При анализе необходимо учитывать, что название режимов является лишь символом, а их самоидентификация намного сложнее. Следовательно, необходимо снятие идеологических смысловых нагрузок и многомерное, многослойное изучение деспотизма как политического явления.

Несмотря на заслуги и лавры Ф.Бернье – французского философа, врача и путешественника, который в своей книге «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола» отметил главную специфическую черту социально – экономического строя стран Востока – отсутствие частной собственности на землю; первый шаг в этом направлении был сделан за несколько десятилетий до него Томасом Ро, бывшим в 1615 – 1619 гг. британским послом при дворе Великого Могола Джахангира и первым подметившим эту особенность на Востоке. Ро писал: «Он (король) наследует каждому подданному после смерти». (11)

Линия исследований Ро, Бернье была продолжена в трудах братьев Паттонов, Р.Джонса, Т.Раффлза, К.А.Виттфогеля,

К.Маркса и Ф.Энгельса. Понятие «азиатского способа производства», выдвинутое и сформулированное Марксом и Энгельсом, действительно, позволило выявить и понять специфику общественного строя Востока, однако не вписывалось в стройную пятичленную картину теории общественно-экономической формации. Более того, возможно, Маркс оказался в теоретической ловушке, поскольку во всех своих трудах Маркс и Энгельс исходили из постулата о том, что основой эксплуатации является частная собственность на средства производства, а в странах с господством аграрного сектора – частная собственность на землю. Отсюда следовал убийственно логичный вывод, что в обществе, где не было частной собственности на средства производства (т.е. на Востоке), не могло быть ни эксплуатации, ни классов. Следовательно, такое общество вполне соответствовало критериям коммунистического. Но эксплуатация человека человеком, вплоть до права распоряжения жизнью граждан, была на Востоке, деспотия как форма политического устройства тоже. Таким образом, необходимо было либо объявить восточные деспотии коммунистическими, либо неизбежно придти к еще более парадоксальному выводу: отсутствие частной собственности и классов неминуемо ведет при коммунизме к установлению деспотической власти. Как полагает К.А.Виттфогель, Маркс, ужаснувшись такому открытию, отказался от употребления термина АСП, надолго спровоцировав тем самым научную дискуссию по вопросу АСП. Многочисленные дискуссии 30-х, 50-60-х, 90-х ХХ в., по сути, ничего нового не дали и ясных результатов не внесли. Однако сама теоретическая база позволила советскому и российскому историку Ю.А.Семёнову сгенерировать, по моему мнению, прорывную и, к сожалению, не известную широкой общественности концепцию «политарного способа производства» весьма применимую к России. Ю.И.Семёнов ввел в научный оборот понятие «общеклассовой частной собственности», базирующейся на иерархически организованной корпорации верховных собственников, состоящих из низших собственников, более высоких верховных советников и, наконец, наивысшего собственника. Такая частная собственность названа им «персонально-корпоратив-

ной» и проиллюстрирована на примере западноевропейского феодализма и возникновения абсолютизма в Западной Европе (рядовые дворяне — бароны, графы, герцоги — король). Группой, владеющей средствами производства (работниками) и использующей их для безвозмездного присвоения продукта их труда, может выступать класс эксплуататоров в целом. В этом случае средствами производства владеют все члены господствующего класса вместе взятые, но — ни один из них в отдельности. Это и есть общественная частная собственность, которая всегда приобретает форму государственной собственности. По мнению Ю.И.Семёнова, именно такая форма собственности и лежит в основе АСП. (12)

Следовательно, «азиатский способ производства» вовсе не является азиатским, а присущ определенному этапу всемирной истории развития обществ и Востока, и Запада. Не случайно, после возвращения Бернье из Индии и публикации его трудов, Людовик XIV проявил повышенный интерес к социально-экономическому устройству империи Великих Моголов и задался вопросом, а не внедрить ли эту систему во Франции, закрепив де-юре сложившиеся де-факто отношения собственности и объявить французского абсолютного монарха верховным собственником земли. Ужаснувшись этому намерению, Ф.Бернье в «Записке к Кольберу» постарался показать неприемлемость такого подхода.

Определение «азиатский» сформировалось и в связи с тем, что европейцы при изучение социально-экономических отношений на Востоке столкнулись с теоретически непривычной для них формой собственности, но, как ни парадоксально, практически существовавшей при позднем феодализме и абсолютизме в самой Западной Европе. Двойные стандарты, субъективизм и самодовольный европоцентризм не позволили европейским исследователям провести объективный анализ и привели к тому, что эти отношения получили клишированное определение азиатских и деспотических. Дескать, подобные отношения могут существовать только при поголовном рабстве на деспотическом авторитарном Востоке и абсолютно неприемлемы на Западе. Этот способ производства, отличный от рабовладельческого, феодального и

капиталистического существовал, таким образом, не только в Азии, но, по мнению К.А.Виттфогеля и Ю.И.Семёнова, в Европе, Африке, доколумбовой Америке, в царской и советской России. Именно поэтому методологически неправомерно именовать его «азиатским». Ю.И.Семёнов предлагает называть его «политарным» (от греч. полития – государство) или политаризмом, верховного правителя – политархом. Причем политарх был не собственником, а верховным распорядителем общеклассовой частной собственности, личности и имущества всех подданных. Спутником политаризма всегда выступал массовый террор, носящий систематический характер, суть которого заключалась не в наказании виновных, а в создании и поддержании атмосферы всеобщего страха. По отношению к политарху все его подданные выступали в качестве рабов. (13)

Политаристы должны были кормиться исключительно из рук политарха. Независимых источников дохода у них в идеале не должно было быть. Появление таковых ослабляло иерархические связи. Неопределенность и неустойчивость положения политаристов была важнейшей особенностью системы.

От политарха полностью зависел и объём получаемой ими прибыли. Теряя должность, политаристы лишались средств к существованию. Отсюда стремление обзавестись собственным персональным имуществом (недвижимостью, иными активами). С целью обогащения политаристы втайне от центра предпринимали попытки увеличить размеры собираемого налога и присвоить излишек. Помимо этого политаристы оказывали протекционизм купцам, предпринимателям, используя свое служебное положение, естественно, не безвозмездно. Результатом функционирования политарных систем становилось их закрытие, прекращение социальной мобильности, устранение социальных лифтов. Именно подобная эволюция, сигнализирующая об упадке системы, характерна для поздней Османской империи, которая до XVII в. была образцом социальной флексибельности и предоставляла возможность даже рабам достигать вершин в политической системе.

Политаризм существовал не только на Древнем Востоке. В I в. до н.э. – I в. н.э. в ходе длительной эволюции Рим пе-

решел от республики к империи. Становление политаризма сопровождалось массовым террором Луция Корнелия Суллы, Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Формирование и развитие политаризма нашло свое выражение в смене принципата доминатом — единодержавием. Политарный способ производства сформировался в Западной Европе в конце средневековья — в начале нового времени. Централизованные государства, обязанные своим появлением национальным рынкам, возникли в форме абсолютных монархий. Становление абсолютизма сопровождалось волной террора, захлестнувшего с XVI в. всю Западную Европу. «Костры инквизиции пылали ярче всего не в темной ночи средневековья, а на заре Нового времени, что всегда поражало историков», — отмечает Ю.И.Семёнов. (14) Ж.Делюмо писал: «В Европе начала Нового времени повсюду царил страх..., различные формы демонического наваждения помогали укреплению абсолютизма». (15) Инквизиция была важнейшим орудием террора становления абсолютистской монархии, которая распоряжалась и имуществом, и жизнью подданных. Ф. Минье отмечал, характеризуя французский абсолютизм: «Корона распоряжалась совершенно свободно личностью — при помощи бланковых приказов об аресте; собственностью — при помощи конфискаций, доходами — при помощи налогов». (16) Это ли не «азиатчина» европейского абсолютизма?!

В связи с вышеизложенным, трудно согласиться с концепцией А.Л.Янова, который разграничивает азиатские деспотии с неограниченной властью монарха и абсолютные монархии Западной Европы, в которых власть монарха ограничена влиянием аристократии, что и послужило, по мнению А.Л.Янова, «матрицей демократического развития Запада». (17)

Политарный способ производства сложился и в России XV—XVI вв. Истоки процесс берет при Иване III Великом, явно проявляется при Василии III, окончательно завершается при Иване IV Грозном. «Опричный террор, — по мнению Ю.И.Семёнов, — был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха». (18) Этих действий требовал утверждающийся политаризм. Иван VI лаконично и ёмко сформулировал основное право политарха:

«А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же...». (19) Хотелось бы напомнить, что Генрих VII в конце XVв. устроил в Англии такую бойню лордов, что опричный террор не идет с ним ни в какое сравнение — он вырезал подчистую все английские феодальные рода норманнского происхождения. И это тоже было следствием зарождения политаризма.

Как же шел процесс генезиса и развития политаризма на Руси? Жанр статьи позволяет лишь обрисовать контуры формирования этого явления, пунктиром обозначить реперные точки этого сложного и многомерного процесса.

Покорение Руси монголами в XIII в. оказало значительное воздействие на политическую систему и социально-экономический строй древнерусского государства. По моему мнению, это воздействие вполне сопоставимо с влиянием политической культуры Арабского халифата на государства Иберийского полуострова, влияние Османской империи на менталитет и политическую культуру населения Балкан. Как отмечает Н.С.Трубецкой, Русь усвоила всю «технику монгольской государственности, (20) прежде всего, монгольскую «систему управления». Возникает закономерный вопрос: если система, навязываемая чужеземными завоевателями абсолютно чужда, может ли она быть усвоена? В соответствии с концепцией сопротивления культур Ф. Броделя, чем выше давление чуждой культуры на автохтонную традиционность, тем выше сопротивление ей, тем отрицательнее результат воздействия. Русь же легко перемолола татаро-монгольскую политическую культуру, в результате чего возникла комбинированная политическая система, как результат исторического синтеза культур. Монгольская государственность стала зданием, возведенным на древнеполитарном фундаменте Киевской Руси, логичным продолжением развития русской государственности. Потому так легко и была усвоена. Г.В.Вернадский писал: «Прямо или косвенно монгольское нашествие способствовало... и росту абсолютизма и крепостничества». (21) Новации выразились в следующих чертах:

— служба князю из добровольной превратилась в обязательную. С отказом от службы человек лишался поместья;

- практика раздачи поместий закреплялась только за князем. Все свободные служилые люди стали только государевыми;
- стала стираться грань между вотчинами (распоряжением) и поместьем (пользованием);
- крепостное право было сознательно введено государством.

Так сформировалась политарная система. Русь аккумулировала монгольский сегмент, усилилась и сбросило ордынское иго.

Аналогичные процессы происходили в истории Японии, которая активно заимствовала и синтезировала китайскую культуру, формируя самоидентичность ещё в VI–VII вв. В XVIII–XIX вв. Япония, модернизируясь, осваивает «голландские науки», учась у «белых чертей Запада». В итоге усвоенного опыта они не только не перестали быть японцами, а напротив, переполнились гордыней и презрением к другим. (22) В 30-е гг. XX в. началась милитаризация Японии и создание идеологии паназиатизма. Претензии на азиатское лидерство рухнули в ходе разгрома японских войск СССР. После II Мировой войны Япония превратилась в американскую оккупационную зону. Но японцы не американизировались, более того, смогли, сохранив самоидентичность, создать экономическую супердержаву. Японский опыт свидетельствует о том, что если сохраняется ядро национального менталитета и существует объединяющая национальная идея, любые внешние новации служат лишь укреплению государства.

Во 2-ой пол. XV–XVI в. на Руси возник новый социоисторический организм. «Кончилась история Руси – началась история России – нового геосоциального организма, который почти сразу освободился от чужеземного владычества и обрёл полную политическую независимость». (23) Россия, впитав, перемолов, синтезировав новации, обрела самоидентичность, сформировала эффективную политическую систему. Самость, особость России была predetermined, в том числе, и годами ордынского ига. И не только по причине влияния татаро-монгольских государственных институтов на внутреннюю политику, но по тому месту и роли, которую Россия начала играть на международной арене. Татаро-монгольское

завоевание вырвало Русь из истории центрально-восточно-европейской зоны. Вернулась Россия уже как специфическая геополитическая зона, сохранив самостоятельность, закалившись в схватке, расширив территории вплоть до Тихого океана и Аляски. Именно в результате этих процессов российская историческая зона влияния превратилась в евразийскую. В ходе реформистской деятельности Петра I в течение XVIII в. Россия превратилась в одного из важнейших игроков мировой «Великой шахматной доски». В стране через распространение и развитие мануфактур начал формироваться капитализм. Следствием его развития стала неудачная попытка совершить буржуазную революцию декабристами на Сенатской площади 1825 года. Однако эффективной была социально-политическая трансформация, произошедшая в ходе реформ 60-х гг. XIX в. Финалом нового синтеза в России стало утверждение капитализма особого типа.

Широко известно методологическое подразделение мировых процессов и истории цивилизаций на центр и периферию, колонии и метрополии. Периферия обречена на догоняющее развитие, а колонии на обслуживание метрополий. В этом смысле концепция глобализации XXI в. не вносит ничего нового. В Центре проживает «золотой миллиард» человечества, на Периферии всё остальное, обязанные создавать комфортные условия существования Центра. Отличие периферийного капитализма (а именно он и сформировался в России) состоит в том, что он возникает под чуждым влиянием, а не вследствие вызревания внутренних причин, эволюции социально-экономической системы, политических институтов. Он привнесён извне и зачастую не отвечает традиционному менталитету общества. Капитализм становится для стран периферии тупиковой ветвью эволюции и как неандерталец способен лишь вымереть и исчезнуть как вид. Реакцией на периферийный капитализм и стали революции, направленные против диктата Западного центра, которые правильнее и точнее называть национально-освободительными, прокатившиеся почти одновременно в странах периферийного капитализма в начале XX в.: России (1905-1907гг.), Иране (1905-1911 гг.), Османской империи (1908-1909гг.), Китае (1911-1912 гг.), Мексике

(1911–1917 гг.). Заключительным аккордом этих антикапиталистических выступлений (не уверен, что корректно употреблять термин «социалистическая революция»), стала Октябрьская революция 1917 г.

В результате социальных потрясений, которых так справедливо опасался П.А.Столыпин, социализм не возник, но антикапиталистическая революция, как некогда ордынское иго, вырвала Россию из международной капиталистической системы, ликвидировала вассальные отношения с Западом, построенные по схеме «опережающий центр – вечно догоняющая периферия». Россия в модели СССР обрела самоидентичность, нашла свой путь, что и обусловило её модернизацию и мощное, стремительное экономическое развитие в 30-е гг. XX в. В результате СССР превратился в одну из мощных индустриальных держав мира. Россия вырвалась из объятий капиталистического протестантского центра и вновь вернулась к политаризму, потревоженному реформами Петра Великого, сопровождавшемуся мощным индустриальным прорывом на фоне запуска репрессивного сталинского механизма, обеспечившего устойчивое функционирование политарной системы. Возник неополитаризм, просуществовавший до 1985 года и переставший быть эффективным. Ослабевшие политархи (Брежнев Л.И., Черненко К.У.) уже не могли контролировать систему, среднеполитархи обростали частной собственностью, создавая цеха теневой экономики и обогатившись, требовали легитимизации своего статуса. Именно этим был подспудно вызван процесс, вошедший в историю как «перестройка». Именно будущие бюрократы-капиталисты (кабиры) привели к власти М.С.Горбачева, старательно вбивавшего гвозди в доску советского гроба.

Процесс, свершившейся в начале 90-х гг. в России, никак не подпадает под характеристику революции. Это была контрреволюция, отказ от собственного пути, выбор в пользу периферийного капитализма. И нет ничего удивительного, что США и Запад выстраивали свои отношения с РФ в 90-е гг. именно по принципу «метрополия – колония». Ситуация начала меняться лишь в начале 2000-х годов.

Контрреволюционная элита, захватив власть и разрушив СССР, прежде всего, присягнула на верность Западу. Вопреки

расхожему мнению, именно из уст советского лидера Горбачева, а не апологетов американского мессианизма прозвучала фраза об установлении в мире «нового мирового порядка». А помощник М.С.Горбачева Г.Х.Шахназаров в 1991 г. призывал к созданию единого мирового правительства, естественно под эгидой США на базе ООН. (24) После распада Советского Союза новые российские экономисты начали столь ретиво и истово строить капиталистическую экономику под присмотром МВФ и МБРР, что их действия испугали даже американских советников. В 1991 г. к М.С.Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трёх лауреатов Нобелевской премии по экономике – Ф.Модильяни, Дж.Тобина и Р.Солоу). Они предупреждали, что для успеха реформ в СССР надо сохранить землю и другие природные ресурсы в общественной, государственной собственности (25) (т.е. сохранить политарную систему, внеся в неё инновации). На их письмо просто не обратили внимание.

СССР, а после 1991 г. РФ начала активно втягиваться в протестантскую экономическую модель. Сформировалась компрадорская буржуазия, осуществлявшая вертикальные связи между развитым Центром и национальной периферийной экономикой, связывающая свою судьбу не с Родиной, а с метрополией как гарантом их существования и богатства. Возникли многочисленные некоммерческие организации, транслирующие и адаптирующие западные либеральные «ценности» к российской действительности. Фактически они являлись агентами идеологии Запада и функционировали за счет финансирования из-за рубежа и при активном содействии российских компрадоров. Прошло совсем немного времени, и капиталистические либеральные реформы привели совсем к обратному результату. С одной стороны, капитализм продемонстрировал свою хищническую сущность, выступив системой в которой «Я» стоит над «Мы», где коллектив, общинные интересы ничего не значат, где в основе успеха лежит концепция индивидуального личностного достижения. Люди стали с удивлением осознавать, что новый строй во многом несправедлив. Произошло прямое столкновение цивилиза-

ционных моделей. Да по-другому и не могло быть. В православной модели поиск света осуществляется сообща, сама православная эсхатология нацелена на коллективное спасение. Практика взятия на поруки на советских производствах, помощи отстающим ученикам в школах была весьма «православной», понятной населению.

Кальвин и Лютер подходили к этому вопросу иначе. Спасутся избранные. Недостойные должны быть отринуты из общины. Реформация оказала тектоническое воздействие на массовое сознание Запада, став, по сути дела, основой протестантской этики капитализма, опирающейся на эгоцентричную картину мира и жесткую конкурентную борьбу и в экономике, и в политике. Произошел разрыв протестантов, «иконоборцев» с Римской католической церковью («вавилонской блудницей»). Э.Фромм пишет: «Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности». (26) Успех Лютера во многом определялся тем, что он узаконил страх, терзающий жителя Западной Европы. Современный Запад возник на волне массового религиозного страха, охватывающего одновременно миллионы людей. Подобные явления не отмечены в культуре православия, в русских летописях. Легитимизировав страх (душа, не терзаемая страхом, добыча дьявола), Лютер его индивидуализировал. Это произошло в результате отхода от идеи религиозного братства и коллективного спасения души. Отныне каждый, индивидуально имел дело с Богом. Эта вера стала личным убежищем для страха. Как отмечает С.Г.Кара-Мурза: «Произошедшая при отказе от коллективного спасения атомизация, в свою очередь, беспредельно увеличила страх и массовое озлобление». (27) Неудивительно, что главной темой гравюр Дюрера и Гольбейна становится смерть, как следствие страшных религиозных войн и массовых казней, порожденных Реформацией. Идея смерти и «страх Лютера» и сегодня пронизывают массовое сознание на Западе. Отсюда столь высока популярность триллеров, фильмов ужаса, героизирующих тему смерти и страдания.

Идеологии-антагонисты в России столкнулись, и псевдокапитализм напоролся на риф народного возмущения грабительской приватизацией, откровенным казнокрадством. Россияне увидели, что к власти пришли те, кто от неё и не отказывался. Номенклатура, партийная элита СССР легитимизировала свои доходы и накопления с помощью самопровозглашенной рыночной экономики и вновь захватила власть. Бывший советский разведчик, полковник КГБ М.П.Любимов поделился своим ликованием относительно событий 21 августа 1991 года (неудавшегося путча ГКЧП) со своим коллегой за рубежом, бывшим царским генералом. Тот расхохотался: «Ну, вы и наивны! А ещё работали в такой организации! Это был просто второй этап октябрьского грабежа. Тогда забрали собственность, но отдали в руки государства. А через 70 лет коммунисты созрели для прямого грабежа – как ещё назвать приватизацию? Кто это там у вас лепетал насчет первоначального накопления капитала? Гайдар? Ничего себе накопленище! Одним махом, без всяких усилий превратиться в мультимиллионеров!» (28)

Но безвременье ельцинского правления закончилось. Произошли изменения в руководстве страны, и вскоре Запад уловил сигналы, свидетельствующие о том, что многое начинает меняться и далеко не в ту сторону, в которую ему бы хотелось. Началась многоплановая и сложнейшая работа по возвращению активов в национальное достояние, по погашению внешнего долга, борьба с оттоком капитала за рубеж, и, пожалуй, самое основное и фундаментальное, что было понято руководством страны, это та непреложная истина, что спасение страны состоит в ликвидации периферийного капитализма, освобождение от зависимости от Запада, в прекращении её эксплуатации мировым капиталистическим центром.

Произошли значительные изменения и во внешней политике РФ, точкой отсчета которых стала историческая Мюнхенская речь В.В.Путина 2007 года. РФ снова стала претендовать на роль центра силы, тем более, что многое на Великой шахматной доске с начала 2000-х стало стремительно меняться, и, прежде всего, роль США.

Аксиоматично утверждение о том, что глобализация включает в себя два уровня: мировой и региональный. Второй уро-

вень, включающий в себя специализацию регионов в рамках всемирного разделения труда является самым значительным. Именно этот сегмент глобализации выявляет современную роль США в экономическом развитии планеты. США выступают в роли потребителей товаров и финансов, т.е. потребляют результаты глобального процесса, фактически, не внося в него (кроме включенного печатного станка) никакого позитивного вклада. Как отмечает французский историк и социолог Э.Тодд в научном бестселлере «После империи. Рах Америгана – начало конца»: «Строгая математическая логика показывает, что через взаимодействие на основе географической смежности, глобализация в самых глубоких своих проявлениях способствует перемещению мирового экономического центра тяжести в Евразию и усиливает тенденцию к изоляции Америки». (29) Значение Евразии осознавалось ведущими геополитиками Запада с XIX в., зачастую её именовали «Heartland» («Сердце мира»). Сформировался постулат, тщательно поддерживаемый, в том числе и З.Бжезинским, о том, что кто владеет Сердцем мира, тот владеет миром. Мы должны быть признательны этому ярому другу России за объективную, хотя и опосредованную констатацию непреложного факта о географической изолированности США и о том, что политический центр мира (Америка), на самом деле, далеко расположен от истинного центра (Евразии). (30) В 10-е гг. XXI в. колоссальное геополитическое значение Евразии дополнилось значительным усилением экономического развития континента. Наиболее раздражающим фактором для Белого дома стало осознание этого тектонического изменения российским руководством, которое начало активно выступать на евразийском пространстве, играя ключевую роль – лидера, являясь катализатором объединительных процессов. Итогом работы стал запуск с 01.01.2012 г. Евразийского экономического союза, ставшего первым шагом в евразийской интеграции. Значительную обеспокоенность вызывает у Кремля имперская, экспансионистская политика США, с проявлениями которой всё труднее примириться. Россия всё больше осознаёт свою роль в международных отношениях, выступая в качестве основного препятствия американской гегемонии.

Трансформация США привела к тому, что из страны, решающей мировые проблемы, Америка превратилась в проблему для мира. США, декларируя соблюдение прав человека и легитимности политических режимов, стали фактором международного хаоса («управляемого хаоса»), тщательно и повсеместно поддерживая напряженность, неопределенность и конфликтность. «Россия, Китай и Иран – три страны, абсолютным приоритетом которых является экономическое развитие (они давно отказались от идеологического экспорта – С.В.), имеют сегодня лишь одну стратегическую озабоченность; противостоять провокациям Америки, не отвечать на них, более того, бороться за стабильность и порядок в мире – немыслимый 10 лет назад поворот ситуации на 180 градусов». (31) Ряд международных экспертов отмечают, что США нуждается в создании и поддержании ситуации хронической перманентной войны. Точкой отсчета в резком изменении внешнеполитического курса стало 11 сентября 2001 года. Америка стала стремительно терять привлекательный имидж легитимного мирового лидера, империи добра. Усилилась тенденция к субъективизму, односторонности, стартовавшая ещё в середине 90-х гг. Внешняя политика США, по саркастическому замечанию Э.Тодда, стала напоминать «блуждающую и агрессивную походку пьяницы». (32)

В начале нашего размышления уже упоминалась концепция «конца истории» Ф.Фукуямы, в которой изложен будто бы смысл бытия человечества, стратегическое направление развития истории, заключающееся в универсализации либеральной демократии, и по большому счёту, американизации мира. В известной мере, Фукуяма прав (трудно отрицать стремление народов мира к демократии), однако его рассуждения не опираются на реальное многообразие мира, этноконфессиональных отличий, различия менталитета и, как следствие, весьма дифференцированное понимание «справедливости», «добра и зла», своего места в быстро меняющемся мире.

Итак, первый тезис западных исследователей – мир стремится к демократии. Второй тезис западных политологов, в частности, Майкла Дойля сводится к невозможности войн между либеральными демократиями. (33) Объединяя два тези-

са, в сумме мы получаем Земной шар, пребывающий в состоянии мира навеки. Судя по основным постулатам внешнеполитической доктрины, именно в таком развитии видит свою миссию, высшую и конечную цель Вашингтон и активно продвигает её на планете, выступая в роли доминирующего арбитра. В этом и состоит нужность Америки для мира.

Однако Э.Тодд приходит к парадоксальному выводу: если демократия восторжествует повсюду, то США как военная держава, продвигающая и поддерживающая демократию, станут ненужными миру и должны будут смириться с ролью лишь одной из демократий, такой же, как и все прочие. (34) Эта будущая бесполезность Америки и является ключевым фактором, позволяющим понять внешнюю политику США, стратеги и творцы которой боятся оказаться в изоляции, в одиночном плавании.

Гегемония США в некоммунистической части планеты в 1950-1990 гг. трансформировалась в мировую гегемонию после крушения СССР. Получив роль арбитра в однополярном мире, США впали от него в прямую зависимость. Лишь за 10 лет (1990-2000 гг.) внешнеторговый дефицит США вырос с 100 до 450 млрд. \$. (35) Крушение коммунизма в СССР стало парадоксальным образом началом крушения Америки, незаметно попавшей в узы зависимости от глобализирующегося мира. США виртуализировали экономику, став одним мегабрендом, ничего не производящим и во всем зависимым от мировой регионализации экономики, сохранив, правда, два могучих рычага: мировую финансовую систему, основанную на долларе и мощную, боеспособную армию.

Сегодня можно уверенно констатировать, что США больше не могут жить за счет собственного производства. (К примеру, Исламская республика Иран может. В чем автор этих строк убедился в ходе поездки в Тегеран в апреле 2012 г.) Мир, находясь на пути стабилизации в сферах демографии, образования, демократии, открывает для себя, что может обойтись без Америки. США начинают осознавать, что они не могут больше обходиться без остальной части мира. (36) Для США и Западной Европы снижение потребления означает крах действующей модели капитализма «общества всеобщее-

го быстрого потребления и финансовых пузырей», которая в конце 40-х гг. XX в. сменила модель государственно-монополитического капитализма.

Увеличение числа демократий демонстрирует отсутствие демократии в самих США. Демократия как форма политического устройства является живой системой и эволюционирует. Демократия прогрессирует там, где была слабой (Восток), но там, где она была сильной, она регрессирует (Запад), вырождаясь в олигархию, в олигархическую политическую систему. Парадоксально, но факт, прогресс демократии мы видим и в РФ, КНР и ИРИ. США же стремительно продвигаются по пути «азиатского (политарного) способа производства», уверенно стремясь к политической деспотии, как внутри страны, так и на международной арене. Как это стало возможным? Попробуем разобраться.

Начнем с постановки вопроса: как долго свободный конкурентный рыночный капитализм, сопровождающийся либеральной демократией, присутствовал в США? В основном, история человечества носит всемирный характер. Идеологические доктрины, всевозможные «измы» служат в целях правящих элит, пытаясь легитимизировать их право на управление. В первой части статьи было показано, что в целом человечество двигалось по пути политаризма от древности до эпохи абсолютизма и на Востоке, и на Западе. Далее на Западе произошла социальная мутация, основанная на протестантизме, давшая на определенном этапе импульс к развитию индивидуализма, персонального достижения, приведшая к формированию нового способа производства. Учитывая фактор мутации, случайности, рано или поздно и на Западе, и на Востоке (где сформировался периферийный капитализм) всё должно было вернуться на круги своя. В России это случилось в 1917 г. и выразилось в виде индустрополитаризма Сталина, на Западе также произошел процесс реставрации политаризма в 30-е гг. XX в., берущий истоки в последней трети XIX в., времени возникновения государственно-монополистического капитализма. Сращивание монополий с государством неизбежно объединило всех представителей господствующего класса в единый организм, логическим завершением процесса

должно было стать появление политарного общества индустриального типа. (37) Модель государственно-монополитического капитализма, в свою очередь, сменила модель свободной рыночной экономики, которая также просуществовала около 60 лет, и завершилась гигантским финансовым коллапсом на Венской фондовой бирже в 1873 году. За крахом последовал пятилетний мировой кризис, который экономист Э.Хансен назвал великой депрессией XIX в. (38) Из этой депрессии капитализм вышел в уже обновленной версии ГМК.

Катализатором трансформации капитализма в индустриально-политаризм послужила «Великая депрессия», охватившая в 1929 году весь капиталистический мир. Общий системный кризис возвестил о конце мутации, свидетельствовал о том, что продолжение рыночного эксперимента может привести к полному социально-экономическому коллапсу. (Запад, как видим, осознал это уже в 1929 году, но злорадно призывал Россию в начале 90-х гг. наступить на те же грабли). Полная свобода рынка стала опасной, а невиданные темпы развития сталинского СССР наглядно демонстрировали плюсы плановой, регулируемой экономики. Произошла невероятная метаморфоза. На какое-то время центр и периферия поменялись местами. Запад выходил из кризиса двумя путями. Очевидность государственного регулирования и конца свободного рынка была теоретически обоснована в трудах Дж.М.Кейнса и практически воплощена в «Новом курсе» Ф.Д.Рузвельта. Возник симбиоз капитализма и социализма, по существу, являвшегося мягкой формой политарного способа производства.

Другим путём пошли Италия и Германия, создав тоталитарную экономику политаризма, акцентом которой стали жесткое подавление инакомыслия, милитаризация общества, стремление к мировой гегемонии. Финал печально известен. «Тысячелетний» Третий рейх просуществовал всего лишь 12 лет. После сообщения о смерти А.Гитлера И.В.Сталин лаконично резюмировал: «Доигрался, подлец!»

США, базируясь на фундаменте, заложенном Рузвельтом, двинулись далее, закономерно повторяя типологию эволюции политических систем, осуществленную Аристотелем, где неизбежно за демократической фазой

следовала олигархическая. Американское общество превращается в конце XX в. — нач. XXI в. в систему неравноправного господства, в котором демократия чахнет. Первое системное описание нового американского правящего класса (субполитархов) — «надкласса» (the overclass) мы находим в работе М. Линда «Грядущая американская нация». (39) Элитизм и популизм приводит к тому, что создаётся общество «высшей вульгаты» (20%), манипулирующей общественным мнением в своих интересах.

Процесс, стартовавший в конце 40-х годов, получил в наши дни логическое завершение. Мы становимся свидетелями угасания, финала «общества потребления». Привлекательная в 50-70-е гг. XX в. идеологическая обертка общества равных возможностей и безграничного потребления тускнеет и меркнет. Это последние конвульсии модели Римской империи современности, обеспечивающей гражданам «хлеб и зрелища» — за счет неравноправного обмена с периферией, захвата и освоения ресурсов в новых колониях за счет ведения перманентной империалистической войны. Демократия современного Запада может быть изложена в сжатой формулировке: избирательный процесс не имеет никакого практического значения, а процент воздержавшихся постоянно растет. Жесткой критике подверг либеральную демократию, как синоним фарса и диктатуры, ещё в конце 70-х гг. XX в. ливийский лидер М. Каддафи, вызвав истерику в Госдепе. Таких пассажей Запад не прощает.

Тенденции, выявленные в конце XX — нач. XXI в., исподволь формировались и вызревали столетиями. Г. Лебон ещё в начале XX в. отмечал: «Ряд фактов... совершенно четко показывают общую ориентацию в Европе на деспотические формы правления». (40) Вектор на демократизацию и глобализацию направлен, прежде всего, на демократизацию образа жизни западного человека: «демократизируются автомобили, досуг, средства массовой информации». (41) Высокая элитарная культура подменяется массовым культурным ширпотребом. Однако в политической сфере абсолютно очевидным становится формирование демократического деспотизма. С. Московичи осуществил весьма глубокое и детальное изуче-

ние явлений, названных им «восточным деспотизмом» и «западным деспотизмом».

«Восточный деспотизм» он видит в императорском Китае и фараоновском Египте. Опираясь на известный тезис о значении ирригационных работ на Востоке (Монтескье, Маркс, Виттфогель и др.), он видит в нем основу социального неравенства. Вершиной строго иерархизированного общества, освященной традицией и религией, выступал непреложный властелин, деспот, требовавший абсолютного повиновения (или политарх, согласно Ю.И.Семёнову). Власть была сконцентрирована в личности лидера. Московичи полагают, что такая пирамида власти свойственна не только Азии. Переносясь через тысячелетия, в современное общество, мы увидим веские причины говорить о западном деспотизме. Общество на Западе превыше всего ценит права человека, сжато выраженные в равенстве возможностей и обеспечение стабильности; при этом понятие «свобода» является вторичным для западного менталитета. Шатобриан уловил эту особенность: «Повседневный опыт заставляет признать, что французы бесспорно устремляются к власти, они нисколько не дорожат свободой, их идол — равенство. Между тем, равенство и деспотизм соединены тайными узами». (42) Неудачно сбалансированное правительство прямой путь к анархии. Именно поэтому необходим эффективный лидер, наделенный широкими полномочиями. «Нестабильность массового общества следует из неустранимого требования равенства и неверного использования свободы. Есть два возможных пути помочь этому... передать власть в руки одного лица или ... не передать власть в руки какой-то личности, а доверить её своего рода анонимной директории.... Тем самым достигается точно такой отказ от свободы...». (43)

В ходе исследования С.Московичи приходят к разграничению «восточного» и «западного» деспотизма. Первый отвечает, прежде всего, экономической необходимости, освоению трудовых мощностей, второй — политической необходимости и предполагает захват орудий влияния и внушения, т.е. СМИ, манипулирующих сознанием и предлагающих глобальному миру тотальную диктатуру в демократической упаковке. В

этом суть современной политической системы США, Запада, международной транснациональной элиты.

Итак, объективный анализ демонстрирует нам империю, пытающуюся господствовать над миром, навязывающую экспорт демократии другим демократическим режимам, при этом утратившую демократические ценности и переродившуюся в олигархическую деспотию.

Что же необходимо для торжества демократии во всемирном масштабе? И что такое демократия? М.Монтень писал, что лучшей формой государственного устройства страны, является та, к которому она привыкла. Это и есть демократия – выбор национальным государствам наиболее эффективной и соответствующей базовым ментальным ценностям модели.

1. Признание наличия в мире многообразия ценностных установок, его поликультурности, полиэтничности и поликонфессиональности.

2. Прекращение использования политики «двойных стандартов».

3. Признание наличия в мире разных версий демократии.

Если свершится констатация ряда непреложных исторических фактов, что, к примеру, новгородское вече являлось основой демократического механизма Новгородской республики, а Иран – не страна изгой, не теократия тиранического типа, а другая, иная, исламская модель демократического развития (в стране многопартийная система, свобода прессы, исламские ортодоксы часто заявляют, что демократия в принципе исламское изобретение, ещё в VII в. должность халифа была выборной), то ИРИ перестанет быть страной-мишенью и войдёт в цивилизованный мир. Уникальной политической системой была джамахирийская модель в Ливии. Она продемонстрировала «третьему миру» альтернативный и эффективный успешный путь развития. Каддафи этого не простили. По демократическому пути продвигаются КНР и Россия, тем не менее, Запад упорно именуется их тираниями. А сенатор Маккейн ехидно замечает, что «Арабская весна» стучится в ворота и России, и Китая.

Почему так? Почему не происходит переоценка ценностей? Причина очевидна и лежит на поверхности. Признание

этого непреложного факта, поливариантности демократического развития неизбежно ставит Америку перед проблемой её ненужности миру. А коль скоро так, то раз нет подряда, то нет и подрядчика.

Р. С. Некоторые мысли о главном.

В поисках обретения себя важно осознавать единство всемирно исторического процесса, понимание общих закономерностей развития и Запада, и Востока, и России. РФ не должна стремиться к возврату в «цивилизованный мир», потому что она из него никогда и не выпадала.

Каковы же компоненты эмпирического правила для поиска РФ своего предназначения, обретения смысла. Время подвести итоги.

1. Основные усилия должны быть направлены на то, чтобы разбудить гражданское сознание, всколыхнуть коллективную историческую память, внятно сформулировать конечную цель пути — национальные приоритеты и интересы. Показать россиянам, что их объединяет и к чему надо стремиться в краткосрочной и долгосрочной перспективе, в чем состоит их общность. Это и есть национальная идея.

2. Необходимо сформировать ценностные категории и систему мировоззренческих координат для российского общества.

3. Россия должна сформулировать свою современную аутентичную модель культуры, образования и ментальных установок, основную на сплаве традиции и современности. Гражданам РФ необходимо «вернуть» целостное восприятие мира, уничтоженное реформами в образовании за последние 20 лет. Классическое школьное и университетское образование должно быть направлено не на дискретность, отрывочные знания, а на формирование комплексной картины мира, умение мыслить, устанавливая причинно следственные связи. Это и будет надежной защитой от манипуляций массовым сознанием и технологий информационно-психологических войн.

4. РФ в развитии нужно отказаться от западноцентричности, перестать быть вечно догоняющей периферией, вы-

рваться из процесса глобализации с целью создания эффективной российской социально-экономической модели, дать миру новые смыслы; как в экономике, так и в политике, с тем, чтобы с наработанным потенциалом вновь влиться в глобальную экономику в роли одного из центров развития. Это позволит изменить отношения по типу вассал-сюзерен; центр-периферия.

5. Уверенно продвигаться по пути евразийской интеграции.

6. И, наконец, последнее обстоятельство. Создание и продвижение новых смыслов, да и в целом будущее развитие и место в мире РФ зависит от того насколько руководство РФ сможет, развивая национальные приоритеты, сделать Россию полезной, необходимой и привлекательной для глобального мира. Исторический опыт имеется. После II Мировой войны социально-экономическая модель СССР и идеология советского государства были весьма популярны, действенны и создавали СССР весьма притягательный образ. Развивая и модернизируя экономику РФ, вовлекая страны Европы и Азии в тесную интеграцию, мы сможем доказать нашу нужность миру, не только нефтегазовой трубой, но и наполнить его новыми справедливыми смыслами, современными ориентирами, признанием многообразия и единства мира, его многополярности., наличия нескольких цивилизационных политических и финансовых центров силы.

Мир, безусловно, будет глобальным. С этой тенденцией бессмысленно и бесперспективно спорить. Однако это произойдет только при условии сохранения и уважения национальных различий. Истинная мультикультурность и толерантность состоит не в глобализации под эгидой государства монополиста, а в формировании глобальной картины мира, основанной на равных правах и возможностях каждого в гетерогенной планетарной мозаике. Может быть, это и есть демократия для всех?

В этой связи необходимо выстроить надежный заслон идеологии «либерализма», основанной на уничтожении духовных традиционных ценностей, и подмене их «общечеловеческими ценностями цивилизованного мира». Главная стратегическая задача РФ сегодня состоит в защите национального сувере-

нитета, в отстаивании свободы и независимости. Сегодня эта задача стоит с той же актуальностью, что и в годы Великой Отечественной войны. Следует осознать, что приоритет развития не в интеграции в чужие системы, а создании и развитии собственных. Расплывчатость национальных интересов, отсутствие понятной социально-экономической модели, ведет к уязвимости и конспиративности внешнеполитического имиджа России. РФ должна стать стабильным социально-экономическим организмом с ясной и вербализованной идеологией, опирающейся на поддержку и интересы граждан страны. Нужны коллективные усилия, ведущие к повышению уровня исторических амбиций, следует уйти от ощущения собственной второстепенности и провинциально-периферийного сознания.

Россия обязана воспользоваться уникальным историческим шансом, заключающемся в ослаблении и деградации центра и массовым разочарованием в российском и мировом сообществе в справедливости претензий Запада на роль авангарда мирового развития. Образно говоря, нужно выйти из прицепного вагона и реализовать исторический шанс, став локомотивом геополитических экономических процессов. Необходимо скрупулезно разработать и предложить миру альтернативный исторический проект, самостоятельный цивилизационный феномен, ставящий масштабные цели. Занимаясь решением конкретных и прагматичных задач можно достичь успеха в тактике, но не в стратегии. В контексте интеграционных процессов и создания новых центров силы следует переломить общую тенденцию, предложив и гражданам страны и мировому сообществу цивилизационный проект, основанный на учение национальных и глобальных интересов.

Тенденция к изменению мировой архитектуры очевидна, необходимо воспользоваться текущей конъюнктурой и приложить усилия к тому, чтобы Россия стала новым геополитическим, экономическим полюсом. Россия может и должна сформулировать миру новые смыслы, меры по коренному реформированию мировой экономики и международных отношений.

Прообраз будущей мировой конфигурации, стремящейся от однополярности к многополярности, заложен, например, в БРИКС – союзе пяти цивилизаций (следуя логике Хантингтона), в котором представлены все культурно-исторические типы: евразийский Север (Россия), азиатский Восток (Индия и Китай), африканский Юг (ЮАР) и дальний Запад (Бразилия).

Прообраз есть, надо действовать...

Примечания

- (1) Zangwill I, The Melting Pot, N-Y, 1909, p.41
- (2) Маркс К., Энгельс Ф. Британское владычество в Индии// Полное собрание сочинений, 2-ое издание, Т 9, с.154
- (3) Тойнби А.Д. Постижение истории, М, 2010, с. 113
- (4) Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции, М, 2009, с.5
- (5) Moscow News/ September 29, 1991
- (6) Тойнби А.Д. Цит. соч., с. 7
- (7) Кара-Мурза С.Г. Цит. соч., с. 6
- (8) Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, М., 2010, с.241.
- (9) Джордано Бруно перед судом инквизиции (Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно)// Вопросы истории религии и атеизма 1956, с.349-416
- (10) Воронин С.А. Ключ к восточному небу (методологические аспекты дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока).// Восток-Запад: приоритеты эпох., М., 2012,. С.278-287.
- (11) The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court, of Great Mogul, 1615-1619, London, 1926, p. 89
- (12) Семёнов Ю.И. Политарный («Азиатский») способ производства, М, 2011, с. 302
- (13) Там же, с. 303-304
- (14) Там же, с. 325
- (15) Делюмо Ж. Ужасы на Западе, М, 1994, с. 352
- (16) Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814, М, 2006, с. 38
- (17) Янов А.Л. «Откуда в самодержавной России взялся Герцен?»// Знание – сила № 3, 2009, с. 93
- (18) Семёнов Ю.И. Цит.соч., с. 324
- (19) Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Л, 1979, с. 324

- (20) Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык, М, 1995, с. 225-226
- (21) Вернадский Г.В. Империя России. Монголы и Русь, М, 1997, с. 5
- (22) Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Цит.соч. с. 39-40
- (23) Семёнов Ю.И. Цит.соч., с. 268
- (24) Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Цит. соч, с. 10
- (25) Грей Дж. Поминки по просвещению, М, 2003, с. 13
- (26) Фромм Э. Бегство от свободы. М, 2009., с. 117.
- (27) Кара-Мурза С.Г. Цит. соч с. 219-220
- (28) Любимов М.П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу, М, 1998, с. 357
- (29) Тодд Э. После империи. Рах Americana – начало конца. М., 2004 с. 210
- (30) Бжезинский З. «Великая шахматная доска», М, 1998, с.13
- (31) Тодд Э. Цит. соч.,с. 8
- (32) Там же с. 14
- (33) Doyle M. Kant, Liberal Legacies & Foreign Policy// Philosophy & Public Affairs №12, 1983, p. 205-235
- (34) Тодд Э. Цит. соч., с. 19-20
- (35) Там же.
- (36) Тодд Э. Цит. соч., с. 23
- (37) См. подробнее Семёнов Ю.И. Цит. соч., с. 328-330
- (38) Подробнее см. Березин И. Геостратегическая дымовая завеса// «Однако» № 17, 04.06.2012 , с. 32-39
- (39v) Lind M. The Next American Nation. The Nationalist and the Fourth American Revolution, N-Y, 1995
- (40) Le Bon G. La psychologie politique, Paris, 1910, p. 117
- (41) Московичи С. Век толп, М, 1996, с. 69-70
- (42) Цит.по. Canneti E. Masse et puissance, Paris, 1966, p. 19
- (43) Московичи С. Цит.соч. с. 72

Заключение

Автор данной работы довольно много времени и сил в своих научных трудах уделил проблеме политической культуры и массового сознания на Востоке. В общем-то, и основная сфера научных интересов вашего покорного слуги это востоковедение. Однако обращение к истории, генезису и эволюции либерализма на Западе не стало неожиданным поворотом в его интересах. В ходе изучения восточных обществ автор неизбежно столкнулся с вечным вопросом о том, что же продолжает оставаться краеугольным камнем преткновения, даже в условиях глобализирующегося мира, что составляет коренные базовые различия в отношениях и подходах Запада и Востока, России, Востока и Запада. Почему образно говоря словами Р. Киплинга, «вместе им не сойтись никогда». Постановка этой проблемы не отличается новизной. Теория общественно-экономических формаций ответа на эти вопросы не дала, концепция комбинированного общества и социального синтеза, сводящая ответ к различиям в экономических укладах, продвинула исследования несколько вперед, но так же не смогла навести фокус на эти противоречия. Так что же составляет сущность различий, почему при перенесении западноевропейских рецептов на азиатскую и российскую почву рушится социальный организм, а экономика приходит в упадок?

Как представляется, в самом общем виде это этика жизни — социальной, хозяйственной, политической, — базирующаяся на религиозных нормах. Именно в связи с этим темой нашего пристального рассмотрения и изучения стала протестантская этика, сформировавшая дух западного капитализма—глобализма. Прежде чем дать ответ на вопрос, что послужило основой реформационной инверсии на Западе, мы пристально изучили и выяснили этапы эволюции западноевропейского сознания от

традиционных форм в Средние века к новым этическим идеалам Нового времени.

Гуманизм и Просвещение рассматриваются как причина и следствие резкого поворота западного человека на путь индивидуализма и секуляризации, как этапы на пути «расколдовывания» и рационализации мира. В рамках нашего исследования генезиса и эволюции либерализма уделено внимание и таким стыдливым и неудобным, неполиткорректным для современного западного человека темам, как расизм и расовые теории, которые также являются неотъемлемыми составными частями либеральной идеологии. В сознании наших современников резко разведены в противоположно полярные стороны Свет Гуманизма и Просвещения, их вклад в мировую культуру и науку, и тьма расизма, нацизма и апартеида. В трактовках многих западных исследователей, расизм воспринимается как досадное недоразумение, некая перверсия на прогрессивной столбовой дороге либеральной западной цивилизации, Автор постарался аргументировано, опираясь на солидную источниковую базу, доказать, что и Просвещение, и расистские теории и практика являются неразрывными звеньями одной цепи, единого англосаксонского постреформационного мышления, нисколько не противоречащими, а скорее взаимодополняющими друг друга.

Реформация и дух капитализма шли параллельным курсом с известной экспансией Запада, получившей высшую стадию развития в эпоху Великих географических открытий, ознаменовавшей начало эпохи колониализма и формирования двух будущих видов демократии, демократии для кальвинистов, избранных – метрополии и демократии – колонии для варваров, дикарей, животных, не предназначенных к спасению.

Теория общественного договора и естественных прав человека стали фундаментальными основами эпохи Просвещения и исключили Бога из отношений. Происходило обмирщение, секуляризация сознания, помноженное на культ потребления и стремления к богатству, что и делало человека угодным Богу, отмечало его печатью исключительности.

Все эти кардинальные изменения и породила идеология либерализма, навязчиво предлагаемая Западом всему человечес-

тву, как унифицированная модель мироустройства в виде проекта глобализации под эгидой одного государства-гегемона. Какова же в этой ситуации должна быть реакция российского общества, как соотносятся западные и российские ценности?

Попробуем подвести итоги нашего исследования и одновременно пунктирной линией обозначить модель поведения Русского мира, атакованного воинствующим либерализмом. Что мы должны защищать и отстаивать? Каковы наши контридеологические меры? В чем, наконец, нам черпать силу и уверенность в грядущих мировых баталиях? Как быть уверенным в будущем, в наступлении светлого завтрашнего дня? Как сделать это будущее предсказуемым?

1. Реформация лишь усилила и усугубила различия двух аксиологических проектов: православного и католического, берущие истоки с Великой схизмы 1054 года.

2. Англосаксонский протестантизм вобрал в себя, в том числе и неприятие проявления любой инаковости, образа другого. Другой, значит, дикарь, варвар, не предназначенный к спасению. К сожалению, англосаксонский аксиологический проект не способен понимать другие миры и уважать их инаковость.

3. Образом другого, апостасийным оппонентом на глобальном уровне выступала для средневекового Запада Византия, как олицетворение высокой учености, культуры и экономического процветания. Со времен Ивана III образом другого, чужого, непонятного и непонятого стала Русь-Россия как страна, осуществившая византийское преемство.

4. В основе западного либерализма и российской государственности лежат принципиально различные антропологические модели. На уровне религиозного сознания главное изменение в представлении о человеке произвела протестантская Реформация, отринув идею коллективного спасения души, отменив религиозное братство людей. А ведь именно эта идея составляла саму сущность христианства. Все люди братья во Христе. Он за всех нас пошел на крест. Таким образом, на Западе возник религиозно обоснованный индивидуализм, произошла атомизация общества.

5. Западное общество в рамках кальвинистского проекта начало формироваться на концепте предопределения, означавшего, что люди изначально не равны, а подразделяются на

избранных (меньшинство), предназначенных к спасению и на отверженных (большинство), кому суждено погибнуть в гиене огненной.

6. Идея избранности протестантизма во многих аспектах корнями уходит в иудейскую этику и религию.

7. Видимым признаком богоизбранности стало материальное благополучие, накопление богатства.

8. Обратной стороной этого явления выступало повсеместное преследование нищих и бедных в протестантских странах. Как известно, Ж. Кальвин строго запретил подавать милостыню, а принятые в Англии в XVIII веке «Законы о бедных» по сей день просто поражают своей жестокостью и бесчеловечностью.

9. Базовым фундаментом реформационной инверсии Запада стали идеалы Гуманизма, а логическим продолжением боготорческих тенденций — рационализация мира философией Просвещения. Человек был провозглашен мерой всех вещей. Становление человеческой гордыни на Западе все настойчивее смещало восприятие Иисуса Христа — Богочеловека от Сына Божия к его земной ипостаси. Мир земной становится важнее мира небесного. Вещь ценнее слова. Деньги важнее души. Собственно говоря, установки гуманистов, воспевавшие неограниченные созидательные возможности человека, начинают обожествлять человека, видеть в нем Бога, так как Создатель наделил его разумом по своему образу и подобию. Идея «богоподобия» переходит в идею «богоравности». Происходит опаснейшее смещение на оси ценностных координат.

10. Эпоха Просвещения стала следующим этапом на пути секуляризации, десакрализации европейского сознания. Главный этический концепт Просвещения — идея автономности человека от Бога. Логическим продолжением становится появление нигилизма и атеизма, так же являющихся неотъемлемыми атрибутами либерализма. Оставалось дело за малым — изъять Бога из мироздания. С этим вскоре успешно справились. Л. Фейербах заявил об упразднении Бога, а Ф. Ницше констатировал, что Бог умер.

11. Философия Просвещения, пользуясь словами Ж.А. Кондорсе, «эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», стала концептуальным фундаментом, подготовившим либерализм с его основными ценностями: об-

щественным договором и неотъемлемыми правами суверенных личностей, подменяющими богоданную иерархию ценностей и общественных связей. Это широко отворило дверь социальным революциям, сметавшим монархов, ломающим традиционные общественные устои, возводящим на эшафот помазанных Божьих.

12. Практическим следствием из религиозного деления людей на избранных и отверженных, атомизации общества стал англосаксонский расизм. Изначально применяемый лишь в отношении народов колонизируемых стран, впоследствии внесенный даже во внутреннюю стратификацию Великобритании. Премьер-министр Дизраэли отмечал в Англии наличие двух рас: «расы богатых» (предназначенных к спасению) и «расы бедных», чья участь печальна.

13. Изживание расизма на Западе происходит с большим трудом, поскольку, и это важно понимать, расистская теория и практика не удел маргинальной группы, а элемент аксиологического западного проекта, мировоззренческой матрицы. Подсознательный, глубоко ушедший и выросший в подкорки сознания латентный расизм западного человека всегда проявляется и входит в рецидив обострения при контактах с незападными, иными народами. Он проявлялся и в «экспериментах» Леопольда II в Конго, и в геноциде индейцев колонистами в США, и в Холокосте, и в уничтожении славян в годы Второй мировой войны. Новейшее время, к сожалению, также изобилует проявлением этого «племенного» сознания Запада. Это и компания по «сатанизации сербов», и по уничтожению государственности и геноцида населения в Ираке, Ливии и Сирии, на юго-востоке Украины. Несмотря на рационализацию и секуляризацию мировоззрения, современный Запад удивительно алогичен, иррационален и суеверен.

14. Гуманизм и расизм с неизбежностью, воспевая Человека и деля человечество на расы, привели к идее Сверхчеловека, породили и рукотворно вылепили нацизм, эту многоголовую гидру XX века.

15. Идея прогресса, в конечном счете, привела к прогрессу ради прогресса, к утрате современным человеком на Западе — самого главного — смысла бытия. Протестантское мышление, подкрепленное рациональными доводами философов-про-

светителей, лишило природу изначальной богоданной ценности. Природа стала ресурсом, за который необходимо бороться, согласно естественному отбору и установкам социал-дарвинистов. Доминирующее натуралистическое толкование движущих сил мировой истории утрачивало понимание её религиозно-философских побудительных мотивов, роль свободной воли человека.

16. Материалистическая парадигма либерализма привела к выведению новой породы человека-Голема. Големическая природа это субстрат материального, выступающая как вызов Богу. Ведь у Голема нет сферы духовного. Это онтологический антипод Адама. Современный Запад в антропологическом плане големичен. Свобода личности понимается там как освобождение от высших духовных императивов. На наших глазах реализуется глобальный проект антропологической инверсии по созданию человека нового типа, освобожденного от социальных и семейных обязательств, от норм морали и сексуальных табу. Пропустите всюду, не мешайте действовать! Но не стоит забывать, что определение степени свободы зависит от существующей в обществе системы запретов. Любое освобождение это путь к социальной дестабилизации. Когда-то общество ушло от первобытного стада и искоренению практики промискуитета. Возникли и табу на сексуальные отношения между родителями и детьми. Очевидно, что чем более в современном обществе человек дестабирирован, тем больше у него шансов на возврат в дикость первобытного состояния. Следовательно, абсолютное воплощение свободы ведет к анархизации социальных связей и, в конечном счете, неизбежно заканчивается гибелью общества.

17. Следует понимать, что либеральный протестантский Запад и Россия имеют фундаментальные мировоззренческие различия и принципиально разное понимание картины мира и бытия. В 90-е годы прошлого столетия действия Запада были направлены на развал осколков советской системы, в частности, социальной сферы. Провоцируя недовольство, американские экономические советники и младореформаторы правительства Гайдара фактически лишили выплат заработной платы учителей и врачей в регионах РФ. С неописуемым изумлением, американская пресса тех лет писала, что российские учителя и медики продолжают ходить на работу, не получая

зарплаты, мотивируя это простым аргументом: «А кто же будет лечить и учить? Мы не можем бросить на произвол судьбы учеников и пациентов». Для протестантского сознания это нонсенс, свидетельствующий о странности русских. Для нас – мировоззренческая модель поведения, построенная на социальной ответственности перед коллективом и обществом. Для русской души мироздание не ресурс, а святость, красота Космоса, природа – тело Божье. Протестантский же натурализм есть вера в Богоматерию. Просвещение, рационализовав природу, создало представление о линейности и необратимости времени, разрушив миф о вечном возвращении к дому, утраченному раю. Помните у Германа Гессе, «тихо запел Ансельм, возвращаясь в цветок ириса», в свой дом? Все это породило европейский пессимизм и нигилизм, утрату смысла бытия, создало ощущение экономии времени, суеты, торопливости.

18. Результатом плодов Гуманизма, Реформации, Просвещения и социальных европейских революций стало формирование представлений о свободном индивиде. Это породило психоз одиночества отдельного индивида, равного с другими. По оценке Т.Гобса, равенство определяется возможностью нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе. Тем самым формулируется циничный постулат либерализма «блага (материального) можно достичь, подавляя других, а, не объединяясь с ними. В социальном плане Запад логично пришел к гражданскому обществу, т.е. сообществу индивидов. Граждане заменили народ, коллективизм сменился индивидуализмом. Именно поэтому сама идея соборности, русской общинности, коллективизма столь раздражает Запад. Идеология собственного индивидуализма, антропологическое допущение, а порой, утверждение о природной кровожадности человека создали основы капиталистического духа.

19. Либерализм осуществил биологизацию культуры, объявив, что мир держится на инстинктах, а не на ценностях – системе идеалов и запретов.

20. Либерализм способствовал разрушению традиционного общества и установлению протестантского капитализма, породившего, по оценке Маркса, рабочую силу, превращенную в товар. Каждый индивид, таким образом, превращался в торговца, переставая быть мастеровым, инженером, врачом,

художником, писателем. Этот аспект имеет довольно фундаментальное значение, поскольку священной собственностью индивида объявляется, прежде всего, его тело, которым он имеет право торговать. Именно этим объясняется современная диаметрально различная оценка эвтаназии, проституции, гомосексуализма в культуре Запада и России. Исчезает понятие греха, морального общественного порицания, собственно с повестки дня снимается сам предмет дискуссии, ведь если это моё тело, то я могу им распоряжаться по своей воле и разумению. Это никого не касается, это вопрос не морали, а биологии и имущественных отношений. Это свобода продавать себя. Отсюда вытекает ещё одно фундаментальное отличие России от западной цивилизации: это абсолютно различное понимание свободы. На Западе – Свобода от чего, в России – Свобода для чего. В России: Я свободен, никто не может дать мне пощечину. На Западе: Я свободен, я каждого могу оскорбить. Русский мир всегда стремился к обретению свободы от страданий. Западный мир нацелен на стремление к свободе, открывающей путь к бесконечному поиску наслаждений. Основная мотивация поведения в Россию зачастую носит иррациональный характер, связана с идеалами и движениями души. Рациональный протестантский дух капитализма, основанный на жесткой конкуренции социал-дарвинизма, закономерно приводили к философии Ницше в духе: «Падающего ещё толкни». По словам В.В.Розанова, если бы русский заговорил в таком духе, его просто назвали бы мерзавцем.

21. Российскому менталитету свойственны представления о патерналистском государстве, отношения власти и народа носят иерархичный характер.

22. России присуща модель идеократии, в которой источником благодати и процветания является набор идеалов, признаваемых всем обществом.

23. Либеральный Запад и Россия имеют диаметрально противоположные представления о праве. Для Запада право – это закон, для России – правда. Отсюда извечный русский вопрос: Судить будите по закону или по правде? На Западе римское право придало отношениям человека с Богом юридическую трактовку. Это практика реализовывалась в учении об индульгенциях, в форме эффективного контракта, сделки с совестью.

Человек, выполнив часть контракта, мог требовать от Бога оплату. Если благодати не хватало, то её всегда можно было прикупить.

24. Практическое воплощение высшей стадии протестантского иудейско– капиталистического проекта было реализовано в процессе создания США – как Земли обетованной. Идеология «Американской мечты», вобравшей в себя мессианизм, провиденциализм, морализм, вместо морали, способствовала формированию и продвижению концепции либеральной унификации мира, его универсалистской глобализации. Создание многочисленных международных организаций, таких как Бильдербергский клуб, Тройственная комиссия, Римский клуб, всевозможных Фондов и Институтов по развитию и продвижению в мире американской модели мироустройства напрямую связано с активизацией во 2-ой пол. XX в. – нач. XXI в. доктрины неолиберального неоконсерватизма, во многом базирующейся на «Плане Марбург» и порожденном им вильсонизме.

25. Одним из продуктов «Плана Марбург» стали технологии искусственных революций, нацеленных на демонтаж правительств и смену неугодных США политических режимов, развитие института кураторов, хотя очевидно, что народы хотят перемен, а не революций. Эти методики были призваны остановить Россию, претендующую на роль мирового лидера в начале XX в. и с успехом были апробированы в русских революциях 1905 – 1907 гг., феврале и октябре 1917 года. Значительная «заслуга» в раскачивании российской политической лодки принадлежала Л.Д.Троцкому, связанного личными – политическими и финансовыми узами с элитами США. Идеология диссидентства в СССР 60-х гг. XX в. была, во многом, возвратом и продолжением идей троцкизма. И сегодня англосаксы планомерно приводят к власти нужных им политиков, проводят системную политику внедрения нужного им мировоззрения. Революция в России стала итогом внедрения в российское сознание в течение предшествующих 200 лет духовного протестантизма, богоборчества, секуляризации. Богоборчество Петра I растворило врата либеральному XIX веку, который подготовил восприятие марксизма, мутировавшего на российской почве в большевизм, заложило основу для либерального ренессанса в 90-е гг. XX в. – нач. XXI в. Оранжевые, жасминовые, революции роз,

прокатившиеся в последние десятилетие по миру, в сущности, имеет мало отличий от того, что происходило в России сто лет тому назад. Те же приемы манипуляции общественным мнением, лишь усиленные современными технологиями. Чеченская война, конец которой положил В.В.Путин, также из уголовного внутреннего мятежа была превращена в инструмент глобального мирового американского проекта.

26. Либеральный глобализм отличают двойные стандарты, морализм и опора на право сильного, а не на силу права. Якобы, гипотетическое использование химоружия Б.Асадом в Сирии чуть было не повлекло за собой уничтожение этой страны массированными американскими бомбардировками, пробирка с неким белым порошком, продемонстрированная в 2003 году в Совете Безопасности ООН Пауэллом, стала причиной казни С.Хусейна и начала непрекращающейся 11 лет гражданской войны в Ираке. Однако в 20-е гг. прошлого века английские войска в массовом порядке использовали химоружие, подавляя арабское национально-освободительное движение. Фосфорные мины и кассетные бомбы применялись войсками НАТО в Югославии, Ираке и Ливии. Киевская хунта, вооруженная и благословленная Вашингтоном, использует их сегодня, уничтожая гражданское население Юго-востока Украины. Гуманитарные грузы, идущие из США в Грузию в 2008 г., были до отказа набиты оружием. Гуманитарная помощь РФ в 2014 году, терпящему бедствие и лишения русскому населению Украины, трактуется госпожой Самантой Пауэрс в СБ ООН как военное вторжение России на территорию Украины. Социал-дарвинизм в действии. Право сильного. Естественный отбор. Цивилизация и варвары. Твоё — это моё. Но моё не твоё. Сомнительные лозунги можно продолжать, но стоит ли?

27. Ситуация на сегодняшней Украине это наглядная демонстрация полного набора неоконсервативных инструментов в действии. С тем, чтобы понять суть происходящего и просчитать развитие ситуации на пару ходов вперед всегда стоит искать ответ на вопрос: «Кому это выгодно?». Украине, России, ЕС? Основной актер один. Соединенным Штатам необходимо спасти свою финансовую систему. Колоссальный, на десятки триллионов долларов, долг тяжелейшим прессом давит на плечи американского правительства и бизнес-элит.

Обрушении доллара, экономический кризис, невиданного доселе масштаба, приведет к резкому падению покупательной способности в обществе, живущем лишь одним неумеренным потреблением, Это приведет не только к социальным беспорядкам и выступлениям в самих США, но и грозит переписать мировую повестку дня, сформировать условия для перехода от общества постиндустриального, виртуально глобализованного к обществу индустриальному, базирующегося на традиционных ценностях, от торжества светскости к сакрализации, от Бога умершего к Богу воскресшему. Позволю себе предположить, как США будут выходить из создавшейся ситуации, как они приступили к её решению на Украине, где, очевидно, идет Третья мировая война, репетицией которой был грузино-осетинский конфликт 2008 г. Происходящее на Украине это, прежде всего, не военно-политическая, а экономическая проблема. Судьба Украины и украинского народа в принципе не интересуют Белый дом. Интерес представляет создание и поддержание на этой территории «управляемого хаоса» как можно более продолжительное время. Хаос на Украине неизбежно приведет к перебоям, а в перспективе и к полному перекрытию энергопоставок из РФ в ЕС. Европа получит холодную зиму, а Россия упреки за невозможность выступать в роли надежного партнера. Никто в ЕС на фоне разжигаемой США русофобии не будет разбираться в причинах и деталях. Нет газа, газ идет из России – виновата Россия. Поощряя украинскую гуманитарную катастрофу, США воюют за европейский рынок энергоносителей. В.Ю.Сурков как-то очень тонко подметил: «Говорят о демократии, а думают об углеводородах». Америке нужна Европа, чтобы в нужный момент выступить в роли благодетелей и свернув поставки газа из России посадить ЕС на свой сланцевый газ. Но вы спросите, ведь известно, что его себестоимость в несколько раз дороже российского, его добыча сопряжена со многими экологическими проблемами, неужели европейцы пойдут на это? Думаю, что в том случае, если события будут развиваться по американскому сценарию, пойдут. Почему? У Вашингтона ответ готов. Всю 2-ю половину XX в. «План Маршалла» обеспечивал Европе материальное благополучие и военную безопасность. Пришла пора заплатить по счетам. Такое развитие событий превращает Россию в полити-

ческого маргинала, в скупого рыцаря, сидящего на никому не нужных природных ресурсах. Она попадает в полную изоляцию и окончательно деморализуется. По мнению Вашингтона, Китай, вряд ли, окажет нам действенную помощь. Его активы номинированы в долларах, его основной рынок – ЕС. Сценарий весьма вероятный, но не единственный. **Что в связи с обострением отношений РФ и Запада стоит предпринимать с тем, чтобы выстоять, удержать свои позиции, а возможно и переписать с учетом российских интересов политическую повестку дня?**

28. Начать надо со снижения накала эмоций, с понижения градуса дискуссии. Мы не должны обвинять США и идеологию неолиберализма во всех грехах. Это их идеология, она соответствует их этике и морали. США планомерно в свойственной им англосаксонской манере, вот уже более 200 лет защищают свои национальные интересы. Сегодня перед ними стоит задача интернационализации ресурсов, оттеснения России от Балтийского и Черного морей, контроля над нефтегазовым эллипсом от Аравийского полуострова до Кавказа. Поэтому не надо ограничиваться гневными констатациями, обличать других. Надо работать, созидать и формировать свой подход мироустройству.

а) Российскому руководству жизненно необходимо выбрать русскую идеологию развития. Это не вопрос тактики и стратегии. Это вопрос судьбы. Без идеологии, в принципах которой рядовому россиянину будет доступно и доходчиво объяснено каковы ценности, основы, задачи и перспективы российского общества, России просто не выстоять. По мере усиливающегося взаимного противостояния Запада и РФ начнется решающий раунд битвы за умы россиян. Нужно приложить исполинские усилия, но не позволить либералам, внутренней «пятой колонне», раскатать лодку. Если победят либералы, Россия будет обречена на развал, расчленение и уничтожение. Присоединение Крыма и Севастополя к РФ обнажило вековые геополитические пружины в отношениях Запада и РФ. Напомним, что лорд Пальмерстон открыто декларировал в 1856 г. задачу отторжения от России Крыма, а после падения Севастополя обсуждался вопрос и о территориях Закавказья и Северного Кавказа. Карта планов расширения кайзеровской Германии 1911 г. аналогична сегодняшней дорожной карте расширения НАТО на Восток. Министр иностранных С.Д.Сазонов в мемуарах писал о гран-

диозных планах Англии по расчленению России. А.И.Деникин в 1919 г. отмечал, что с поощрения англичан грузины заняли враждебную позицию по отношению к русским. З.Бжезинский в 1996 г. подчеркивал задачу изоляции сдерживания и желательного расчленения России. Присоединить к Западу Украину и Грузию, окружить РФ базами НАТО, перекрыть России выход к Черному морю. Его подходы не новы. Это суть англосаксонской геополитики. Жаль, что иногда по недомыслию как в случае с академиком А.Д.Сахаровым, иногда подогреваемые тщеславием, как М.С.Горбачев, многие из нас подсаживаются на эти крючки. Мы пребывали в эйфории от «нового мышления», а англосаксы остались верны старому мышлению.

б) Нужно стремиться одержать верх в войне информационной. Это задача даже важнее спуска на воду новых атомных подлодок. Эпоха Просвещения сменилась на Эпоху Сети. Нет в Интернете, значит, этого не существует в реальности. Виртуальность становится важнее реально происходящих событий. Производство имиджей вытесняет производство реального продукта. Симулякры используются и внедряются в общественное сознание в целях неэквивалентного обмена и ограбления. Виртуальный глобальный империализм в качестве идеологии опирается на агрессивный неолиберализм. Если Россия переломит общественное мнение в Евросоюзе, то победа будет за нами. Все внешнеполитические победы Россия должна конвертировать в свою принципиальную позицию. Франция и Германия как политические и экономические европейские лидеры уже осознают, но боятся в этом признаться, что им угрожает не российское великодержавие, а его отсутствие. ЕС — тыл для США. В ЕС должны осознать, что однополярный мир не состоялся. Их значение для США будет уменьшаться прямо пропорционально сокращению влияния России. США не раз демонстрировали черную неблагодарность к своим вассалам и бывшим союзникам. Проводя политику уважения международного права, настаивая на справедливом и мирном разрешении конфликтов и иных проблем в сфере международных отношений, Россия должна добиться формирования своего нового привлекательного и позитивного имиджа на Западе. Запад должен прекратить демонизировать РФ, стремиться к евразийскому партнерству и интеграции. В конце концов, казни и опрични-

на при Иване Грозном, репрессии сталинского периода ничем не хуже и не лучше кровавых деяний Генриха VIII, Кромвеля и Робеспьера. Пора прекратить сведение исторических счетов и от выяснения отношений перейти к продуктивному сотрудничеству.

в) Русскому миру необходимо обрести уверенность в своем великом прошлом и великом будущем. Сразу оговорюсь, речь не идет ни о каком возрождении имперского сознания. Россия должна быть сильной, отстаивающей свои интересы и уважающей интересы других участников всей палитры современных международных отношений. России просто невозможно не быть великой державой, входящей в клуб ведущих мировых игроков. Россия может быть или великой, или её просто не будет.

Русскому миру необходимо вернуть в своё историческое сознание вселенское значение византийского наследия, обратиться к своим корням и истокам, надо, наконец, прекратить сладостно ненавидеть Отчизну, чем с упоением занимались и продолжают заниматься российские либералы, потерявшие всякую связь с реальным пульсом общественной жизни, не понимающие, что рейтинг поддержки В.В.Путина в 87% ясно свидетельствует о том, что российское общество устало презирать Отечество. Если либералы XIX в. готовы были за свои идеалы попрощаться с жизнью, то какие свободы и ценности отстаивают либералы сегодняшние? Неужели это защита свободы инстинктов, победного марша геев по улицам Европы и языческой вакханалии в храмах?

г) Российское руководство должно пойти по пути кадрового обновления, смены элит. Старую клановую элиту должны заменить талантливые, патриотически настроенные граждане нашего Отечества, которых у нас наверняка больше, чем футболистов.

29. Успехи на этом тернистом пути уже есть. В российском обществе наступает выздоровление и понимание истинной сущности западных либеральных ценностей. Как писал Блез Паскаль: «Истина по одну сторону Пиренеев становится заблуждением по другую». Расстаться с иллюзиями и заблуждениями — наша задача. РФ на глазах у изумленного мирового сообщества становится лидером свободного мира. Теперь в ЕС и США «глушат» российские ТВ и радиостанции. В Россию

на ПМЖ потянулись западные «звезды». Ж.Депардьё получил российский паспорт, Микки Рурк и Стивен Сигал гастролируют по стране, покупая футболки с изображением российского президента и говорят, что господин Путин – настоящий джентльмен. Ток-шоу идут в прямом эфире, в СМИ нет цензуры, и обсуждаются любые темы. К слову, в США в каждой газете есть Справочник политкорректности, который содержит список вопросов, которые категорически нельзя обсуждать в СМИ. На наших глазах рождается новая конфигурация мира. Саммит БРИКС в Форталезе подвел итоги конца эпохи конкистадоров, устроивших мир по принципу «бусы в обмен на золото». Крах финансовой системы и доминирования США неизбежен. Вашингтон сам приближает такую развязку своей инфантильной политической неадекватностью. Администрация Белого дома страдает манией величия, ей не дают покоя фантомные боли былого, но, увы, утраченного могущества. Эта политическая близорукость проявляется не только в адрес России и Евросоюза, касается она и Израиля, который всегда выступал в тесном стратегическом тандеме с США. Иначе и быть не могло, ибо сама идея Америки, как мы уже отмечали, восходит к иудейскому идеалу. Однако на глазах недоумевающей израильской общественности США отталкивают их страну, бросают её, как Ирак, Ливию, ориентируясь на Катар, Саудовскую Аравию, Кувейт и даже Иран, с которым Америка проводит совместную антитеррористическую операцию против ИГИЛ в Ираке, поддерживают нацистов в Украине. В этой связи израильские общественные деятели все более частые гости на российском ТВ, а батальон «Алея» уже воюет на Юго-востоке Украины на стороне ополченцев. Все это свидетельствует о том, что в случае грамотного выверенного российского внешнеполитического курса на Ближнем Востоке возможна невероятная и даже трудно вообразимая перегруппировка сил. Израиль может перейти к сближению с РФ, не захотев тонуть вместе с США, а руководство РФ получит колоссальные геополитические преференции и долгожданную возможность по урегулированию ближневосточного конфликта.

30. В целом современный Запад демонстрирует удивительно последовательное и катастрофически невежественное отречение от собственных, пусть и утилитарных, ценностей, возвра-

ных со времен Реформации до конца XX века. Мы свидетели разрушения западного мифа. Происходит крах иллюзий относительно западных идеалов, как в российском обществе, так и в сознании интеллектуалов на Западе. Единственной ценностью в рамках американского глобального проекта, создающего манипулируемое тоталитарное государство, будет снобизм и гордыня. А это дорога в ад.

31. Динамизм мирового развития спустя 500 лет явственно перемещается в Азию. И это невозможно игнорировать и не замечать. Россия должна противопоставить идее глобального доминирования евразийский контрглобализм, создав новый полюс силы в виде оси: Москва-Пекин-Дели-Тегеран-Дамаск — Рио-де-Жанейро. В современных условиях Россия состоится только как евразийская держава и создание Евразийского экономического союза первый и решительный шаг в этом направлении.

Иван Аксаков писал: «Если поднимается шум и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западная держава готовит бессовестный захват чужой земли». Знайте, помните, и не стесняйтесь любить своё Отечество. Ведь сила не в деньгах, а в Правде. И Господь Бог тоже в ней. А Россию победить невозможно, потому что невозможно победить правду.

Именно для того, чтобы мы помнили и понимали нашу Великую историю, осознавая свою самобытность, своё место в мире, чуждость иных «ценностей», которые при переносе на российскую почву неизбежно приносят негативный результат, превращаются в псевдоценности, разрушающие и раскалывающие российское общество, и была написана эта книга. Удалась она или нет — судить не мне, а вам, уважаемый читатель.

*13 октября 2014 года.
д. Воробы.*

Библиография

1. Августин. О благодати и свободном произволении//Краткая история этики, М, 1987
2. Аверинцев С.С., Древнееврейская литература//История всемирной литературы, М, 1983
3. Азгади Хасан Рахимпур. Справедливость и глобализация// Глобализация и справедливость, М, 2007,
4. Акимов М.В. Геноцид, экоцид, психоцид как принципы доминирования, М, 2013
5. Аренд Ханна. Истоки тоталитаризма. М.,1996
6. Арх. Серафим (Соболев) Русская идеология, М, 2000
7. Архив полковника Хауза в 2 т., М, 2004
8. Архив полковника Хауза в 3 т., М, 1945
9. Аттали Ж. Краткая история капитализма//Краткая история будущего, М, 2014
10. Багдасарян В.Э.; Сулакшин С.С. Высшие ценности российского государства, М, 2012
11. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения, М., 2011
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, М, 1965
13. Башкин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и мышления, М, 1978
14. Березин И. Геостратегическая дымовая завеса// Однако № 17, 04.06.2012
15. Березовский В.Н. Россия и её ориентиры в современном мире//Главная тема № 7, 2005
16. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне// Антология мировой правовой мысли, М.,1999
17. Бжезинский З. Великая шахматная доска, М, 1998
18. Библия. Книги священного писания. Ветхого и Нового Завета, Брюссель, 1983
19. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры, Спб, 1995

20. Блохин К.В. Внешнеполитическая концепция американского неоконсерватизма и её реализация в отношении СССР и России (1945-2012 гг.) Автореферат к.и.н., М, 2013,
21. Бодрийяр Жан. Общество потребления, М.,1999
22. Бродель Ф. Динамика капитализма, М., 1993
23. Бросс Ж. Духовные учителя, СПб, 1997
24. Валла Лоренцо О наслаждении // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5-и тт., М.,1965
25. Валлерстайн И. После либерализма, М, 2003
26. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий// Атеист 1928, № 25
27. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма//Избранные произведения, М, 1991
28. Вернадский Г.В. Империя России. Монголы и Русь, М, 1997
29. Ветхий завет. Исход, М, 2000
30. Воронин С.А. Ключ к восточному небу (методологические аспекты дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока)// Восток-Запад: приоритеты эпох, М.,2012
31. Гаджиев К.С. США: протестантизм - религия американского образа жизни//Очерки истории западного протестантизма, М, 1995
32. Гегель Ф. Феноменология духа, М.,1965
33. Гердер И. Г.. Идеи к философии истории человечества М., 1977
34. Глобализация и справедливость. Под ред. Кирабаева Н.С., М, 2007
35. Глобалистика. Под ред. Мазур И.И., М, СПб, Нью-Йорк, 2006
36. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М, 2003
37. Гриффитс Ф. Вьетнам, М, 1971
38. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры, М, 1972, с.166
39. Гуревич А.Я. Мировая культура и современность// Иностранная литература, 1976, № 1
40. Давидсон А.Б., Сесиль Родс и его время , М., 1984
41. Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М.,2004
42. Дарвин Ч. Происхождение человека, М, 1959
43. Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль», М, 1955
44. Девятайкина Н.И. Петрарка как общественная личность перед лицом власти//Материалы международной конференции «Индивидуальное и коллективное в истории», Саратов,2001
45. Делюмо Ж. Ужасы на Западе, М, 1994

46. Джованни Пико делла Мирандола . Речь о достоинстве человека// Платонополис, М., 2005,
47. Джордано Бруно перед судом инквизиции// Вопросы истории религии и атеизма, М., 1956,
48. Дмитриева О.В. Англия в XVI – первой половине XVII в // История средних веков, М, 1999
49. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии, М, 1991
50. Жид А. Избранные произведения, М., 1993
51. Захаров В.Ю. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом //Электронный журнал «Знание. Понимание, Умение», № 6, 2008
52. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека, М, 2001
53. Зомбарт В. Современный капитализм, М., 1993
54. История средних веков, М., 1990. .т.1. Под ред. З.В.Удальцовой и С.П.Карпова,,
55. История средних веков, под ред. Колесниченко Н.Ф. и др., М., 1964
56. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Под ред. С.М. Сама, Саратов, 1984-1988,
57. Кант И. Сочинения в восьми томах, М., 1994
58. Кантор Г. Труды по теории множеств, М., 1985
59. Канценбах Ф.В., Штедтке И., Лютер М., Кальвин Ж.; Ростов-на-Дону, 1998,
60. Капто А.С. Мораль в моделях мироустройства, М, 2011
61. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России// В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, М, 1997
62. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции, М, 2009
63. Карпов В.В. Генералиссимус, М, 2006
64. Керов В.Л. Протестантизм и концепция Макса Вебера, М., 2009
65. Киссинджер Г. Дипломатия, М, 1997
66. Ключевский В.О. Исторические портреты, М, 1990
67. Конституция и законодательные акты буржуазных государств XII–XIX вв., М, 1957,
68. Короленко Ц.П. Чудо воображения: воображение в норме и патологии, Новосибирск, 1975,
69. Красиков А.А., Лазарев М.И. Церковь, государство и общество в Европе// Россия в многообразии цивилизации, М, 2011
70. Кузанский Н. Об ученом незнании, М., 1971
71. Кукарцева М.А. Философия истории в США второй половины XX века, М, 1999,

72. Кьеркегор С. Страх и трепет, М, 1993
73. Лапицкой М.И. Американская мечта//национальная идея: история, идеология, миф, М., 2004
74. Лейбниц Г.В. Сочинения, М.,1982-1989
75. Ленин В.И. О краске стыда у Иудушки Троцкого. Полное собрание сочинений, М., 1971
76. Личная секретная служба И.В.Сталина // Сб. документов, М, 2004
77. Любимов М.П. Шпионы, которых я люблю и ненавижу, М, 1998
78. Лютер М. Избранные произведения, Харьков, 1994
79. Ляйель Ч. Основные начала геологии, М, 1860
80. Ляпустин Б.С. Женщины в ремесленных мастерских Помпей//Быт и история в Античности (под ред. Кнебе Г.С.), М, 1988
81. Маришен Ж. Статьи и письма, М.,1987
82. Маркс К., Энгельс Ф., Соч, т.7,М, 1957
83. Метивье Ю. Франция в X – X вв.: от Франциска до Людовика X; М, 2005
84. Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814, М, 2006
85. Мнацакян М.О. Место протестантской этики в концепции капитализма М. Вебера.// Социс № 7, 1998
86. Мнацакян М.О. Национализм и глобализм, М, 2009
87. Можейко М.А. Иудаизм, М, 1998
88. Моль А. Социодинамика культуры, М, 1973
89. Московичи С. Век толп, М, 1996
90. Нарочницкая Н.А. Россия и мировой восточный вопрос// Анализ глобальных проблем, М, 1999
91. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в современном мире, М, 2011
92. Нижников С.А. Гуманизм и справедливость: история и современность//Глобализация и справедливость, М, 2007
93. Ницше Ф. Воля к власти, М., 1994,
94. Норвич Дж. История Венецианской республики, М.,2007
95. Павленко В.Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами. Диссертация на соискание степени доктора политических наук, М, 2008
96. Павленко В.Б. Мифы устойчивого развития, М, 2011
97. Парандовский Я. Петрарка// Иностранная литература, 1970, № 6, с. 129
98. Паррингтон В.Л. Основные течения американские мысли, М, 1997

99. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, Л, 1979
100. Перл Р. Твердая линия, М, 2001
101. Порозовская Б.Д. Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность//Я.Гус, М.Лютер, Ж.Кальвин, Торквемада, Лойола, М, 1995
102. Примаков Е.М Мир без России? К чему ведет политическая близорукость, М, 2009
103. Пухначев О.В. Загадки звучания колокола, М, 1974
104. Реснянский С.И. Церковно-государственная реформа Петра I, М, 2009
105. Руффини Ф. Религиозная свобода: история идеи, М, 1995
106. Самарин Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России М, 1880
107. Самир Амин. Вирус либерализма, М,2007
108. Самосознание европейской культуры XX в.: мыслители, писатели Запада о месте культуры в современном обществе, М, 1991, с. 313
109. Семёнов Ю.И. Политарный («Азиатский») способ производства, М, 2011
110. Сикари С.А. Портреты святых, М, 1991
111. Сказкин С.Д. Франция первой пол. XVI в.: Реформация и религиозные войны// История Франции в 3 т., М, 1972
112. Скальфи Романо. « Я с вами до скончания века»: Краткая история католической церкви, М, 1998,с.88.
113. Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, М, 1955,
114. Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии, М, 1978
115. Соловьев С.М. История России с древнейших времен, М, 1991
116. Средневековая Европа, М.,1994
117. Сталин И.В. Соч., М, 1951
118. Стили мышления и поведение в истории мировой культуры. Под ред. М.В. Дмитриева, М, 1990, с.126
119. Стингл М. Индейцы без томагавков, М, 1984
120. США: политическая мысль и история, М, 1976
121. Тенденции в странах Европы и Северной Америки: статистический ежегодник. ЕЭК ООН, 2003; М, 2004
122. Тодд Э. После империи. Рах Америгана – начало конца . М., 2004
123. Тойнби А. Дж. Постижение истории, М., 2006
124. Токвиль А. Демократия в Америке, М.,1992
125. Троцкий Л.Д. Европа и Америка, М, 1926
126. Троцкий Л.Д. К социализму или капитализму? М., Л, 1926
127. Троцкий Л.Д. Моя жизнь, М, 1990, с. 262

128. Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал Западного христианства в V в., М, 1892
129. Трубецкой Н.С. Европа и человечество, М.,2001
130. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык, М, 1995
131. Уорт Р. Антанга и русская революция. Россия в переломный момент истории, М, 2006
132. Февр Л. Бои за историю, М, 1991
133. Федотова Л.Н. Общественное мнение и журналистика, М., 2011
134. Фихте И. Сочинения в двух томах, Спб., 1993
135. Французская Республика: Конституция и законодательные акты, М, 1989
136. Фромм Э. Бегство от свободы, М.,1998
137. Фуко М. Археология знания М.,1996
138. Хазанов А.М. Величие и падение португальской колониальной империи, М.,2007
139. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, М.,2010
140. Хейзинга Й. Homo Iudens. В тени завтрашнего дня, М, 1992
141. Хрестоматия по истории средних веков под. ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина М. 1950-1953
142. Христианско-иудейский диалог, М, 1998, с.22-23
143. Черчилль У. Мировой кризис, М, 2004
144. Шелов-Коведяев Ф.В. Цивилизация на перекрестках глобальных парадоксов// Главная тема, М, 2005, №7
145. Шестаков В.П. США: псевдокультура или завтрашний день Европы? М, 2012
146. Шлезингер А.М. Циклы американской истории, М, 1992
147. Шпенглер О. Закат Европы, М.,1995
148. Шпенглер О. Пруссачество и социализм, М, 2002
149. Шубарт В., Европа и душа Востока М.,2000
150. Эдвардс Джонатан.Религиозные чувства,Харьков,1993
151. Яковлев Н.Н. Война и мир по - американски: традиции милитаризма в США, Л, 1989
152. Янов А. Л. Откуда в самодержавной России взялся Герцен?// Знание – сила № 3, 2009

Литература на иностранных языках

153. Adams J. The Epic of America, N-Y, 1931
154. Ascherson Neal. The King incorporated, L, 1963,
155. Bene Ch. Erasme et Saint Augustin on influence de Saint Augustin sur l'humanisme d'Erasme; Geneva, 1969

156. Bertalanffy Ludwig von. General system theory. N-Y, 1968,
157. Boorstin D. The Americans. The Colonial Experience, N-Y, 1958
158. Calvin J. La servante chassée. Sermon inédit sur l'histoire d'Agar (23 mars 1560) Genève, 1995,
159. Canneti E. Masse et puissance, Paris, 1966
160. Chamberlain H.S. The foundations of the Nineteenth century L, 1911.
161. Coleman William. Georges Cuvier, Zoologist, Cambridge, 1964
162. Crevecoeur Hector dc. What is an American//The Character of Americans, N-Y, 1970
163. Cunningham Graham R.B. Mogreb— el —Acksa, L, 1898
164. Cuvier G. Discours sur les revolutions de la surface du globe, Manchester, 1984
165. Darwin Charles. The origin of species, L, 1859
166. De Gobineau. Le comte J.A. Essai sur l'Inégalité de Races Humaines, Paris, 1855
167. Doyle M. Kant, Liberal Legacies & Foreign Policy// Philosophy & Public Affairs №12, 1983
168. Edinburgh New philosophical journal, vol. 28 (1-39
169. Eichengreen Barry. Exorbitant privilege. The Rise and Fall of the dollar, N-Y, 2011
170. Ganstad T.S. The Great Awakening in New England'NY, 1957
171. Hadgen R. Early Anthropology in the Sixteenth & Seventeenth Century, L, 1956,
172. Hillquit Morris. Loose leaves from a Busy Life, N-Y, 1934
173. Howe F. Confessions of a monopolist, Chicago, 1939
174. Igbafe Philip A. Benin Under British administration, L, 1979,
175. Journal of the history of biology vol. 10, № 19, L, 1977
176. Kampfner John "Freedom for sale" L, 2009
177. Lagergren David, Mission & state in the Congo, Uppsala, 1970,
178. Le Bon G. La psychologie politique, Paris, 1910
179. Le encicliche sociali dei Papi. Da Pio IX a Pio XII (1864-1946) Poma, 1946
180. Le encicliche sociali dei Papi. Da Pio IX u Pio XII (1864-1946) ,Roma, 1946
181. Le Nouvel Observateur, 15.01.1998
182. Lefever E. Modality versus Moralism in foreign politics// Ethics & World Politics, N-Y, 1972
183. Lind M. The Next American Nation. The Nationalist and the Fourth American Revolution, N-Y, 1995
184. Lindqvist S. Utrota varendas javel, SI,Stockholm, 1992

185. Moscow News/ September 29, 1991
186. Mozley J.B. A treatise on the Augustinian Doctrine of Predestination, N-Y, 1878
187. Reuss Martin The Disgrace & fall of Carl Peters // Central European history, vol. 14, 1981
188. Riccardi A. Intransigenza e modernita'. La Chiesa cattolica verso il terzo millennio. Roma, 1996, p.5
189. Rockefeller Jonh D. The second American revolution, N-Y, 2005
190. Roe Isabel, Knox R., The Anatomist, Edinburgh, 1964
191. Rosenthal Michael. The Character factory, L, 1986
192. Safair W. Political dictionary, N-Y, 1978
193. Smith Adam. The Wealth of Nations, L, 1776
194. Smith L. The English Language, N-Y, 1912
195. Smits L/ Saint Augustin dans l'oeuvre de Jean Calvin//Etude de critique Litteraire, Assen, 1957
196. Spencer Herbert. Social statistic, L.,1850
197. Steiffels P. Neoconservatives, N-Y, 1979,
198. The Century Magazine .September 1997
199. The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court, of Great Mogul, 1615-1619, London, 1926
200. The National Review. 2003. 21. 05.
201. The West and American Ideal, N-Y, 1931
202. Trotsky L. The Bolsheviki and World Peace, N-Y, 1934
203. White Charles. An account of the regular graduations in Man, L, 1799
204. Wise C. Jennings. Woodrow Wilson: Disciple of Revolution, N-Y, 1938

Содержание

Предисловие	3
Введение в проблему	6
Глава 1. Реформация и социально-экономические изменения в Европе.	10
Предыстория. Запад до Реформации.	10
Начало: от Августина до Лютера. Трансформация менталитета средневекового европейца.	19
Жан Кальвин. Материальный успех как индикатор богоизбранности.....	30
Глава 2. Экстаз гордыни человеческой. Реформация, Гуманизм, Просвещение и капитализм.	41
Капитализм и Реформация. Дух числа.	41
Вернер Зомбарт. Этика иудаизма и капитализм.	51
Ренессанс. Человек как мера всех вещей.	58
Просвещение. Модерн без благодати.	69
Глава 3. Американский Адам. Пуританизм в США.	80
Мессианство. Представление об «американском Адаме».	86
Провиденциализм.	87
Концепция фронта Ф.Д. Тернера.	95
Морализм. Сознательное бегство от ответственности.	97
«Плавильный котёл».	98
Глава 4. Расизм и геноцид как следствие рационализации мира.	103
Расизм, расовое чувство и протестантизм.	106
Немного теории.	109
А теперь практика.	115
Глава 5. Новый мировой порядок. Политический протестантизм.	125
Попытка внедрения интернационального либерализма в России. Троцкизм.	130
Доктрина унилатерализма. Неоконфы.	136
Глава 6. Глобализация и неолиберализм.	143
Самир Амин и Джон Кампфнер об эпидемии либерализма и игре по правилам.....	143
Глобализация и неолиберализм. Суть взаимодействия.	148
Византийское наследие и девиация западного проекта.	157
Глава 7. Петр I и протестантизм. Начало болезни русской жизни. ...	164
Глава 8. Россия в поисках себя.	176
Заключение	207
Библиография	223

Н а у ч н о е и з д а н и е

Сергей Анатольевич Воронин

**Главные заблуждения нашего времени:
от Реформации до неолиберализма**

Ответственный редактор *Е.А. Попова*

Компьютерная верстка *Е.И. Блиндер*

Подписано в печать 07.02.2015 г. Формат 60х90/16.

Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 14,50. Тираж 2000 экз.

Заказ №

Издательство «Школа великих книг»
125080, Москва, Факультетский пер., д. 6

Отпечатано в типографии «Наш стиль»